

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Раим ФАРХАДИ
Андрей СЛОНИМ
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Николай ИЛЬИН
Анатолий БАУЭР
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Саодат КАМИЛОВА
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Умида АЛЛАБЕРДИЕВА

новые имена

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ОТАХОНА

Рассказ

Через дорогу располагалось огромное здание новой престижной школы. По утрам здесь выстраивалась вереница дорогих машин – родители везли детей в школу. Отахон с доброжелательным интересом разглядывал упакованных в форму школьников и начинал светло мечтать о будущем своих внуков. Сидя в одиночестве на остановке, он мысленно выбрал и прожил вместе с ними множество жизненных путей, радовался еще не случившимся победам, предостерегал их от опасностей, мечтал о правнуках.

Расул БАБАЕВ

проза

СТАРОЕ И НОВОЕ

Повесть

Сегодня муллы снова угощались у председателя, они уже не те, что прежде, но не менее преданные. Отведав жирного плова, они ждали пожеланий и поручений председателя. Не было случая, чтобы кто-нибудь позвал их просто так, без причины: ели и пили всегда по поводу, иногда дорого приходилось расплачиваться. Как откажешь человеку в просьбе после вкусного плова? Никак! Приходилось часто преступать законы шариата, находить всякие лазейки.

Татьяна ОСИНА

философия искусства

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ «ИЛЬХОМ»

(к 45-летию театра)

Театральный сезон 2020-2021 для театра Марка Вайля «Ильхом», безусловно, особенный. «Ильхому» – 45, почти полвека, срок немалый – возраст зрелости, опыта, подведения итогов. <...> за годы существования с честью выдержал испытание временем, пережил распад СССР и занял достойное место в пространстве нового независимого государства Узбекистан. Крайне важно, что цель сохранения и передачи социальной памяти новому молодому поколению зрителей Узбекистана совпала с собственной внутренней потребностью театра к саморефлексии.

Я видел дни – и не заметил день

Я видел дни – и не заметил день.
Стою теперь, дивлюсь: откуда тень?
Погас взлетевший в небо столп огня.
Все, хватит – дисаппойнтмент у меня.

Как это грустно, жизнь прожив в мечтах,
Очнуться и познать реальный страх
Пред тем, что презирилось свысока...
Ну что же вы молчите, облака?

литературоведение.
литературная критика

Татьяна АВДОНИНА

АНТИУТОПИЯ И ПАНДЕМИЯ НАШИХ ДНЕЙ

В пространстве нарастания негативных тенденций большое распространение приобретают романы-антиутопии, которые разоблачают несостоятельность административно-бюрократической модели общества. В таких фантастических произведениях <...> герои чаще всего представляют собой условные типажи, аллегорические маски <...> автор целой системой иносказаний выражает свое отношение к власти.

переводы

Улугбек ХАМДАМ

ХУДОЖНИК

А время было таким, что, если чуть зазеваешься, будь ты художник или кто другой, черная тряпина быта мгновенно засосет тебя. Да что я говорю?! То время даже ловкачей заставляло думать о хлебе насущном. А художник, как я узнал впоследствии, был из неудачников и пережил немало трудностей, свалившихся ему на голову. Потом он еще несколько раз просил у меня в долг и каждый раз обещал: «Писатель, не переживай, я обязательно все верну тебе!» Я уже не обращал особого внимания на эти обещания, потому что давно знал цену словам в нашей реальности. А человек, как известно, – частичка своей эпохи и общечеловеческих ценностей в ней.

Перевод с узбекского Дильфузы Хатамовой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сергей ГОРДИН. Разговор с отцом.	5
Шухрат САКИЕВ. Случайная беседа. Рассказ.	6
Лев ГРИГОРЯН. Длинная дорога. Рассказ.	9
Алишер АДЫЛБАЕВ (Algebr). Охота на зайцев. Рассказ. ..	14
Нариман ИСКАНДАРОВ. Назову сына твоим именем... Рассказ.	17
Марат БАЙЗАКОВ. Гроссмейстер или чайник?..	23
Расул БАБАЕВ. Старое и новое. Повесть.	41

ПОЭЗИЯ

Наталья ВОЗНЕНКО. Улетают души, чтобы возвратиться. 24	
Бах АХМЕДОВ. Какой-то странный перелом... ..	36
Владимир ЛЕБЕДЕВ. Тот на земле оставит след, кто в не- беса стремится !	84
Андрей ПАВЛЮК. Я видел дни – и не заметил день.	101
Наталья БЕЛОЕДОВА. Мне никак не дает покоя... ..	110

ПЕРЕВОДЫ

Улугбек ХАМДАМ. Художник. Рассказ. Перевод с узбек- ского Дильфузы Хатамовой.	25
Абдулла АРИПОВ. Люди извечным родством скреплены. Пе- реводы с узбекского Раима Фархади и Николая Ильина . ..	75
Кучкар НАРКАБИЛ. Бумажник. Рассказ. Перевод с узбек- ского Нигоры Юсуповой.	115

НОВЫЕ ИМЕНА

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ. Страсти по Маяковскому. Рассказ. 60	
Михаил СМИРНОВ. Проводы осени. Рассказы.	89
Умида АЛЛАБЕРДИЕВА (Анита Элив). Один день из жизни Отахона. Рассказ.....	104

К 580-ЛЕТИЮ АЛИШЕРА НАВОИ

Андрей СЛОНИМ. Идущий сквозь века.	63
Исмаил КУЧИЕВ. Путь поэта. Фрагмент из поэмы.	64
Хомиджон ХОМИДИ. Наш гений.	71
Шерхон КАРАЕВ. Поэтические вечера тимуридского пе- риода.	73

КАРАВАН ИСТОРИИ

Юрий ФЛЫГИН. Дом с легендарной судьбой.	121
Гузаль ЭГАМБЕРДИЕВА. А. Н. Самойлович о культурной жизни Хивинского ханства.	132

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Александр ТЮРИН. Счастлив творческой судьбой.	112
Татьяна ОСИНА. Неизвестный известный «Ильхом» (к 45-летию театра).	128

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Николай ИЛЬИН. Стихи мастера (лирика Абдуллы Арипо- ва последних лет).	76
Го Тяньюй (Guo Tianyu). Басня в творчестве «искровцев» (вторая половина XIX века).	135
Татьяна АВДОНИНА. Антиутопия и пандемия наших дней. 142	
Наргиза АЛИМОВА. Конфликт в художественной прозе Джумпы Лахири.	148

На 2-ой странице обложки журнала сцены из спектакля театра
«Ильхом» «Играем Стринберга», на 3-ей и 4-ой страницах кар-
тины А. Тюрина.

Звезда Востока

2021 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.
E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@mail.ru
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 450 экз. Заказ № 18

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.

Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

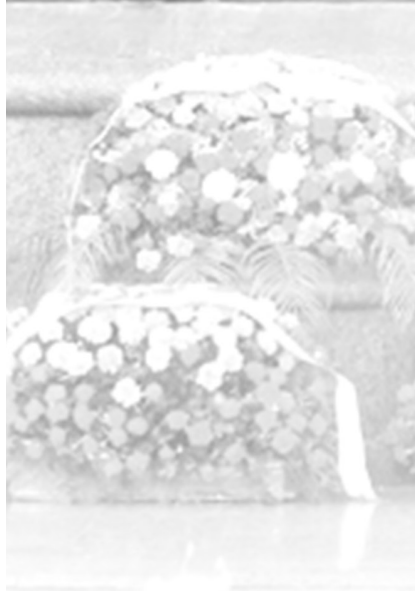
Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

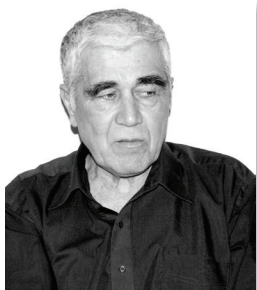

Разговор с отцом

Я никогда не обнимал отца,
Но знал, что это у других бывает,
Когда его седая голова,
К груди прижавшись, сердце согревает.
Как гладишь плечи тонкие его,
Как шепчешь: «Папа... Папочка... Папуля...»
Но помню шрам, где в грудь его вошла,
И на спине рубцы, откуда вышла пуля.
Я помню, как на майские не шли,
Мы вместе с ним с шарами и флажками,
Подушки помню, что пред ним несли
С его медалями и орденами.
Его совсем я, в сущности, не знал,
Но знал про них – Красавцев и Героев,
Которых вал пылающий сжигал,
Когда они высоты брали с бою.
Которых пули косами секли,
Которые домой не возвращались,
Которые безвременно ушли,
А мы сиротами без них остались...
Как жаль, отец...
Благодарю за жизнь,
Сейчас бы нам поговорить с тобою,
Подушку поудобней положить,
Поправив под твою головою.
Прочсть стихи...
Ты знаешь, я – поэт,
И сам не знаю, как такое вышло,
Но я старался сердцем не кривить
И знал всегда, что для тебя – все
Слышно.
Что совесть есть. Она всегда жива,
Она бумажный чистовик шевелит,
Вот говорят, что все забыть пора,
А я не буду! Я в бессмертье верю!

Сергей ГОРДИН

СЛУЧАЙНАЯ БЕСЕДА

Рассказ

Шухрат САКИЕВ

Чтобы завершить паспортизацию здания городского оперного театра, построенного знаменитым архитектором Шусевым, не хватало заключения археолога по обследованию фундаментов. Наш археолог работал на дому. Я взял в отделе кадров адрес и, созвонившись, направился к нему на встречу.

Встретил меня Константин Сергеевич радушно. Когда я пожал протянутую им руку, видимо, на лице моем, как я ни старался скрыть, пробежала гримаса брезгливости. Кисть его руки была покрыта пупырышками, подобно лягушачьей коже.

– Не волнуйся, – заметив мое смущение, сказал он, – это осколки у меня. Они сами потихоньку выходят, – и указал на блюдце с осколочками со спичечную головку и меньше. Затем, приветливо распахнув двустворчатую дверь, К. С. предложил мне пройти в зал.

Небольшую комнату залом можно было назвать лишь условно. Обставлена она была по старинке: круглый стол, накрытый расшитой скатертью, над ним тканый абажур оранжевого цвета, окантованный бахромой. На полу и стенах ковры. Между двумя распахнутыми окнами, из которых доносился запах сирени, стоял комод старинной работы с пузатыми передними стенками выдвижных ящиков и блестящими медными витиеватыми ручками. На этом антикварном комоде, покрытом расшитым покрывалом, стояли фарфоровые часы с круглым небольшим циферблатом, окруженные скульптурками, изображающими отдыхающих на природе дам в шляпках и кавалеров в париках. Такие часы можно было встретить разве что в музее. На фоне красного ковра над диваном у стены одиноко красовался кортик в черных ножнах. Обычно такие носят морские офицеры, и я подумал: «Не на флоте ли он когда-то служил?»

– Эти часы перешли вам по наследству? – обратился я к К. С.

– Часы эти австрийские, трофейные.

К. С. Шахурин – человек среднего роста, широкоплечий, подвижный, крепкий, с живыми серыми глазами, дружелюбный и молодцеватый, не

Шухрат САКИЕВ. Родился в 1946 г. Окончил Ташкентский архитектурно-строительный институт. Работал преподавателем в художественном училище им. П. Бенькова, архитектором, реставратором в Институте реставрации и консервации памятников Узбекистана. Живет в Ташкенте.

производил впечатления фронтовика.

– Вы фронтовик? – спросил я его.

– Ну да, – просто ответил он, почесывая кисть правой руки.

В книгах о войне, в описании баталий, стычек, рукопашных схваток всегда присутствуют героизм, романтика, а что, интересно, он расскажет об этой войне? Захотелось спросить об этом.

– Конечно, были и героизм, и романтика... Я учился в университете, когда началась война, и в первый же день пошел в военкомат с просьбой отправить меня на фронт. Отказали. Сталин не разрешал призывать в армию студентов-дипломников. Я сказал военкому, что хорошо владею немецким языком и считаю, что буду полезным на фронте. «Ну что ж, раз владеешь немецким, приходи завтра на сборы!» И меня сразу отправили на линию фронта в разведроту.

– А я подумал, что руку свою вы на охоте случайно поранили.

К. С. рассмеялся:

– Какой там, это от осколочной гранаты.

Приветливый, открытый его взгляд побудил меня вступить с ним в беседу.

– Расскажите, как вы впервые столкнулись со смертью на войне?

Он задумался, видимо, вспоминая о чем-то.

– Мы драпали поначалу. Если бы не немецкий орднунг, не знаю, был бы я сейчас жив или нет. В шесть вечера немцы прекращали наступление. У них заканчивался «рабочий» день. Еще бы час-другой – они догнали бы и перебили нашу роту. Мы Бога молили: скорее бы наступили спасительные шесть часов. Убегали-то на своих двоих, а они за нами – на мотоциклетах. Однажды к шести часам они приблизились к нам настолько, что пуля из автомата попала в живот моему другу. Нет тяжелее ранения. Человек не умирает, а боли страшные. Мне пришлось бежать, взвалив его на спину. Корчась от боли, он просил на привалах: «Костя, расстреляй меня!» Да как же на друга рука поднимется?! Как-то на ночь я прислонил его к груше (так ему легче было), а сам раскатал шинель и заснул. К рассвету он уже был холодный. Похоронил я его под этой грушей наскоро и с тех пор умерших не страшился.

Я перевел взгляд на кортик и спросил не его ли это личное оружие? Шахурин будто ждал этого вопроса.

– Его путают с морским кортиком. Я снял его с убитого эсэсовца после боя, повесил себе на ремень, как игрушку, и все время носил с собой, не расставался.

Внимательнее разглядывая кортик, я заметил, что он немного короче морского, рукоять потолще, вид более угрожающий, чем у кортика, который моряки-офицеры носили скорее для парадности.

– Мародерства среди наших солдат не наблюдалось? – спросил я. – У Бёлля есть рассказ о немце, вырывавшем у трупов золотые зубы. Часовой, стоявший глубокой ночью на посту, услышал странное глухое постукивание в лесу, где было много погибших и не захороненных после бомбежки. Он разбудил сменщика и осторожно пошел в глубину леса на затихающие и снова всплывающие звуки. Узнав в темноте знакомого фельдфебеля, бывшего дантиста, ловко орудующего штыком и молотком, часовой его окликнул и, когда тот в испуге повернул голову, пристрелил его.

– Нет, – ответил К. С., – мародерства я не замечал. Ранцы у немцев были хорошие, кожаные, их мы забирали. Там часто оказывались съестные припасы. Ну, если у кого сапоги порвались или кто-то в обмотках был вместо сапог, так снимали с фашистов, чего греха таить. Да и какой это грех: не ради наживы – быть бы живу. А этому кортику я обязан жизнью, – продолжил он.

Я, конечно же, попросил рассказать, как это случилось.

– Однажды командир вызвал меня и еще двух бойцов и приказал разведать дислокацию противника, чтобы провести максимально точную арт-подготовку перед боем. Вышли мы на разведку в полночь, вооружившись пистолетами. Кругом темно, тихо. Договорившись о месте встречи, мы разошлись в трех направлениях. Я прополз вперед, как мне казалось, большое расстояние. Ни часовых, ни заграждений. «Может часовой заснул или отлучился куда, и я не заметил его?» Я стал всматриваться и заметил впереди слабое свечение снизу, будто из окопа. Вынув из кобуры пистолет, подполз к месту, откуда исходил свет. Смотрю – внизу под маскировочной лампой склонились, изучая карту, три немецких офицера. Не раздумывая, прыгнул вниз с криком: «Хендэ хох!» Опешившие немцы подняли руки. Я застрелил в упор одного, второго, а третий раз курок шелкнул впустую. Офицер понял, что пули в обойме кончились, и потянулся к своему пистолету. Я молниеносно выхватил кортик и в прыжке через стол вонзил его прямо ему в сердце. Он тихо сползал по стенке, глаза его угасали, он только успел произнести: «Ма... ма...»

Молодой был, белокурый, совсем еще мальчишка. Я представил себе этого юного офицера в новеньком мундире, мечтавшего о наградах и званиях, еще и не нюхавшего, может быть, пороха. Он внезапно, неожиданно нашел свою смерть, отошел и успокоился. А вот его мама... Сердце матери, конечно же, услышало зов своего дитяти. И в ожидании похоронки она почернела изнутри. И как жить теперь ей с этим горем?! Без праздников, без радости, проклиная человека с усиками под носом и шизофреническим взглядом, которого когда-то так боготворила.

Мы оба некоторое время помолчали. Шахурин почувствовал мое состояние, да и в его голосе, когда он говорил о мальчишке, слышались нотки сострадания.

– Константин Сергеевич, – прервал я молчание, – если б не кортик, белокурый юный немец вас бы спокойно застрелил и гордился бы этим.

– Да так, – будто обрадовался Шахурин моей оценке происшедшего и пригласил в столовую попить чайку. Я спешил и, поблагодарив за приглашение, взял заключение и распрошлся.

ДЛИННАЯ ДОРОГА

Рассказ

Лев ГРИГОРЯН

– У памятника сегодня странный дядька бродил, – сказал вдруг Сурен. – Такой... даже слов не подберу, какой.

Вачик с любопытством взглянул на Сурена: не бывало еще, чтобы Сурен не мог подобрать слов.

Они сидели втроем на скамейке у фонтана – Вачик, Сурен и Айко. Ждали, пока Айко доест мороженое, – тот, как всегда, отставал.

– Что же в нем было странного? – спросил Вачик.

– А ты представь: ходит и смотрит вот так, – тут Сурен вскочил, картинно зашатался и соорудил такую гримасу, будто хотел загипнотизировать мохнатого Шуника, блаженно развалившегося в тени под скамейкой напротив.

– Пьяный, что ли? – спросил Айко, вытирая белые «усы» ладошкой. – Или паралитик?

– Сам ты паралитик, – махнул рукой Сурен. – Что, я паралитиков не видел? Этот совсем другой был. Будто нездешний.

– В смысле, приезжий? – уточнил Вачик. – Может, иностранец?

К заезжим туристам у Вачика был особый интерес. Французы, грузины, испанцы казались ему героями нечитанной книжки, полной приключений и волшебства. Незнакомая речь, другая одежда, по-иному звучащий смех... Еще было у иностранцев особое, почти колдовское свойство: они смотрели на привычный Вачику город с непривычным восторгом, и сам город под их взглядами делался будто бы совсем юным, по-весеннему свежим и очень древним одновременно. Хотя он и так древний.

А еще Вачик собирал монеты разных стран. Правда, половину коллекции составляли монеты русские, и это казалось не так интересно: Вачик до сих пор не решил, считать русских настоящими иностранцами или нет.

– Шпион, – уверенно сказал Айко. У Айко к иностранцам интерес был другой: он мечтал поймать шпиона и прославиться. Прадедущка Айко много

Лев ГРИГОРЯН. Родился в Москве в 1980 году. Выпускник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Сотрудник Института научной информации (ВИНИТИ РАН), кандидат наук. Автор рассказов, сказок и стихов. Публиковался в многочисленных периодических изданиях. Лауреат конкурса «Хрустальный родник», дипломант Гайдаровского конкурса (2018).

рассказывал ему о шпионах, и Айко слушал его раскрыв рот. Для прадедушки разговоры с Айко были отдушиной: остальные домашние недолюбливали старика, в том числе за рассказы из времен его молодости.

– Да нет, – отозвался Сурен задумчиво. – На приезжего не похож. Просто взгляд у него был нездешний. Словно не из нашего мира. Словно он вообще среди людей чужак. И, может быть, даже не замечает, что вокруг него – люди. Мы на скейтах катаемся, носимся, кричим, а он смотрит будто сквозь нас и не слышит. Как если бы нас там не было... Я даже подумал: может, я один его вижу? Может, мне причудился тот самый... мираж? Но тут Шуник к нему подходит, об ногу трется, и я понял: не мерещится.

– А он что? – спросил Вачик.

– Ничего. Почесал за ухом, не глядя. И пошел себе дальше. Не спеша так, еле-еле. Я думал военные так не ходят. Они всегда собранные, энергичные.

– А он разве военный? – удивился Вачик.

– Ну да. Я не сказал? Форма у него военная, весь такой в камуфляже. И орден привинчен.

– Какой орден? – живо заинтересовался Вачик. Помимо монет, у него была страсть к орденам и медалям – увы, совершенно неудовлетворенная. Потускневшие награды минувших эпох продавались на лотках вернисажа, но стоили дорого. Куда дороже старых монет. Так что Вачику оставалось только мечтать. И он мечтал: вот добудет когда-нибудь орден, прицепит к своей футболке так, чтоб блестел вовсю, переливаясь на солнце, и пройдет по улицам гордо, как настоящий герой.

Дешевле других продавал ордена дядя Манвел, пожилой, сухошавый, с хитринкой в глазах. Его столик, крайний в третьем ряду, прислоненный вплотную к лоткам с деревянными бусами и магнитами на холодильник, появлялся на вернисаже лишь по субботам. До магнитов и бус Вачику дела не было, а вот у столика дяди Манвела он, бывало, простаивал долго, чуть не по полчаса. Перебирал монеты, рассматривал значки и горящим взором пожирает недоступные ордена, не решаясь даже коснуться.

Монеты всех стран Вачик знал наизусть: знакомые армянские, орластые русские, болгарские стотинки с боксерского вида львом, сантимы с Святительницей, арабские с непонятными закорючками, немецкие с дубовыми листьями и другие немецкие – с циркулем.

– Смотришь, смотришь, ничего не берешь, – беззлобно ворчал дядя Манвел.

– А я выбираю, – отвечал Вачик, вздернув нос. – Вот выберу и куплю.

– Ну выбирай, выбирай, – вздыхал дядя Манвел.

Разговор этот повторялся каждую субботу. Но Вачик все не мог выбрать. А однажды дядя Манвел подарил ему монету с дырочкой – просто за так.

– Датская! – восхитился Вачик. И от восторга и смущения забыл даже поблагодарить дядю Манвела.

Монета была истертая, медная, но года не очень старого. Впрочем, все равно старше Вачика. Так что он, продев сквозь дырку шнурок, носил ее, как медальон.

– Я Гамлет, принц Датский, – говорил Вачик Сурену, отставив ногу

и приняв величественную позу. – А ты кто? Неужто мой бедный Йорик? Протяни-ка сюда свой череп, он тебе уже не понадобится.

Сурен только хмыкал и советовал Вачику беспокоиться о собственном черепе, не то мало ли что...

Позже, на излете весны, Вачик из денег на мороженое купил у дяди Манвела значок молодежного фестиваля. Значок был красивый: цветок с пятью лепестками – желтым, красным, зеленым, лиловым и голубым. А в середине летящая птица. Очень понравился Вачику этот значок: сияющий, веселый и одновременно с грустинкой. Вачик поначалу не мог понять, откуда эта грустная нотка. А потом понял. Значок был похож на эмблему геноцида армян.

Впрочем, дядя Манвел, протягивая Вачику значок, вздыхал не о том.

– Сам когда-то такой носил, – сказал дядя Манвел. – Для нас делалось. Мы и были та молодежь. «Фестивал, Катюша», – добавил он по-русски, словно передразнивая кого-то. – А теперь восемьсот драмов – и носи на здоровье кто хочет.

– Скинул бы сотню мальчонке, – бросила через плечо проходившая мимо тетя Ануш, соседка дяди Манвела.

– Восемьсот, – повторил дядя Манвел и с усмешкой добавил: – Свою молодость продаю. Разве молодость дешевет?

Вачика же поразило открытие: оказывается, дядя Манвел, старый, с морщинами на лбу и впалых щеках, тоже когда-то был «молодежью». И птица, которая на значке, стремилась ввысь для него.

Этот значок Вачик носил недолго. Как-то раз подрался с ребятами из седьмого подъезда – те дразнили Айко. Драка – так, ничего серьезного, не первый раз. Зубы целы, нос на месте, даже синяков не осталось. Но пришел домой – нет значка. Сколько ни искал – не нашел.

Вечером Сурен приташил яркий фонарь, как из фильмов о сыщиках, и они искали вдвоем: Сурен, Вачик и Айко. Сурен нашел пуговицу (уверял, что серебряная), Айко – бутылочную крышку с узорчатой буквой «S», а вот Вачику не повезло. Показалось было блеснит! Но увы, это был лишь осколок стекла.

На вернисаже, наверное, можно было добыть другой такой же значок. Однако Вачик, как истый коллекционер, не любил повторений. К тому же ему не хотелось, чтобы кто-то, как дядя Манвел, торговал своей молодостью.

– Покупая чужую молодость, сам становишься стариком, – изрек на сей счет Сурен.

А вскоре уже и значки забылись: Сурену родители купили скейт, и ребята теперь часами напролет катались у памятника, выписывая лихие выражения и демонстрируя чудеса мастерства.

Иногда на мальчишек поглядывала кудрявая Изабель из 6 «А», возвращавшаяся с танцев домой, и тогда ветер обжигал Вачику щеки, колкие мурашки пробегали вдоль шеи, а в голове разом делалось пусто и невесомо. Однажды невесомость чуть затянулась – мир завертелся перед глазами, и Вачик обнаружил, что лежит на земле. Боль в колене, ссадина на руке, но сильнее всего – захлестывающий страх: сейчас Изабель засмеется! Вот же стыд!

Но она не засмеялась. Подбежала – в глазах не то испуг, не то

удивление. Протянула руку:

– Вставай!

Хотя раньше не разговаривали.

Но ответить Вачик не успел: его уже подхватил за плечи Сурен, помог сесть.

– А ты иди, – строго сказал Сурен, покосившись на Изабель. – Нам тут не надо...

Она исчезла мгновенно, словно и не было ее вовсе. Вачик же, закусив от боли губу, поднялся на ноги, подхватил скейт и, не глядя совсем на Сурена, поехал на новый круг.

...И вот теперь середина лета. Площадь, большой фонтан, беззаботные люди снуют по своим делам, а кто-то вовсе без дела. Здесь когда-то была революция, и людей было больше, стояли целые толпы: Вачик бегал смотреть, не спросясь у родителей. А сейчас все как прежде. Но что-то все-таки изменилось. И Вачик посматривает по сторонам, пытается определить что.

– Меньше усталых лиц, – сказал один прохожий другому.

– И там теперь вход свободный, – кивком указал второй.

– Главное – выход, – фыркнул первый.

Они прошли дальше, а Вачик подумал: «Вот бы и в нашей школе так сделать: вход-выход свободный, и чтоб без усталых лиц».

...Суббота, площадь. Сурен рассказывает, как странный военный ходил у памятника. Солдат непростой, с орденом.

– Какой орден? – откликается Вачик.

– А я знаю? – удивляется Сурен. – Может, за Талыш. С бело-красной лентой такой... Пойдемте, что ли, уже? Засиделись. Айко, у тебя нос в мороженом.

Айко послушно трет нос.

...Домой ведут две дороги – короткая прямая и длинная. Прямая идет через вернисаж. Вачик любит эту дорогу. Там всегда найдется что посмотреть. А сегодня суббота, значит, снова за столиком будет дядя Манвел со значками и орденами.

Сурен порой смеется:

– Длинной дорогой пойдешь, небось, выйдет короче.

Длинная дорога тянется в обход, параллельной улицей. Но и вправду выходит быстрее: глазеть не на что.

Ребята шагают втроем: Сурен, как всегда, впереди; Айко, по обычаю, отстает. Проходят мимо хачкаров, сторонятся больших собак, всегда играющих в сквере. У столика со значками Вачик предсказуемо застревает, глаза его разбегаются, и он уже не слышит Сурена, забывает о странном военном, о времени, обо всем...

...И, наверное, тот рассказ так и выветрился бы у Вачика из головы, растаял, не оставив следа, если б через несколько дней он сам не увидел солдата.

Дело было под вечер. У памятника, как и рассказывал Сурен. Ребята со скейтами уже разошлись, лавочки пустовали, и только немногочисленные прохожие спешили мимо, не оглядываясь. А у памятника стоял ОН.

Вачик замер. Воззрился на человека в военной форме – высокого, чуть сутулого. Человек стоял к нему спиной, но Вачик сразу понял, что это

ОН. Тот, о ком говорил Сурен.

Не родственник, не какой-то знакомый, и все же Вачика на миг накрыло чувство странного узнавания. Хотя чем угодно он мог бы поклясться, что никогда этого человека не видел.

Военный не спеша повернулся, двигаясь как-то неестественно, скованно, и Вачик мог теперь разглядеть его лицо. Не старое, но и юным не назовешь. «Человек без возраста», – вспомнил Вачик расхожую фразу. Еще шрам на скуле – бледная полоса. Сурен ничего не сказал про шрам.

На куртке камуфляжного цвета был и вправду привинчен орден – золотой, поверх бело-красной ленты.

Вачик уставился на орден во все глаза. А военный посмотрел на Вачика, будто только сейчас заметил его присутствие. Усмешка тронула его губы, и что-то мелькнуло во взгляде такое, что Вачик слегка оробел.

Нет, он не почувствовал ни враждебности, ни угрозы – лишь какую-то смутную неловкость, словно нарушил по незнанию некий важный запрет или попался за подглядыванием в замочную скважину.

Что-то было в глазах военного непонятное, не поддающееся описанию словами. Будто смотрит человек из дальнего далека, из бездны, из пустоты...

Это не был бессмысленный взгляд слепого. Незнакомец видел Вачика, может, даже видел насквозь, со всеми его страхами, тайнами, самыми сокровенными мечтами. Но смотрел на него не отсюда, не от памятника, что высился в десяти шагах, а из безмерно далекого, непостижимого мира, куда Вачику никогда не попасть, даже если идти туда тысячу лет.

Военный медленно механическим движением поднял руку, на мгновение заслонив орден, и все с той же усмешкой кивнул Вачику.

– Спасибо... – прошептал Вачик. А может, просто подумал, потому что гулоса своего не услышал. – Спасибо... но я... нет...

Пустота потеплела. Военный чуть тряхнул головой, развернулся и быстрым шагом пошел прочь.

А Вачик вдруг ощутил абсолютную невозможность оставаться на месте. Опрометью, во все лопатки, он бросился домой и бежал, бежал не останавливаясь до самой двери. Так и влетел без лифта на четвертый этаж.

– Что с тобой, Вачик-джан? – спросила мама, открывая дверь.

– Я... там... нет... Я не знаю, – пробормотал Вачик, не в силах перевести дух.

И больше о той встрече не сказал ни единого слова. Никому. Ни в тот день, ни на следующий, ни позже. Вообще никогда.

И никто, даже чуткий Сурен, так и не догадался, почему теперь Вачик обходит вернисаж стороной, а домой возвращается только длинной дорогой.

ОХОТА НА ЗАЙЦЕВ

Рассказ

Алишер АДЫЛБАЕВ

Иоганн Шюлле, старый доктор, работал в представительстве Австрии в ООН уже долгие 20 лет, снабжая продуктами детей Африки и Палестины, часто проводя караваны с гуманитарной помощью через воюющие деревни и горящие города. Иногда пули свистели так близко, что старый профессор молился, прощаясь с детьми и внуками, вспоминая их всех сразу и по отдельности.

Честность и добропорядочность, добропорядочность и честность – вот что завешали ему предки, и он пронес это через всю свою жизнь.

Вечером, сидя в стареньком кафе на Банховштрассе в маленьком Австрийском городке Раувеншабен, доктор сосредоточено пытался выдернуть мешавший ему волосок, торчавший из носа. Наконец выдрав его, он огляделся – не заметил ли кто-нибудь это не очень приглядное его действие, задумчиво разгладил складки на скатерти, переложил свой телефон в карман и потянулся к большому бокалу на тонкой коротенькой ножке. Смакуя, с наслаждением выпил глоток Рейнмахера, местного пива, которое уже лет сто варили в этом городке. Почувствовав приятную прохладную горечь, он медленно окинул грустным взглядом мошенную ровной брусчаткой дорогу, аккуратную полосу живой изгороди, тянувшейся вдоль крепостной стены из красного камня и всю эту прилизанную австрийскую улицу с красивыми коттеджиками и башенкой старинного замка. На башне тихо пробили часы.

...

– Иоганн, неужели и ты пойдешь?

– Часы пробили, наш час настал? – загоготал усатый плечистый медбрат из местной больницы. – Ульхен, милая, красивая Ульхен. Ну как ты не понимаешь, это наш долг. Неспроста мне сегодня снились крысы, прошлый раз, когда они приснились, умерла тетка Эльза. Мы же хотим, чтобы нашим детям досталось все самое лучшее: и этот мир, лучший из миров, эта страна, самая красивая, и школьные завтраки, и наша история, честность и

Алишер АДЫЛБАЕВ (Algebr). Родился в Алма-Ате в 1957 г., окончил ТГПИ им. Низами, музыкальный факультет (ныне ТГПУ). Предприниматель, консультант по налогам. Создатель и владелец справочной системы для бухгалтеров «Бератор». Главный редактор газеты «Главбух».

добропорядочность. Да! И честность, и добропорядочность! Ты же помнишь, как на прошлой неделе плакала наша Мадлен, когда умер ее шенок, как она не могла успокоиться, и пришлось накапать ей брома. У нее доброе сердце, она робкая и пугливая, когда ей снятся крысы, она кричит по ночам.

– Я пойду вместе со всеми, я бы пошел, даже если бы все остались дома. Я хочу, чтобы крысы перестали мне сниться! Я так больше не выдержу! Я не хочу! Не хочу!

– Ну что ты, дорогой, что ты?.. – Ульхен обхватила его голову руками и прижала к груди. Конечно, мы должны это сделать. Мы все, весь город. Слышишь, как хлопают калитки в садах и дворах? Слышишь тысячи шагов?

– Это к нам?!

– Нет, не к нам, но надо быстрее идти. Проклятые сны!

Сегодня на рассвете в концлагере Заксенхаузен вспыхнуло восстание. Советские солдаты, истощенные и голодные, с горящими, как факелы, глазами, прорвали проволоку и, потеряв пятьсот человек убитыми, вырвались на свободу. Почти триста человек, или триста раз по полчеловека, или сто пятьдесят раз по целому человеку, вырвались на волю.

Взрослые мужчины весом от тридцати до пятидесяти килограммов. Им нечего было терять, все равно жить оставалось неделю-другую. Впереди Семен, десятиклассник, потому что в его возрасте только заканчивают школу, ну а он прибавил возраст в паспорте и... оказался здесь.

– Какое это имеет значение, сегодня утром овчарка коменданта выела ему икры ног, поэтому он бежал, можно сказать, без ног, задыхаясь от счастья.

Австрийцы – это все-таки не немцы. Советские люди всегда относились к ним по-другому. Австрия – это Моцарт, Гайдн... Скрипка и Вена. Сказочная Вена и Штраус, и вальс. Ум-па-па, ум па-па-таратам, таратам, таратам пам-пам!

Ноги, самое главное ноги! Если бы не было так скользко... Иоганн поднял сначала один сапог, потом с чавканьем оторвал от брусчатки другой. Нет, так ходить нельзя. Грязь на улицах теперь будут отмывать месяц. Ноги просто разъезжаются. Ну вот – испортил лучшие сапоги. В бычью светлую, мягкого дубления кожу вьелась кровь. И ладно бы только внизу, нет – забрызгало все голенища. А по нынешним временам такой кожи уже не найти. Куда мы движемся? Все забыто, утеряно: традиции, ремесла – ничего не осталось!

Кровь течет по брусчатке тонкими ручейками, застывает и быстро сворачивается.

Проклятье, они прятались даже в костеле. Это же дом божий! Дикари, говорят, все они там атеисты. Нет, им не понять, что значит быть христианином. В костеле теперь сладкий запах, кровью там испачканы все стены.

Крысы! Сегодня он, наконец, уснет спокойно, и ему не будут сниться крысы. Иначе он больше не выдержит! Заполнили весь город. Каждая добропорядочная семья отправила своих мужчин... Во всяком случае, не стала отговаривать своих мужей и сыновей. Весь город блуждал по полутемным улицам, перекрикиваясь и пересвистываясь. Глухо бахали

одиночные выстрелы.

Охота на зайцев. Говорят, человек двадцать этих русских ушло, не смотря на заслоны на дорогах. Их нет здесь среди лежавших, отвернувшись друг от друга, торча костями исхудавших плеч и закатив глаза, на этих покрытых брусчаткой улицах. Найти! Уйти не должен ни один. Зайцы, трусливые зайцы...

В центре, на площади у костела, благородные граждане свободного Раувеншабена поставили плиту, на ней нарисовано триста палочек. Группами по пять. Каждый раз, когда очередные пятеро беглецов застывали, распластавшись на улицах города, граждане вычеркивали группу из пяти палочек. Следующую... Так зачеркнули всё.

Ходики на стене мерно тикали, уютный домик на старинной улочке, которой было около двухсот лет, светился желтым светом окон добросердечно и гостеприимно. В камине тихо потрескивали дрова, и приятное тепло растекалось по ногам, за окном уныло моросил холодный дождь, а здесь было уютно, красиво и вкусно пахло пирогом, который Ульхен испекла к ужину. Мадлен сидела на коленях у отца и, болтая ногой, насупившись, слушала сказку, которую он читал ей, попивая херес из хрустального бокала, обхватив его толстыми пальцами.

– К столу, к столу! – позвала Ульхен домочадцев, окинув тусклым взглядом комнату.

Иоганн сложил руки, уперев локти в столешницу и полуприкрыв оловянные глаза:

– Давайте помолимся. Возблагодарим Господа за то, что он дал нам сегодня хлеб и вино, мир и покой. Да при-идет... – на этих словах край губ его как-то странно дернулся, зубы звонко лязгнули. Такой же лязг раздался со стороны Ульхен. Иоганн вздрогнул и невпопад закончил: «Аминь!».

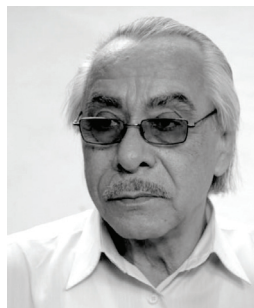
За окном просыпалось хмурое московское утро. Работник Австрийского представительства в ООН герр Шюлле, скрипя суставами, потянулся в кровати и посмотрел в окно. Он привез внука на праздник и решил показать ему Москву. Сын герра Шюлле имел бизнес с русскими, работал в московском филиале фирмы Мерседес и уже почти чисто говорил по-русски, пил водку, а по пятницам ходил в баню. Внук воспитывался в Австрии у бабушки с бабушкой. Старики души в нем не чаяли.

Завтракали в ресторане гостиницы. Овсяная каша, мюсли, жидкий чай. Ну а внуку, конечно, сосиски с яичницей, на десерт мороженное.

Позже, когда гуляли по Арбату, к Иоганну подошла маленькая девочка и, стоя в вполоборота, смеясь, стала что-то говорить такому же маленькому внуку. Иоганн тоже засмеялся и ласково погладил ее по головке. При этом уголок рта его как-то странно дернулся, зубы звонко лязгнули. Крысы, проклятые крысы, они снятся каждую ночь...

НАЗОВУ СЫНА ТВОИМ ИМЕНЕМ...

Рассказ

Нариман ИСКАНДАРОВ

На линии фронта затишье. Но затишье на передовой всегда предвещает бурю.

Только что вернувшееся с боевого задания отделение разведчиков отдыхало в землянке. Кое-кто в надежде заснуть прикорнул около буржуйки, а бодрствующие, пристроив на коленях листочки бумаги, писали письма.

С улицы слышались шаги, и в клубах пара, ворвавшегося в землянку вместе с холодным воздухом, появился командир отделения Хамракулов.

– Через десять минут на построенье, – коротко объявил он и, хлопнув дверью, исчез.

– Эх, опять не удастся поспать! – с досадой сказал кто-то в глубине землянки.

– Что поспать! Я вот уже который раз принимаюсь за письмо и никак дописать не могу... – воскликнул боец, сидевший ближе всех к двери. Он аккуратно сложил четверо листок, положил в нагрудный карман гимнастерки и стал торопливо одеваться.

– Допишешь, Саша, дай только фашистов прогнать, – дружески хлопнув его по плечу, сказал сосед с пухлыми губами и черными усами над ними.

– Да после победы, Анвар, письма не будут нужны, – ответил боец и, чуть подумав, мечтательно добавил: – Вот вернусь в свое Глинкино внезапно, как снег на голову, войду в дом без стука и увижу жену Екатерину. Подойду к ней, обниму, потом посажу около себя на скамейку и начну рассказ про эти вот дни. В нем будет и про тебя – моего боевого друга. И еще, знаешь, я решил: если у меня будет сын, обязательно назову его твоим именем. Хочу, чтобы он хоть чем-то был похож на тебя, умел так же по-настоящему дружить, как ты со мной...

Помолчав немного, Саша сказал Анвару:

– До мирной жизни рукой подать, и я вот что предлагаю: погости ты дома после победы и приезжай ко мне в Поволжье. Девчата у нас чудо, глаз

Нариман ИСКАНДАРОВ. Родился в 1945 г. Окончил историко-филологический факультет Калининского государственного педагогического института (ныне Тверской государственный Верхневолжский университет). Автор повестей и рассказов. Член Творческого союза журналистов Узбекистана. Живет в Намангане.

не оторвешь! К тому же есть у меня сестра, домашние едят, что настоящей красавицей стала. Вот на ней тебя и женим. Породнимся. Здорово, а?! Подумай над этим!

Растроганный словами друга, Анвар крепко обнял его.

– Я тоже не хочу расставаться с тобой. Вот разгромим врага, а там и решим, как быть дальше. Кстати, идея с сестрой мне очень по душе.

Вскоре отделение выстроилось на небольшой площадке возле КП. Хамракулов прошелся перед строем.

– Наверное, в тыл врага пойдем, иначе не потревожили бы, – предположил весело Вартанян. – У фашистов сейчас передышка, неплохо было бы нагрянуть к ним в гости и устроить предновогодний фейерверк.

Этого бойца все в подразделении называли «Музыкантом», потому, наверное, что он обладал красивым тенором. А может, из-за того, что до войны Ваню учил в консерватории.

Командир отделения улыбнулся и ответил любимцу бойцов:

– Думаю, очень скоро именно это и произойдет.

* * *

...По замыслу командования разведчики под покровом ночи должны были проникнуть в тыл врага, расположившегося неподалеку в лесу, а перед рассветом, отвлекая неприятеля на себя, навязать бой. Ожидалось, что фашисты, приняв бой, обнаружат себя и все имеющиеся у них силы. Подоспевшему на рассвете подкреплению останется только окружить врага и внезапным ударом уничтожить.

Через четверть часа, облачившись в белые маскировочные халаты, разведчики встали на лыжи и беззвучно, цепочкой, лыжня в лыжню отправились в тыл врага. Впереди всех – Хамракулов. Эту сложнейшую в разведке обязанность – идти первым в ходе операции – он всегда брал на себя.

Наконец, на опушке леса замаячил неприятельский лагерь. Надеясь на дозоры, фашисты спокойно занимались своими делами: кто-то грелся у костра, кто-то возился у походной кухни, кто-то готовился сменить часовых...

Окопавшись в глубоком снегу, разведчики замерли. Хамракулов и Вартанян притаились за молоденькими сосенками, недалеко от них на небольшой возвышенности расположились Саша и Анвар, чуть поодаль залегли Николайчук и Ясунни.

Теперь оставалось только дожидаться рассвета. Ночь выдалась безлунная. Время тянулось томительно медленно, минуты казались часами.

Но что это? Над лесом, прочертив в черном небе белесые дорожки, одна за другой вспыхнули три красные ракеты. В лагере немцев послышались отрывистые команды. Забросав костер снегом и схватив оружие, солдаты выстроились на поляне. Офицер что-то объяснил им, и цепь двинулась вдруг в ту сторону, где затаились Хамракулов с бойцами. Вскоре из рожицы появилась вторая, а за ней и третья цепь. Анвар крепко сжал приклад ручного пулемета. Рядом замер Саша. Музыкант держал на прицеле снайперской винтовки офицера, идущего впереди цепей.

«Неужели мы раскрыты? – лихорадочно думал Хамракулов. – Быть этого не может! Действовали мы четко и осторожно, мимо вражеских

кордонов прошли незаметно. Скорее всего, фашисты решили подстраховаться и прочесать прилегающую к лагерю местность...»

Немцы приближались. До первой группы осталось не более ста метров. Командир разложил перед собой «лимонки». И вот он, еще чуток переждав, скомандовал: «Огонь!» и бросил в фашистов одну за другой пять гранат. Забухали взрывы, ровно застучал пулемет Анвара, застрочили автоматы Николайчука и Яскунни. Гитлеровцы были ошеломлены: откуда у них под самым носом русские?!

Словно споткнувшись, повалился сраженный снайперской пулей Музыканта офицер, рядом, как скошенная трава, упали несколько солдат. Цепи отхлынули. Наступила так нужная бойцам передышка, но недолгой она оказалась: скоро одна за другой в небо взмыли ракеты, залив все вокруг зеленоватым светом.

Ракеты вспыхивали и гасли. Черную завесу ночи над окопчиками бойцов стали прорезать трассирующие пули. Смертельно раненный в голову, Яскунни выронил из руки автомат и повалился на бруствер окопчика... Хамракулов понял, что дальше продолжать вести открытую перестрелку не имеет смысла, и дал приказал прекратить ответный огонь.

Чуть переведя дыхание, неприятель возобновил атаку, его наступление теперь прикрывали три пулемета. Вартаняну быстро удалось подавить огонь двух из них. Теперь, перебегая от одного дерева к другому, он охотился за третьим пулеметчиком. Хамракулов увидел, как Музыкант поднял снайперскую винтовку, прижался щекой к прикладу, но выстрела не последовало. Винтовка выпала из рук Вано. Обнимая ствол березы, он медленно сполз на землю.

– Гады! – командир выскочил из окопчика, взвалил его тело на плечо и в несколько прыжков вернулся в укрытие. Сердце Вартаняна не билось.

Фашисты продолжали наступать, но уже перебежками. Анвар стрелял только короткими очередями – сэкономил патроны. Выручал Саша: лишь только смолкал пулемет командира, он забрасывал фашистов гранатами, и их атака захлебывалась. Однако очень скоро подступала новая волна. Среди взрывов гранат и треска автоматов слышался могучий голос Николайчука:

– Ну что, гитлеровские холоуи, получили! Вот вам за Яскунни! А это за Музыканта! Ага, не нравится?..

Не обращая внимания на град пуль и осколков, он стоял в окопчике в полный рост и расстреливал окружающих его фашистов. Неожиданно автомат замолк. Николайчук подергал затвор – диск пуст, а перезарядить нет времени. Взяв автомат левой рукой за ствол, как булаву, он выскочил из окопа и бросился в самую гущу фашистов. ...Схватка была недолгой. Расстрелянный почти в упор очередью из автомата, Николайчук замертво рухнул.

В живых остались трое: Хамракулов, Смирнов и Хасанов. Настал момент, когда и у окопа командира выросла плотная стена вражеских солдат. Немецкий офицер, надменно улыбаясь и играя револьвером, предложил ему сдаться. Зажав в руке гранату, Хамракулов ждал, когда окоп окружит побольше фашистов...

Пора! Он выдернул чеку – раздался оглушительный взрыв. Обмякшее тело разведчика медленно опустилось рядом с Вартаняном. На бруствер повалились убитые и раненные фашисты.

Ненадолго пережил своего командира Саша Смирнов. Анвар склонился над смертельно раненым другом.

– Обещай выполнить просьбу, – чуть слышно прошептал Саша.

Анвар нежно погладил его по голове:

– Говори, я все сделаю.

– Скоро рассвет... Ты продержись, вот-вот наши придут... Расскажи, как мы дрались... И еще, очень прошу, найди, пожалуйста, Катерину и моих родителей...

Анвар держал холодеющую руку друга. На прощанье Саша только и смог прошептать:

– Вот и не вернись я в Глин...

Над лесом некоторое время стояла тишина, словно и не было боя. Однако на вражеской стороне вскоре вновь началось движение... Анвар внимательно наблюдал за короткими перебежками гитлеровцев. «Решили обложить со всех сторон, – догадался он. – Что ж, посмотрим кто кого!» Установив надежнее пулемет, он проверил запас патронов: не густо. Пододвинул поближе к себе Сашин автомат и оставшиеся несколько гранат.

Мрак понемногу рассеивался. И вот началась новая атака. Разведчик стрелял не спеша, короткими прицельными очередями, подпуская нападающих как можно ближе. Вот два солдата застыли на снегу. Потом один и еще трое... Волна снова откатилась...

Пришедшие в ярость, фашисты в этот раз бросились на окоп уже без приказа. Не успевал Анвар отбить нападение с фланга, как они заходили с тыла. Вдруг он почувствовал сильный удар в плечо. Голова потяжелела, все поплыло перед глазами. Хасанов напряг последние силы, отыскал указательным пальцем спусковой крючок пулемета и направил ствол в сторону врага. И тут перед глазами все померкло...

Выждав немного, гитлеровцы стали осторожно приближаться к окопу. До Анвара им оставалось каких-то пятнадцать-двадцать метров, когда тишину всколыхнули новые залпы. Это подошло ожидаемое разведчиками подкрепление. После короткого боя обескровленный враг сдался.

Над землей вставал новый день третьей военной зимы.

* * *

Разбитая шинами машин, колесами телег и копытами скота дорога поднялась на пригорок, и Анвар увидел перед собой раскинувшееся в низине небольшое село, о котором так часто рассказывал его фронтовой друг Саша. Слева Глинкино отгородилось от густого леса неглубокой речкой, справа уткнулось в черную возвышенность, которая в предрассветном мраке напоминала лежащего медведя-великана.

Сквозь марево тумана он различил кирпичное здание – спиртзавод, на котором до войны работал Саша. Рядом, у самой речки, мерцала золочеными куполами старинная церковь. То там, то тут вдоль нескольких расходящихся от центра села улочек слабо светились нехотя просыпающиеся окна серых изб.

Войдя в село, Анвар удивился стоявшей здесь тишине. Сам сельский житель, он с детства привык слышать по утрам в родном кишлаке привычные

звуки. Но в Глинкино не раздавалось ни протяжного мычания коров, ни дребезжания ведер хозяек, спешащих подоить коров и коз. Не слышно было над селом и бодрых кличей петухов, не кудахтали куры, не повизгивали в предчувствии кормежки дворовые собаки... Все замерло в тревожном ожидании чего-то...

Из рассказов Саши он запомнил, что дом его родителей и жены Катерины находится неподалеку от церкви. Стараясь правильно определить нужный ему двор, он подошел к темно-зеленым воротам, потянул за шнурок от щеколды, и калитка открылась. Дорожка привела Анвара к избе в глубине двора. Он постучал в дверь...

* * *

Всю жизнь Малика-опа прожила на окраине кишлака, где начинается колхозное хлопковое поле. В последнее время она любит посидеть вечерами у окна, откуда виднелась калитка, выходящая на узкую сельскую дорогу, по которой три года назад проводила сына на войну.

Вот и сегодня Малика-опа задумчиво смотрела на медленно опускающийся за горизонт огненный шар солнца. В бледно-желтых лучах заходящего светила медленно догорал еще один день военного лихолетья. Кругом тихо. Легкие порывы вечернего весеннего ветерка врывались в окошко и теребили атласные занавески.

Время от времени она бросала взгляд на калитку. Женщине казалось, что вот-вот она откроется и появится ее сын Анвар – ладный, высокий, красивый. Занятая своими мыслями, Малика-опа не заметила, как опустились сумерки. Она вышла во двор, подошла к калитке и закрыла ее на задвижку. Вернувшись в дом, зажгла керосиновую лампу, взяла очки и села за стол, на котором ее ждали короткие солдатские весточки.

Эти письма, написанные ровным почерком сына, мать знала наизусть, но ежедневно по вечерам перечитывала. При чтении в мыслях, словно кадры кинохроники, проплывала непростая их с сыном жизнь.

Анвар рано остался без отца.

Рано ему пришлось узнать, что такое труд на хлопковом поле. И мать никогда не забудет, как сын с первых заработанных денег принес ей в подарок шерстяной платок. В тот день она всю ночь проплакала, прижимая к груди первый подарок сына. Платок Малика-опа очень берегла, доставая из сундука лишь в праздничные дни. Много подарков дарил ей сын потом, но этот стал самым дорогим и незабываемым.

Трудно было одной ставить сына на ноги, но жизнь сполна вознаградила за труды: Анвар вырос и стал крепкой опорой для матери...

Малика-опа дрожащей рукой извлекла из конверта небольшую фотографию.

– Ишь ты, уже и усы отпустил! – прошептала она. – Совсем мужчиной стал.

По ее морщинистым щекам потекли радостные слезы. Она вытерла их концом платка и долго не отрывала глаз от фотографии.

Особенно часто Малика-опа перечитывала последнее письмо сына – целых два месяца ждала эту весточку от него. Что только не передумала

за это время, сколько она просыпалась по ночам с именем сына на губах: Анвар снился ей смертельно раненным, лежащим посреди огромного, изрытого взрывами снарядов и гусеницами танков, поля. В ночной тишине слышался ей родной голос, зовущий на помощь. Она вскакивала с постели, бросалась из дому и, только оказавшись на дороге, по которой он ушел на фронт, приходила в себя и медленно возвращалась в холодный, пустой, неуютный дом. В долгожданном письме Анвар сообщил, что был ранен и лежал в госпитале...

– Сынок, где ты сейчас? – чуть слышно прошептали губы матери...

Так, за чтением фронтовых писем сына, проходили ее вечера.

А сегодня вдруг в вечерней тишине до слуха Малики-апы донесся стук в калитку. «Кто бы это мог быть?» – подумала она и вышла во двор. Почему-то сердце забилось сильнее, руки не слушались и запор не поддавался. Когда, наконец, она справилась с ним и отворила калитку, то увидела перед собой человека в военной форме, протягивающего навстречу ей руки. На какое-то время все смешалось в голове пожилой женщины, ком подкатил к горлу и перехватил дыхание, земля ушла из-под ног. Пошатываясь, Малика-опа бросилась навстречу к сыну, еле обхватив его широченные плечи.

В освещенной комнате она увидела, что он не один – за ним стоит улыбающаяся светловолосая девушка. Малика-опа удивленно посмотрела сыну в глаза. Тот подвел ее к незнакомке и сказал:

– Онажон, познакомьтесь, это Оля – сестра моего фронтового друга. Буду очень рад, если и вы полюбите ее.

Малика-опа заглянула в голубые глаза девушки, улыбнулась, и, поцеловав ее в щечку, сказала:

– Давай-ка, невестушка, накроем на стол, с дороги-то, наверное, есть хочется!

Анвар радостно обнял обеих. Мать шутливо пригрозила:

– Смотри у меня, если обидишь Олю-ханум, будешь со мной иметь дело! Живите дружно, уважайте и берегите друг друга!

Долго в эту ночь в окнах их дома на окраине кишлака не гас свет: Малика-опа и Оля, затаив дыхание, слушали рассказ Анвара о его фронтовых дорогах и боевых друзьях...

Около месяца Анвар пробыл рядом с матерью и молодой женой. Оправившись от ранения, бывалый разведчик вновь ушел на передовую. Снова был ранен, но снова встал в строй и дошел до логова поверженного врага.

Осенью победного 45-го года Анвар Хасанов вернулся в родное узбекское село. У порога отчего дома его встретила вся семья: старенькая мать, голубоглазая жена и маленький сын Александр.

ГРОССМЕЙСТЕР ИЛИ ЧАЙНИК?..

Литературная миниатюра

*Памяти Р. Н. Крапаней
посвящается...*

Марат БАЙЗАКОВ

- Вы же гроссмейстер?
- Я? Нееет. Я – чайник.
- Какой ещё чайник?
- Ну, медный такой, пыхтящий.
- А кто тогда гроссмейстер?
- Муртас, наверно.
- Так, а вы кто?
- Я всего лишь Марат.
- Подождите, рассказ «Братья» вы написали?
- Ну я...

– Ну вот. Что вы мне голову морочите? Давайте материал в следующий номер журнала «Звезда Востока»! Не мешкайте! Готовьте!

- Как? Зачем? Почему?

– А потому что хватит писать в стол. Я им там показала ваш рассказ. Простите, конечно, что не спросила разрешения у вас... Ну они и сказали, что «текст слабенький, но что-то в нём есть».

«Графомания» – вот что в нём есть, подумал я, но промолчал. Тут же вспомнил слова Алексея Петровича: «Молодой человек, вы сперва «Отцы и дети» Тургенева прочтите – поймёте куда и как двигаться, там всё есть». Я побежал домой. Нашёл Тургенева. Сдул пыль. И всю ночь шёпотом читал классика. Базаров из моего рассказа сидел в углу комнаты, уставившись в пол, нервно затягивался, слушал роман Тургенева и уже не хотел ни в какие «Звёзды»: ни Востока, ни Запада.

С утра я начал названивать Раисе Николаевне:

- Как отменить? Вы в своём уме, Муртас?
- Марат.
- Ой, простите.
- Так он же сырой ещё!
- Он только для вас сырой.
- Так там же ошибки!
- Исправят.
- Так там образы невнятно прописаны.
- У каждого свои недостатки, – отчеканила Раиса Николаевна и повесила трубку.

Марат БАЙЗАКОВ. Родился в 1979 г. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

Потом перезвонила сама:

– Да, чуть не забыла: у вас встреча на радио, в четверг в 10 утра, запишите себе.

– На радио? Нетушки... ни за что!

– Я уже вас порекомендовала, так что берите свои Сталиновские тексты и смело идите.

– Сталиновские? Так ведь вырежут всё.

– А вы подберите правильные тексты, подкорректируйте.

– Я не могу. И вообще у меня фобия на камеры и микрофоны, у меня даже акцент не русский появляется. Я, например, слово «зарезать» не могу без кавказского акцента выговорить, я даже думаю с акцентом.

– Кстати, расскажите вот это всё на радио, думаю, будет интересно.

Раиса Николаевна Крапаней... Женщина с короткой мальчишеской стрижкой и таким же озорным характером. После наших писательских семинаров она собирала всё со стола и раздавала преимущественно худым. А сладости непременно мне:

– Вот. Детям отнесите!

– Так я ещё даже не женат!

– Тем более.

Почему «тем более» до сих пор не пойму. В этом вся Раиса Николаевна. Однажды, сразу после операции она нашла в больнице двух пишущих больных (все пишущие – немного «больные») и стала обзванивать все редакции, предлагая их рукописи. Меня же заставила собрать все мои тексты и выпустить, наконец, книжку. Раиса Николаевна Крапаней – женщина с короткой мальчишеской стрижкой и таким же озорным характером. И если уж ставить стелы на площадях, то только вот таким вот людям.

Улетают души, чтобы возвратиться...

Через два дня уже весна.
Земля очнулась ото сна,
Она стряхнула боль зимы,
И вместе с ней проснулись мы.
Мир так велик,
Но очень мал,
Когда кипит страстей накал,
Когда теряешь безвозвратно
Все то, что было так приятно,
Всех тех, кто с нами рядом были...
Мы вас, родные, не забыли!
Вы в нашей памяти ВСЕГДА,
Как небо, звезды и весна!

В путь бездонный улетают души,
Чтобы возвратиться
Или в звездной пыли сгнуться...
Там они тоскуют по любимым –
Потому и нам ночами снятся,
Будят в памяти какие-то моменты,
О несчастьях нас предупреждают,
Оттого бывает радостно иль грустно
Лишь под утро после пробужденья.
Связывают всех невидимые нити,
Оборвать их вряд ли нам удастся...
Так живем и верим,
Что однажды встретимся –
И БУДЕТ ВСЕ ПРЕКРАСНО!

Наталья ВОЗНЕНКО*

Наталья ВОЗНЕНКО. Родилась в 1956 г. в Ташкенте, училась в Ленинграде, Москве, Ташкенте. Работала психологом в УзНИИиПК, печаталась в республиканских периодических изданиях.

ХУДОЖНИК

Рассказ

Памяти художника Камкова Андрея
посвящается...

Улугбек ХАМДАМ

Люблю солнце...

Поэтому и выбрал квартиру на 4 этаже – все три комнаты ярко освещены солнцем. Где солнце, там и жизнь: душа ликует, хочется жить и творить добро. Хотя... малейшая неосторожность и могут сжечь его палящие лучи. Но, видимо, моя душа настолько прозябла, что неумолимо тянулась к солнцу...

В сорок четвертом доме было всего два подъезда, в каждом – по 8 квартир. Может, потому ни во дворе, ни в доме не было городской суеты, хоть и располагался он в центре столицы. Как бы то ни было, это было весьма спокойное место. Вы можете удивиться: «Разве бывает такое?» Тот же вопрос я задал и себе, когда впервые увидел этот дом. Оказывается, бывает!.. Если вы когда-нибудь наблюдали за течением реки, то видели, наверное, что иногда посреди бурного потока встречается неподвижная заводь. Особенно на поворотах. Умиротворенность дома подобна этой тихой заводи. Я, словно ребенок, радовался этой находке в мегаполисе, чуду, которому хотелось поклоняться. Дом был построен как бы в кармашке, в который заглядывали только его жильцы. Движение было односторонним. Жильцов было немного, всего 16 семей, и, что самое удивительное, все обитатели, кроме двух-трех молодых людей, были глубокими стариками и согбенными старухами. Я даже не поверил своим глазам: не может быть такого! Но это было так. Наша семья с десятилетней дочкой и шестилетним сыном сразу обратила на себя внимание. Гробовую тишину дома нарушали лишь голоса моих детей. Наверное, за это, привыкшие к тишине соседи, и невзлюбили моих детей...

В первые же выходные после нашего переезда я убедился в правильности своих догадок. Очень жаль!.. Вся семья была дома. Жена занималась стиркой, я работал за письменным столом, а дети, прихватив мяч и куклу, побежали во двор. Но не прошло и пяти минут, обескураженные, они возвратились:

– Папа! Мама! На улице совсем нет детей! – огорченно воскликнул сын Кувончбек¹.

– Да... и девочек нет!.. Одна бабушка отправила нас домой, – обиженно

Улугбек ХАМДАМ. Родился в 1968 г. в Андижанской области, доктор филологических наук, поэт, писатель, переводчик, член Союза писателей Узбекистана. Автор многочисленных поэтических сборников, романов, повестей и рассказов.

¹ Кувончбек в переводе с узбекского – радость.

² Айкыз в переводе с узбекского – лунолика.

пролепетала дочь Айкыз².

– Неужели? – приобняв дочь, изумленно спросил я.

– Действительно, здесь все пожилые, лет за шестьдесят, – подтвердила жена. – И все какие-то странные...

– Интересно... – я призадумался. С кем же теперь будут играть наши дети?..

Каждый божий день утром я отвозил детей в свой бывший двор, откуда мы переехали, и вечером привозил обратно. Там жила семья моего младшего брата, они и приглядывали за детьми. «Пусть постепенно привыкают к новому дому», – думал я. Однако я отвлекся, я же совсем о другом – о художнике – хотел рассказать. Позже, распросив соседей, я узнал, что художник был одним из самых молодых обитателей этого дома, всего на четыре года старше меня – ему было сорок два.

Впервые я встретил его на лестничной площадке, спускаясь как-то с четвертого этажа, поздоровался. Он ответил. И с того дня, иногда встречаясь у выхода, мы обменивались приветствиями. Один из нас здоровался, другой степенно отвечал.

Однажды в выходной в дверь позвонили. Через минуту жена сказала: «Вас зовет один из этих странных людей! Мужчина со взъерошенными волосами». Размышляя о том, кто бы это мог быть, я направился к двери.

– Привет! – почему-то виновато произнес он.

– Привет! – ответил я удивленно.

– Я слышал, вы писатель?

– Да-а-а.

– А я художник, рисую картины. Значит, мы творческие люди и лучше пойдем друг друга, не так ли?

– Может быть, – не понимая куда он клонит, удивленно ответил я.

– А если так, займите мне денег.

– Денег?

– Да, в долг! Я обязательно верну, сказал он виновато-обреченным голосом.

Не желая ставить художника в неловкое положение, я вынес 5 тысяч сумов.

Художник, словно человек, встретивший святого, или ребенок, получивший от Деда Мороза подарок, невероятно обрадовался и со словами: «Спасибо! Благодарю! Дай Бог вам!!!» – сбежал вниз по лестнице.

– Стра-а-анно-о-о, – протянул я следом. Он обрадовался так, будто услышал весть о приглашении в рай... «Странно», – повторил я еще раз и, возвратившись за стол, уставился в компьютер.

Чередой, один за другим, тянулись дни, и мы, постепенно привыкая к новым соседям, несли бремя своих семейных обязанностей. Я еще несколько раз видел художника. Нетрезвого! Еще в тот день я почувствовал что-то неладное. Почувствовал, но не мог позволить взрослому человеку, стоявшему с поникшей головой, унижаться из-за каких-то пяти тысяч сумов.

– Эй, писатель, что такое искусство? – окликнул он меня пьяным голосом в одну из мимолетных встреч. Увидев, в каком он состоянии, я лишь пожал плечами в ответ.

– Искусство – это не милостыня или милосердие! Искусство – это способность творить чудо! – сказал он, подняв указательный палец вверх, словно

раскрыл мне какой-то великий секрет. От него разило дешевым, тошнотворным вином, и я невольно попятился назад.

– Беги, беги! И ты, будучи человеком искусства, бежишь от меня! Все от меня бегут, все мною брезгают. А я хочу творить добро для всех! Слышишь, для всех! Если бы это было в моих силах, я создал бы рай на земле, и тогда и ты, и твои дети, и соседи... жили бы вечно! Никто бы не умирал!.. Ты понимаешь, о чем я, писатель? Никто!!!

В это время открылась обшарпанная входная дверь, и вышла пожилая женщина лет восьмидесяти.

– Андрюша!.. Андрей!!..

– Да, мам, – неохотно отозвался художник.

– Идем домой! – приказным тоном сказала мать, взяла сына под руку и слегка обернулась в мою сторону:

– Сосед, не обращайтесь внимания на него! Он у меня такой...

И на ее лице появилась такая же виноватая улыбка, как и у сына.

Я продолжил свой путь.

* * *

А время было таким, что, если чуть зазеваешься, будь ты художник или кто другой, черная тряпина быта мгновенно засосет тебя. Да что я говорю?! То время даже ловкачей заставляло думать о хлебе насушном. А художник, как я узнал впоследствии, был из неудачников и пережил немало трудностей, свалившихся ему на голову. Потом он еще несколько раз просил у меня в долг и каждый раз обещал: «Писатель, не переживай, я обязательно все верну тебе!» Я уже не обращал особого внимания на эти обещания, потому что давно знал цену словам в нашей реальности. А человек, как известно, – частичка своей эпохи и общечеловеческих ценностей в ней. В конце концов, лишь избранным удастся остаться на высоте, остальные, словно ягоды, осыпаются под ноги. А отнести художника к «избранным» мое обывательское мышление не позволяло. Если он даже страстно захочет вернуть мне эти деньги, где он их возьмет? Откуда?! Ведь главная проблема эпохи – это несовпадение человеческих желаний и возможностей!.. Разве есть возможность сдержать свое благородное слово у безработного, нефартового, разуверившегося в себе больного художника, вынужденного жить на ничтожную пенсию престарелой матери?.. Дай Бог здоровья старушке, иначе, что будет с художником – только Бог ведает.

Однажды в дверь постучали. Открыв, на пороге я увидел ту самую старушку, мать художника, и уважительно поздоровался. Ответив, она виновато попросила уделить ей немного времени.

– Конечно заходите! – сказал я, жестом приглашая в квартиру.

– Нет, давайте здесь поговорим, пусть жена не слышит, – сказала она, склонив голову.

Я обул тапочки и поспешил за ней.

– Не давайте больше денег сыну!

Я молча слушал.

– Больше не давайте денег сыну! – повторила она. – Он пропивает ваши деньги. Пьет и губит свою печень. И так она у него больная. Ему нельзя много пить, врачи запретили, слышите? Он умрет, если будет пить!.. – волна скорби накрыла мать, отозвалась дрожью в плечах. Прижав ладони к лицу, она смахнула навернувшиеся слезы.

– Не давайте больше денег сыну! – повторила мать в третий раз.

– Хорошо, – сказал я, чтобы успокоить ее. – Больше денег не дам. Но что произошло? Почему он не работает?..

Последний вопрос прозвучал чудовишно. Я сам это понял. Тогда было такое время... Найти работу, заработать денег, на заработанное прокормиться и одеться было очень сложно. Чтобы купить буханку хлеба в магазине, который открывался в девять, люди стояли в очереди с пяти утра. В ассортименте магазина были хлеб, соль, животный жир и спички. Все! Только и слышно было то там, то здесь: «Муки осталось на две недели...» Войны не было, но положение в стране было военное! В то время таким людям, как художник, вынужденным просить в долг, было нелегко. Каждый варился в собственном соку... В общем, мать рассказала тогда историю художника.

У него была семья. Красавица жена и двое детей – сын и дочь... Они и сейчас есть, только живут в Германии. Переехали. Отец жены был из немецких переселенцев и после развала Союза переехал на родину. Потом художник лишился работы и не мог уже подобающим образом обеспечивать семью. После многочисленных скандалов жена поехала в гости к отцу и решила там остаться. А сын не захотел быть иждивенцем в чужой стране. Так и начался в семье разлад. В итоге жена, оформив необходимые документы, укатила. Детей забрала с собой. Больше они не виделись. Вот уже восемь лет минуло. Расспросив отца, узнали, что эта бесстыжая вышла замуж за другого!..

Мать вытерла ладонями слезы.

– Сын очень страдал. Переживал и за работу, и за жену, и за детей... Вот так всю жизнь мой бедный сын и страдает...

– Жаль, очень жаль! – не зная, как успокоить истерзанную душу матери, сказал я. Язык, словно перестал повиноваться мне, хоть я и был писателем, мастером слова. В тот момент я превратился в того самого сапожника без сапог...

* * *

В тот день я возвращался домой уже под вечер. Это было летом. Солнце село, но земля разогрелась, словно раскаленный тандыр, и изнывающее в этом пекле тело привело меня к магазину с названием «Прохладительные напитки», который я и прежде видел, но не заходил. Теперь я удивился названию магазина: «Господи, что за “Прохладительные напитки”?!» Как же это перевести? Испокон веков наши отцы и деды называли “ледяной напиток” или “студеный напиток”. Если хорошенько поразмыслить, может, и лучше варианты можно подобрать. Но никто не думает об этом. И думать-то нечем, копируют и вставляют, невежды!..»

Наконец, я вошел в магазин. Там продавались пиво, водка, «Ташкентская вода». На потолке вентилятор... уф-ф-ф, как же по-узбекски? Холодильник? Кондиционер? Нет, может, вращатель? Нет, не пойдет! Вращателей много! Какой из них? Ответа нет! Крутящийся, вертящийся... нет! От проблем, накопившихся в родном языке, голова кругом идет. Лучше всего сказать, что на потолке жужжал, но не охлаждал помещение старый вентилятор. Потому что было жарко!.. Невозможно походя разрешить все неразрешенные проблемы тысячелетий!.. Короче, я зашел в магазин. Несмотря на жару народу было мало. Только я успел приложиться к открытой бутылке, как кто-то меня взял под локоть. Смотрю – знакомое лицо. Но...

– Узнали?.. Не узнали, да, не узнали!..

– Ассалом алейкум! – сказал я, перекладывая бутылку из правой в левую руку, чтобы высвободить ее для рукопожатия.

– Ваалейкум! Я сосед ваш снизу, Алимардон.

– Да-а-а... как вы? Теперь я узнал его. – Что-то художник к вам зачастил, теперь вас обирает? – многозначительно посмотрев на меня, он попросил продавца открыть ему бутылку холодного «Барлоса».

– Вы о художнике? – с удивлением спросил я.

– А о ком же еще? Он всему дому должен. Вы только переехали, поэтому и попались на удочку...

– Не знаю... – нерешительно сказал я, потому что художник всегда просил денег всего на две-три бутылки пива или дешевую бормотуху.

Мне, в отличие от других, повезло: хоть и не шикую, но работаю на двух работах. Зарплата сдельная, поэтому и деньги есть, и время...

– Подождите, вот хорошенько нагреет вас, будете знать! Будете думать, куда сбежать, увидев соседа...

– О чем это ты, Алимардон?! – спросил художник.

Как оказалось, он сидел с сигаретой в зубах сбоку, за выступом. На столике перед ним стояло дешевое вино.

– Ты сейчас обо мне говорил?.. – вставая с места, он покачнулся, но не упал. Наверное, есть опыт.

– О, художник, как дела?! – оторопел Алимардон. – Ты тут, что ли? Я... мы... мы говорим о другом человеке, да-да, о другом художнике, моем родственнике. Правда ведь, сосед?! – лукаво подмигнул мне Алимардон.

– Правда, что ли? – подойдя к нам, спросил художник, обдав нас крепким запахом вина. Одежда в этот раз на нем была чистая и опрятная. Оглядывая его, я почему-то вспомнил костлявые, морщинистые руки его матери. Я не знал, что сказать. Подтвердить – вранье! Сказать честно – драка...

– Так да или нет?..

Я понял, что один ждет ответа «да», а другой «нет». А как мне поступить в такой ситуации? Да, люди часто попадают в неловкое положение! Сказав «да», я успокоил бы обоих. Но это будет обманом. Моя попытка их примирить оказалась слишком сложной для меня, и я закричал. Пусть поймут, каков нрав у нового соседа...

– Один из вас хочет сделать меня предателем, а другой – лжецом! Ошибаетесь, я не смогу быть ни тем, ни этим! Понятно?!

– Эй, художник! Раз натворил делов, сумей правде в глаза смотреть. Люди обсуждают положительные и отрицательные поступки. Надо терпеть! Мы ведь оба прекрасно знаем, что в искусстве есть реализм, беспощадный реализм?! Так что смелее, нужно уметь смирить голову перед горькой правдой, надо учиться этому. Сейчас не только вы и я, но все живут в условиях беспощадной реальности. Не надо обращать внимания на всякие разговоры, надо идти вперед... и точка!

– Эй, Алимардон! – обратился я к соседу, – Больше не крутите мне мозги своими сплетнями! Соседи друг о друге должны говорить только хорошее! Мы должны жить, общаться и помогать друг другу и в горе, и в радости, понятно?! А теперь отойдите!

Я решительно прошел между вспетушившимися соседями, поставил бутылку на прилавок и, заплатив, так же решительно вышел. Оба застыли, как истуканы. Да, я мог уйти, потому что эти двое теперь просто не посмеют драться.

Потому что каждый из них уже получил ответ. И этот ответ был справедливым!.. Именно эту цель я преследовал...

* * *

После этого случая художника долго не было видно. Может, ушел в запой... Говорят же, что пьющие могут пить неделями и месяцами! А как, интересно, по-узбекски «запой»? «Пить без конца»? «Время похмелья» или «решедив пьянства»? Слишком длинные фразы! Если фраза не выражает точно и емко твою мысль, получается какое-то недоразумение, а не перевод. Так что, писатель, давай, ищи перевод слова «запой»! Должен же быть такой аналог, который попадет в точку! Как, например, слово камень. Камень – конкретное, точное, краткое и емкое понятие. И ни с чем его не спутаешь. И для слова «запой» нужно найти что-то адекватное, отражающее суть слова, чтобы оно не виляло, как легкомысленная девица... Может, «похмелье»?.. Нет, это другое!

– Ох, если бы это явление исчезло из нашей жизни вместе со словом! – восклицаю я, не найдя ничего подходящего.

Буквально через месяц художник вновь стоял у моей двери. Лицо его потемнело, сморщилось, осунулось... Может, мне показалось? Мы живем в такое время, что, когда нет родных, никто о тебе не позаботится, не спохватится, даже если умрешь в собственной квартире. Недавно в нашем доме умер дядя Армен, дети которого переехали в Москву. Умер, а тело вывезли лишь через две недели. И то потому, что соседи учуяли запах. Да, если нет родных – конец известен. Каким был дядя Армен! Каким был человеком! Представительный, жил в достатке! Когда взломали входную дверь, обнаружили чистую ухоженную квартиру и мертвого хозяина в ванной. Если суждено, ни богатство, ничто не спасет от прискорбного конца. Эх, человеческая судьба, человеческая участь!

Не зря говорят... «Не начало важно, а хороший конец!»

– Привет!

Художник держал в руках дощечку размером с книгу.

– Я вам картину нарисовал, – улыбаясь, сказал он и протянул дощечку.

Взяв ее в руки, я увидел картину, нарисованную на картонной обложке книги. Это был пейзаж, точнее, осень. В желтых тонах. Листья деревьев усыпали землю, словно золотом, маленький пруд, тоже в листьях. Это был завораживающе красивый и в то же время трагичный пейзаж. «Почему же эта картина на обычной обложке произвела на меня такое сильное впечатление? – мелькнуло в голове. – Загадка в трагичности прекрасного или в том, что прекрасное на фоне трагедии? Ведь прекрасные деревья осыпаются, теряют золотые листья! Неужели смерть может быть так прекрасна? Интересно, может ли человек так же красиво закончить свою жизнь? А я? Я смогу так уйти?.. Почему дядя Армен не смог красиво уйти? Не справился? А как с этим справиться? Возможно ли это?..»

– Не займете ли две тысячи сумов?..

– А?! Что вы сказали?

– Если есть, займите две тысячи. Совсем невмоготу... Нет сил... Помру, если не выручите...

Приглядевшись, я увидел, что его трясет. Наверное, это от потребности организма в алкоголе, если ему не оказать помощь, действительно конец может быть плачевным. Во всяком случае в медицинских источниках, с которыми я знаком, именно так пишут. Я порылся в кармане и протянул ему десять тысяч сумов. Глаза художника засветились от радости. Быть может, он обрадовался

тому, что на эти деньги сможет на недельку уйти в запой (тьфу ты, опять это слово!) и опохмеляться, ни у кого не клянча денег... Странно, меня не покидала мысль: «Возможно ли изобразить осень без деревьев, листьев и пожелтевшей травы?..»

«Господи, каюсь, тысячи раз каюсь!» Меня мучили вопросы: «Почему ты не сдержал слово, данное матери? Зачем ты опять дал ему денег? Ведь он опять купит дешевое вино, будет пить до беспамятства и окончательно посадит печень, которая и так уже не функционирует, он замучит мать вконец! Почему я об этом не подумал сразу? Может, я произвольно подал руку помощи на зов утопающего? Совершенно произвольно! Может, кто-нибудь попытается доказать обратное...»

Мои мысли были заняты осенним пейзажем на картонке. Поэтому я не стал ломать голову над вопросами, на которые не было ответов.

* * *

На следующий день наступила настоящая осень – божья благодать. «Еще же рано!» – изумляясь, повторял я.

Смотрю в таковим (календарь)! Э-э, опять не по-узбекски? Это слово так и не прижилось в языке, словно чужеземец, которому не идут тибетейка и чапан. По-моему, это арабское слово? А как на тюрки?.. Не могу вспомнить. Йилнома – ежегодник (это по-персидски – «нома», и по смыслу не подходит). Но ведь когда-то был же тюркский вариант – подозреваю я. Короче, смотрю в календарь: 12 августа. Еще целых 18 летних дней, а осень уже наступает!..

Интересно! Может, поэтому говорят, что люди искусства опережают свое время?.. Не иначе как сейчас, стоя в сорокапятиградусной жаре раскаленного тандыра, ему удалось нарисовать листопад, увядающую природу, прекрасную позднюю осень. Отчего в такое пекло, в разгар лета ему пришла мысль изобразить осенний пейзаж? И не раннюю, а позднюю осень! Промозглый, почти зимний пейзаж! Странно, очень странно!

Смотрю в окно. С утра плохая погода, по небу плывут серые, местами даже черные облака. Через мгновение начинает накрапывать дождь, вдруг переходящий в ливень. Присмотревшись, я понял, что горожане сменили легкую одежду на более теплую, шорты на брюки, женщины с зонтами, мужчины, прикрываясь чем попало, торопятся в укрытие...

«Так быстро! Да, так быстро!.. Господи, люди опять не успели как следуют проводить лето и подготовиться к осени», – шепчу я себе.

Боясь опоздать на работу, я быстро одеваюсь и выскакиваю из квартиры.

– Художник умер!.. – эта новость из уст соседки заставила меня остановиться.

– Да? Это на первом этаже который? – растерянно спрашиваю ее.

– Да, тот самый! У нас единственный художник, теперь его нет, – спокойно сказала женщина, постучав в соседнюю дверь.

Я вернулся домой, чтоб оставить сумку и бумаги: «Да упокой его душу, Господь!» Страшная весть за считанные минуты облетела весь дом. Все, распрашивая и оповешая друг друга, ринулись вниз, во двор.

Нельзя было сказать, что смерть художника была совсем внезапной. Это я понял на похоронах: все соседи видели и понимали, что исхудавшему, сгорбленному художнику оставалось жить считанные дни. Как бы то ни было, весть о смерти всегда ошарашивает. Становится не по себе, когда умирает даже

злейший враг. А художник не был ни для кого врагом. Может, и другом не был. Он был должником! Должен был буквально всем!..

Но!!! Людей внизу ждало чудо! Да-да, чудо! Чудо художника! Действительно чудо! Едва ступив во двор, каждый, кто видел то самое чудо, останавливался как вкопанный, забыв даже о самой смерти художника...

Между двумя подъездами дома была написана огромная, почти тридцатиметровая, картина. Картина, вызывающая восторг! Картина, заставляющая даже конного спешиться и внимательно всмотреться в нее. На заднем плане были изображены деревья, ближе – широкая поляна, а посередине силуэты двоих детей 3-4 лет – мальчика и девочки. Они, как два ангела, взирали на мир своими невинными наивными глазами. Словно живые, дети олицетворяли саму жизнь. Они будто заглядывали в душу и говорили: «Вы – человек! Жизнь, данная вам – человеческая жизнь! Это бесценное чудо! И проживите ее как человек! Никогда и ни за что не соглашайтесь на другое!..» Глаза детей ошеломяли, человек приходил в себя, лишь когда кто-нибудь из присутствующих начинал тормошить его.

Вот и сейчас так получилось. Господи, неслучайно говорят: «Что не ценишь, то теряешь» или «Мясо ишака поганое, а труд ценен», то есть получается, что картина ценнее художника!?

– Это работа художника?

– А чья же еще?!

– Разве был другой художник в этом доме?

– Изумительно!

– Как он успел за одну ночь?

– Он в последнее время чудаковатым был, говорят, у таких сил много, до рассвета, наверное, не спал...

– Невероятно!

– Bravo!

Председатель махалли отрезвил всех, напомнив о покойнике. Аксакал на узбекском и русском языках спросил у присутствующих: «Кому должен покойный?» Никто из многонациональной толпы не отозвался. Художник, если и был должен, то за 3-4 бутылки вина, не больше. Что ж об этом говорить? Перед лицом смерти все переосмысливается. Хорошо это или плохо, судить не нам. Как же можно у того, кто только что потерял близкого человека, требовать долг? Нельзя, конечно. Особенно на Востоке! Лучше промолчать. Может, это неискренность? Я бы так не сказал. Потому что много раз был свидетелем такого. Во время панихиды царит совсем другое, ни с чем не сравнимое состояние. Может, это эгоизм, мол, этот поступок зачтется мне на том свете... Как бы то ни было, перед лицом смерти все становится никчемным, а долг – это такая мелочь! Все это и осознается в такой миг...

Никакие мысли не могут развеять тягостного ощущения. Жаль, что даже в последний миг ложь сопровождает нас! «Что делать? Неужели нет выхода?» – проносится в моем сознании. Единственный выход – пока ты жив, не брать в долг или возвращать вовремя...

* * *

...Прошло 15 лет.

Сейчас все изменилось. При маленькой зарплате, отсутствии света и газа, несмотря на резкое разделение общества на бедных и богатых, жизнь все

же меняется в лучшую сторону. Вопрос «как прокормиться» уже не стоит так остро, каждый старается как-то заработать, поправить свое материальное положение, жить лучше. Прилавки магазинов ломятся от изобилия импортных товаров, за деньги можно купить все, что захочешь. Однако армия желающих заработать на те самые желания заполонила соседние страны гастарбайтерами. Общество разделилось на несколько слоев, и на моих глазах социально-экономическая и идейно-нравственная пропасть между ними постоянно растет.

Как стихия, как эпидемия, в крупных городах страны возникают новостройки, современные «сити», такой прекрасный город, как Ташкент, покрывается пыльным облаком: кто-то строит, кто-то ломает, у кого-то новоселье, а кто-то остается на улице. Вобщем, ситуация – черт ногу ломает.

Так как ваш покорный слуга живет в центре города, от желающих приобрести здесь жилье нет отбоя. Дельцы, скупив по дешевке жилье, вмиг возводят высотки и зарабатывают миллионы. Эти умельцы уже все скупили и успели перепродать! От их цепкого глаза ускользнули лишь здания банков и гостиниц, во всяком случае, пока... Эти дельцы-умельцы, как рой надоедливых мух, стали виться вокруг нашего дома. У нашего дома был один-единственный шанс. Это та самая картина, которую оставил художник. И если я скажу, что с тех пор наш дом превратился в музей под открытым небом, то точно не совру. Сначала приходили из соседних домов, потом из близлежащих, затем прочие жители города. Ну а потом, с появлением интернета, люди стали стекаться со всей страны.

Вначале это не нравилось жильцам, кому же понравится, когда каждый день топчутся во дворе 20-30 незнакомых людей? Но со временем все привыкли к этому, даже назначили сторожа из числа соседей, оставшихся без работы. Тот самый Алимардон-ака согласился работать за небольшую зарплату, приглядывать за картиной и обеспечить хоть какие-то условия для посетителей. «Да-а... никого не шадит судьба, никого! Так закрутит, что человек, находящийся в одном социальном статусе, сам не заметит, как окажется в другом! Говорят, когда вода в реке прибывает, рыбы питаются муравьями, а когда убывает, муравьи едят тех самых рыб. Таков этот мир!..» – размышлял я. Алимардон-ака, тот самый, который еще вчера упрекал художника за долги и сплетничал за его спиной, сегодня содержит семью благодаря этому художнику! «Да-а-а, да-а-а!» – восклицаю я вновь и вновь!.. Нет, здесь ничего постыдного нет, наоборот: вот и он пригодился, чтобы контролировать ситуацию. Но почему эта участь постигла именно его? Вот что меня поражает!..

Когда дельцы добрались и до нашего дома, соседи, осознав всю серьезность положения, решили посоветоваться со мной.

– Вы писатель, – начал пришедший аксакал. – Вы все видите и понимаете... Хотят отобрать наш дом. Но в преклонном возрасте хуже всего лишиться родного крова! Мы родились здесь и хотим здесь же дожить свой век, чтоб и в последний путь нас вынесли отсюда!

– Да, именно отсюда! – наперебой закивали соседи, многим из которых перевалило за 80.

– От художника нам осталось хорошее наследие. Да, он постарался на славу, – продолжал аксакал.

– Да-да, упокой Господи его душу! – заголосили соседи.

– Мы давно вынашиваем один план, а вот воплотите его вы, – наконец объявил аксакал о цели визита, – мы пришли просить вас об этом!

– Что за план? – осторожно улыбнулся я, стараясь не задеть их

ранимые души.

– С тех пор, как это картина появилась на стене нашего дома, от посетителей отбоя нет, правда? Правда! В последнее время появляются те, кто оставляет деньги на ремонт дома, правда, Алимардон?..

– Да, правда! – подтвердил, словно гусь, гордо стоявший посреди толпы, Алимардон-ака.

– Короче говоря, надо дать знать о работе художника в соответствующие инстанции. Недавно по телевизору показывали, да и в газете печатали о сохранении наследия. Вобщем, брат, вы напишите письмо наверх от нашего имени. Напишите, чтоб не сносили наш дом. Судя по их разговорам, – он кивнул в сторону соседей, – есть какая-то организация юниска.

– Юнеско! – поправили его.

– Если станет им известно, дом занесут в особый список. А здания, занесенные в этот список, оказывается, не трогают. Дорогой наш, не допустите, чтоб под старость лет довелось скитаться!

– Пожалуйста! – заголосили остальные. – Не допустите!..

Видимо, действительно пришел мой черед...

Доля правды была в словах аксакала и соседей. Учитывая степень ценности картины и интерес к ней, я подумал, что можно было бы кое-что сделать. И тут возник вопрос: думают ли они о том, что их судьба сейчас зависит от наследия того самого человека, которого когда-то они игнорировали, обходили стороной, опасаясь, что он попросит взаймы. В итоге кто кому должен? Боже мой! Неужели судьба всех жителей этого дома зависит от этой единственной картины?..

* * *

Я начал обдумывать, как выполнить просьбу стариков. Да, я писатель, поэтому, наверное, я смогу найти нужные слова о картине и сносах по всей стране, которые смогут тронуть души людей. Может, смогу привлечь не только общественность страны, но и всего мира. Сегодня, в век интернета, это несложная задача. Но для этого я сам должен быть уверен во всем! Иначе я не смогу написать ни строчки, да и не хочу. Это мой принцип! Где нет уверенности, там не пишет перо писателя, душа болит, он ненавидит сам себя...

Однажды возле дома я столкнулся с группой молодых людей и присоединился к ним. Картина действительно поражала своей красотой, но сможет ли эта красота «спасти мир», как считал один классик?..

Я увидел, что внимание зрителей сосредоточено на фигурах мальчика и девочки в центре картины. Я тоже, детально рассматривая пейзаж: деревья, траву, каждую травинку в отдельности, поймал себя на мысли, что возвращаюсь взглядом к детям, их безмятежным лицам и, когда взгляд встречается с их чистыми, безгрешными глазами, дух захватывает, сердце начинает учащенно колотиться.

– Боже, о боже!.. Какую же тайну вложил художник в эти глаза!? Как же ему удалось выполнить столь непосильную задачу?! На эти вопросы невозможно найти ответ. Но, как творческий человек, я понимал, что передо мной шедевр! Его можно было назвать истинным чудом, чудом искусства... В голове молниеносно пронеслись слова художника, как-то сказанные мне: «Эй, писатель, что такое искусство? Искусство – это не милостыня или милосердие! Искусство – это способность творить чудо!»

«Если я смогу когда-нибудь написать что-то подобное, значит жизнь прожил не зря...» – подумал я, обескураженный великолепием картины...

Ночью я увидел сон: я так же стоял напротив картины, только в одиночестве. Интересно, что в тот момент я чувствовал себя художником... Будучи художником, вглядывался в свое творение, в голове звучали какие-то молитвы. В это мгновение ресницы изображенных на картине детей задрожали, глаза ожили, лица, руки, ноги – все тело пришло в движение. Ожив, дети с криком: «Папа, папочка!» – бросились в мои объятия. Я бросаюсь навстречу: «Ах, детишки мои!» Обнимаю и просыпаюсь...

– Все в порядке, отец? – спрашивает жена. – Кого вы зовете? Какие дети?

– Все хорошо, спи...

Тяжело поднявшись, прохожу на кухню, выпиваю пиалу воды и на несколько мгновений присаживаюсь на стул. Подумав, я понял, раскрыл тайну картины, о Боже, да-да, я понял!.. Мне нужно было именно это!.. Я даже подпрыгнул от радости. Теперь никто не посмеет разрушить этот дом, он останется целым и невредимым. Даст Бог, в последний путь стариков будем провожать именно отсюда, это их желание!..

Я прошел в свой кабинет и сел за компьютер. Озаглавив текст «Художник», начал бойко стучать по клавишам. С первых строк понял: все получится! Художник нас спасет. Картина, оставленная им, была истинным чудом, шедевром, который мог оставить после себя лишь истинный творец. Я чувствовал это душой и сердцем. Девочка и мальчик, изображенные на ней, олицетворяли его детей, живущих в далекой Германии. Материальное положение не позволило художнику увидеться с ними наяву. Но в нем жили отцовские чувства. В эту картину он вложил свою любовь, ласку, заботу, тоску по ним, это и прощание с ними. Именно в этом и заключался секрет картины...

Нет, художник никому не должен, наоборот, мы все должны ему – и не только жильцы 44 дома, но и соседи, город, страна и даже весь мир! Да-да, гении, если и должны, то только сами себе и своей гениальности! А все остальные люди обязаны тем, кто создан служить искусству, они у них в неоплатном долгу! «За талант нужно платить зарплату», – говорил мой друг. Я скажу больше: «Талантливых людей надо вносить в Красную книгу и беречь как зеницу ока. Ибо только они – двигатели нравственного прогресса. А остальные только присоединяются, именно присоединяются!.. А значит, каждый должен знать свое место! Должен знать!.. Дорогу гениям, талантам! Не стойте на пути, отойдите!..

На этой эмоциональной ноте набираю последние строки, а за окном расцвет, белый рассвет. И через несколько мгновений взойдет и улыбнется солнце...

Я люблю солнце...

Перевод с узбекского Дильфузы Хатамовой.

Дильфуза ХАТАМОВА. Родилась в 1973 г. в г. Ангрене. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского литературоведения НУУЗ. Публиковалась в республиканских и международных журналах.

Какой-то странный перелом...

Бах АХМЕДОВ

* * *

говоришь тепловая смерть
говоришь третий закон термодинамики
в пределах одной квартиры комнаты постели

размениваешь купюру прошлого
на мелкие монетки будущего
потому что нужно для метро
караоке сигарет спичек

проходишь через зеркало не оставляя следов
не оставляя возможностей найти тебя по звуку

а я молча кивком головы соглашаюсь с тобой
соглашаюсь со временем
и даже со своим согласием соглашаюсь постепенно

потому что стены это стены
и окно всего лишь окно
(звучит как пародия, но это так)
и попытка мышления требует мужества

тепловая смерть такая теплая
такая нежная усыпляющая тихая
тихое утешение
от незримой вселенной
тихое приближение
к великому равновесию

Бах АХМЕДОВ. Член СП Узбекистана. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

* * *

Какой-то странный перелом...
Или точнее, перемол.
Мы станем новою мукой
для хлеба нового, быть может?
Но в нас уже давно надлом,
а мы все так же не о том...
И мир оборванной строкой
нас оставляет вновь без кожи.

А может, мира больше нет?
Остался только слабый свет.
И на него мы вновь летим
в мучительном непониманье.
Какой-то странный долгий взгляд...
И все теперь немного «над».
И все теперь немного дым
от догорающего знания.

* * *

продаются кошки и собаки
ящерицы кролики улитки
грустных одиночеств наших знаки
грустных судеб тихие улыбки

продаются книги и надежды
старые пластинки и кассеты
стертая до дыр слепая нежность
нашего старения приметы

продаются старые конспекты
лекций по теории ошибок
медленно уходит старый лектор
тихо говорит: за все спасибо...

продается все что продается
за бесценок за попытку выжить
тихо чья-то музыка прольется
со страниц давно забытых книжек

* * *

...А в профиль ты особенно красива.
Точней сказать, особенно права.
И время замирает молчаливо,
отбрасывая стертые слова.

И тень ресниц мерцает чуть заметно,
а лунная дорожка на спине
ведет меня к таинственному свету,
к ответу, приходящему во сне.

Как призрачно любое постижение,
Когда ты вся, как музыка звучишь.
Нам не узнать, о чем шептались тени...
Две наших тени в пламени свечи.

* * *

Холода наступили не завтра.
Холода наступили внезапно.

Обнажили надежды и зданья,
и границы любых постижений.
Каждый день неизбежностью ранен,
возникающей в каждом движении.

А предметы точны и опасны,
если смотришь на них слишком долго.
Осень вносит холодную ясность,
как с единственной книгой полка.

Так пространство крадет наши чувства,
оставляя нам свет снегопада.
Пустота – это просто искусство
уходить от тоски и распада.

Принимать с благодарностью холод.
И стирать свое «я» постепенно.
Только тот, кто на части расколот,
постигает единство Вселенной.

* * *

...А все остальное осталось за кадром, осталось закатом.
И голос глухой, и глазные соленые капли.
А все остальное еще повторится когда-то,
Но будут другие играть в этом странном и вечном спектакле.

Но будут другие смеяться и плакать в ремейке.
И бледные тени едва сохранит целлулоид.
А все остальное уйдет с молотка за копейки,
Но может, оно даже этих копеек не стоит...

И будешь ты вечность стоять на пороге знакомом.
И сумерки снова поглотят твои очертанья.
Вот так же когда-то всю жизнь добирался до дома
Тот греческий странник, отравленный горьким познанием...

И так ли уж важно, что что-то осталось за кадром?
Разрыв между звуком и взглядом всегда бесконечен.
И время вторично на фоне слепого заката,
На фоне надежды, так долго идущей навстречу.

* * *

Не мы год за годом уходим от мира,
а мир потихоньку уходит от нас.
Уходит по капле, безмолвно и сиро...
Уходит по строчке, как грустный рассказ.

Все меньше желаний, все больше сомнений.
Все тише холодное пламя страстей.
Все ближе и ближе далекие тени,
слова все острей...

И кажется, скоро пространство Вселенной
сожмется безжалостно в точку опять.
А это всего лишь наш мир постепенно
нас учит искусству его отпускать.

* * *

еще один кофе
еще одна чашка
еще одна строчка
надежда
и взгляд
но все это мимо
как выстрел свободы
как зыбкая почва
где корни болят
еще один кофе
границы размыты
и день утекает
за край пустоты
еще одно солнце
устало заходит
и в зеркало смотрит
еще один ты

* * *

Пьеса

Вернулось, приснилось, сорвалось
 Прозрачное имя твое.
 И снова мне воздуха мало,
 И сердце полно до краев.

Знакомо до боли, и все же
 По-новому ночь прозвучит.
 И блики мерцают на коже
 От красной квадратной свечи.

И в сон, безупречный и точный,
 Сорвутся мои зеркала.
 В разрыв незаконченной строчки,
 Где музыка тихо росла.

Где мир умещался так нежно
 В ладони прозрачной твоей.
 В надежде моей безнадежной...
 В обманчивом абрисе дней...

В первом акте смеялся диван.

Во втором акте танцевал стол.

В третьем акте
 многоуважаемый шкаф
 выпустил на прогулку скелет.

В четвертом акте кровать,
 уставшая от наших тел,
 совершила самосожжение.

В пятом акте нам с тобой дали слово,
 но сказать было нечего.
 Немая сцена длилась
 всю оставшуюся жизнь.

И никто не смог опустить занавес,
 потому что его украли.

* * *

Театр абсурда вышел за стены театра.
 Значит, осталось нам жить в ожидание Годо.
 Завтра настало вчера, а настанет ли завтра –
 нам не ответит сегодня, пожалуй, никто.

Где-то на сцене пустой, в заколоченном наглухо доме,
 тихо кряхтит обреченный на память старик.
 Вырублен сад, и садовник давно уже помер.
 И к пустоте этой город печально привык.

Все истончается, драма сменяется фарсом.
 Театр абсурда на улицы вышел давно.
 Пьет Эстрагон постаревший безумья лекарство,
 и открывает в космический холод окно.

Джаз наступающей старости

К старости
становишься не то чтобы сентиментальным,
но каким-то не очень реальным.
Немного хрустальным,
прозрачно-печальным...

Смотришь сквозь ладонь
на медленно угасающий огонь...
Говоришь себе какие-то умные слова...

Расширяешь границы внутреннего пространства.
Открываешь внутренние окна
и стоишь на этом сквозняке,
словно лишнее слово в строке,
которая почему-то неоправданно затянулась.
То ли автор был пьян,
то ли просто в нем было слишком много гула,
шума, тоски, надежды, порыва...

К старости
становишься не то чтобы счастливым,
а скорей, молчаливым.
Знающим, что счастье – это всего лишь звук
падающей на землю минуты.
Падающей бесконечно...

Становишься вдруг
не то чтобы речью,
но скорее ее послевкусием...
Нежностью, бликом...
И внутри так тихо...

Так божественно тихо.

* * *

Ты грустно сказала: «Не надо,
наверно, нам больше встречаться...»
Как быстро кончается радость!..
Как нежность не хочет кончаться.

Я тихо ответил: «Конечно.
Дальнейшее – суть повторенье...»
Как быстро кончается вечность,
как долго кончается время.

И каждый пошел по дороге
своей через годы пустые.
Как быстро кончаются строки,
где мы еще были живые...

СТАРОЕ И НОВОЕ

Повесть

Расул БАБАЕВ

Глава I

Дальняя поездка

Мурад, узнав, что редакция журнала «Культура» отправляет его в дальнюю командировку, расстроился. Нет, он не мечтал о теплом местечке, не искал легкой работы, просто переживал, сможет ли выполнить все поручения главного редактора.

– Если память мне не изменяет, в горах, что вокруг села «Кальа» (Крепость), много исторических мест, – сказал ему шеф журнала, посмотрев на него изучающе. – Тебе поручается посетить каждое, собрать достоверные материалы. Торопить не будем, но статья должна быть не только актуальной, но и интересной для читателя.

Перед самым отъездом Мураду намекнули, что редакция остановилась на его кандидатуре по просьбе его матери. Выяснять, что стояло за этим, было уже поздно, а открыто спросить у матери он не решился. «Возможно, есть что-то, чего я пока не должен знать», – подумал он, стараясь на время забыть об этом.

Друзья проводили его шутками, а мать – наставлениями. Это была его первая самостоятельная поездка на такой длительный срок, отъезд походил на полет птенца, покидающего родное гнездо в первый раз. По мере удаления от дома он все острее испытывал приятное чувство свободы. Его молодая и чистая душа, еще не знакомая с жизненными трудностями, представляла предстоящее пребывание в неизвестном месте в ярких красках, он ожидал от этой весенней поездки чего-то хорошего, счастья. Лишь встречая какого-нибудь хмурого незнакомца, от которого не знаешь, чего ждать, или заброшенное строение, непохожее на красивые здания столицы, он испытывал некоторое опасение.

Автобус, называемый в народе «пазиком», миновав перевал, со стоном двигался по степи. Степь величали Золотой серединой. Немного странное название для такой местности, но точное: название, связанное с золотисто-желтым цветом ее песка, не имело отношения к золоту, что добывали в этих краях. То, что село с одной стороны и городок с другой находились на равной

Расул БАБАЕВ. Родился в 1967 г. в Ферганской области. Окончил Таджикский государственный институт мировых языков. Работал преподавателем. Имеет несколько публикаций в периодической печати Узбекистана.

удаленности от центра степи, было фактом. Если совместить лучшие свойства городка и села, это тоже было бы золотой серединой. Но пока это было пустое, необжитое и безлюдное место, только одно название! Люди проезжали степь, стараясь не задерживаться, не было там ничего, кроме песка и горячего воздуха, сжигающего любой случайный росток.

В пазике было не более десяти человек, в основном пожилые сельские жители, загорелые до черноты. Среди них выделялись двое – он и еще один молодой человек, оба беленькие, нарядные, они сидели сзади.

Непринужденный разговор возник как обычно: для каждого показалась интересной судьба другого. Мурад ехал в село, которое не знал, а Вахид, его собеседник, выросший в селе, – в городок Советабад, где работал на горном комбинате.

– В наше время люди обычно стараются попасть в столицу, а вы едете в такую даль, похвально, – не скрывая восхищения, сказал Вахид. – Может быть, это звучит дико, но в селе нет ни одной гостиницы. Вам придется жить у кого-нибудь в доме. Если желаете, можете поселиться в моей комнате, она все равно пустует. По приезде спросите председателя колхоза Кудратбая, его все знают.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил его Мурад.

– И еще: советую начать работу с посещения пещеры Балагур, есть такое древнее поселение на востоке горы Канисар. Она самая древняя и красивая, впрочем, это надо увидеть своими глазами.

– После ваших слов мне не терпится увидеть эту пещеру! Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что вы не любите говорить о себе и о своей работе.

– Если честно, я очень редко вот так знакомлюсь с кем-то, еще реже говорю о себе. Не знаю почему, но вы привлекли мое внимание. Мы славно поговорили, – ответил Вахид. – Люблю свою работу, могу быть недовольным только собою, но не профессией. Я работаю инженером по геолого-разведывательным и взрывным работам.

– Название вашей профессии звучит несколько пугающе, – Мурад сказал то, что пришло в голову, не думая, что собеседник может обидеться. – А что взрываете?

– Горные породы, – неохотно ответил Вахид.

– Вот эти? – указывая рукой в сторону высокой горы, спросил Мурад.

– Нет, гора Седандан (Трезубец) молодая, она небогата минералами, – ответил Вахид. – Мы ведем работу на старой горе Канисар (Источник золота) на юге.

Старая гора Канисар, покрытая растительностью, выглядела горбатой, будто кланялась высокой горе Седандан с тремя острыми вершинами, пронзающими светлое небо. Серединная малая вершина, будучи в тени более крупных, была покрыта снегом и походила на невесту в окружении двух кавалеров. Две другие, ревниво борясь за внимание малой, устремлялись ввысь. Почему матушка-природа создала три, а не две или четыре вершины, знала только она сама. Никто не брался предсказать, что означала эта троица. В селе не любили говорить о ней, не смотрели на нее, считая, что тот, кто взглянет на троицу, столкнется с несчастьем. Мурад не зал об этом, потому сначала восхищался вершинами Седандана, а потом стал разглядывать гору Канисар.

– Как жаль, – невольно произнес он, не отрывая глаз от зеленого покрова горы. – Я бы не смог рушить такую красоту!

– Легко сказать, – обиженно ответил Вахид, вставая с места. – Ладно, мне пора.

Сухо попросившись, он направился к двери. Мураду показалось, что собеседник остался чем-то недоволен. Их короткая встреча неожиданно прервалась, разговор оказался незаконченным. Автобус остановился на разъезде в центре степи. Здесь дорога раздваивалась: на восток, к горе Канizar, у подножья которой находилось селение Кальа, и на север, к горе Седандан, у подножья которой красовался городок Советабад. При хорошей погоде отсюда были видны очертания высоток городка и село, похожее на зелёный оазис. Фактическое расстояние между этими двумя мирами было небольшим, но жизнь в них была совершенно разной, да и люди отличались.

Дорога делила на две половины желтую степь, две горы, село и городок, как только что разделила двух молодых людей: одного позвала молодая скалистая гора, другого должна была приютить старая гора.

Автобус, наконец миновав бесконечную степь, медленно проехал по узкому деревянному мосту над рекой. Беспокойная вода, втиснутая в глубокую извилистую расщелину, билась по выступам, шумела, недовольная своим стесненным положением. Берег, во многих местах нависая над ней, будто намеревался окончательно задушить ее. Неравная борьба и ущемленное положение – сколько сил и энергии нужно реке, чтобы обточить твердую поверхность выступов, добиться расширения русла.

Иная картина возникала за глубоким саем. Проселочную дорогу с двух сторон обрамляли ивы и тополя. Тополя высокие, гордые, ивы приземистые, кудрявые. Дома были глинобитными, некоторые с сараями, оградами и воротами, за домами простирались зеленые поля – всюду что-то росло, зеленело; ветер, слегка покачивая верхушки деревьев, заставлял их приветствовать прибывших гостей.

Мурад вышел на небольшой площади, вокруг которой стояли два административных здания, маленький магазин, парикмахерская и стеклянное помещение с надписью «Чайхана».

На развилке

Более двадцати лет назад в доме председателя колхоза Кудратбая собрались все знатные муллы. Они должны были объяснить людям произошедшее. Случай был непростой, можно сказать, экстраординарный. Так называемая жена Кудратбая, а на самом деле приведенная домой председателем женщина, исчезла, оставив своего ребенка. Вопросов было много, но все больше были озабочены сохранением имиджа Кудратбая, чем фактом исчезновения, поэтому пришли к мнению, что женщина утопилась, кинулась в реку. Это выглядело правдоподобным, учитывая множество таких самоубийств женщин.

Главный мулла из уважения к председателю предложил назвать ребенка Вахидом, подразумевая, что с этим именем мальчик станет «единственным» и бесподобным сыном. С ним согласились даже те муллы, которые недолюбливали Кудратбая, принимая во внимание другое значение имени, – «одинокый», единственное наследие пропавшей женщины.

Никаких вестей о женщине не было. Никто не знал, жива она или покинула этот мир. Предположение, что она жива и просто убежала от председателя, было нежелательным, оно пугало Кудратбая и мулл. Со временем стало вырисовываться, что Вахиду больше подходит другое значение его имени – «одинокый».

Сегодня муллы снова угощались у председателя, они уже не те, что прежде, но не менее преданные. Отведав жирного плова, они ждали пожеланий

и поручений председателя. Не было случая, чтобы кто-нибудь позвал их просто так, без причины: ели и пили всегда по поводу, иногда дорого приходилось расплачиваться. Как откажешь человеку в просьбе после вкусного плова? Никак! Приходилось часто преступать законы шариата, находить всякие лазейки.

Кудратбай сообщил, что намеревается женить своего сына и попросил их благословения. Муллы облегченно вздохнули, подумав о предстоящей свадьбе, которая немыслима без их участия. И лишь перед их уходом Кудратбай как бы между прочим намекнул, что они должны помочь ему развеять слухи о том, что он и Вахид – не родные. Некоторые шушукались по углам, что отец и сын не только непохожи внешне, но и по характеру разные. «Бывает и такое...» – говорили другие.

Вахид, увидев на разъезде шахтера с перевязанной головой, забеспокоился о причине травмы.

– Трудовая, конечно, – ответил тот с негодованием, будто это происходило с ним ежедневно. – Как обычно, потолок обрушился.

– Больше никто не пострадал? – с беспокойством спросил Вахид.

– Слава Аллаху, обошлось без жертв.

– Провели расследование? В чем причина?

– Да какое там расследование, – махнул рукой рабочий. – Наоборот, попросили не болтать об инциденте. Директор лично обещал мне выплатить компенсацию. Ладно, все это уже не имеет значения, главное, остался жив. Сам откуда едешь?

Вахид назвал город, где побывал.

– Повезло тебе, этот город считается самым развитым, – важно отметил шахтер, как бы давая понять, что не каждому удастся там побывать. – Понравилось?

– Не могу сказать, – ответил Вахид. – Да, там красиво... но не в меру высокие дома, которые давят, очень шумно, люди какие-то суетливые, беспокойные...

– Это ты правильно заметил, в городах люди суетливые, – согласился с ним шахтер. – Мало того, куда бы ни ступали горожане, всюду несут перемены. Это, с одной стороны, хорошо, конечно, но могут быть и неприятные изменения.

Вахиду показалось, что эти слова адресованы ему. Он с опаской посмотрел в сторону удаляющегося автобуса, который увозил молодого журналиста в село. «Приехал надолго, – вспомнил он и, как бы подталкивая себя, заключил: – Мне надо поговорить с Лолой, дальше откладывать нельзя. Завтра же пойду к ней в сад».

Приоткрывая занавес над этой историей, напомним, что в маленьком селе этим молодым людям придется не раз встретиться, а кем им стать – друзьями, соперниками или даже родственниками – знал только всемогущий рок... С рождения начертаны их судьбы, в которые они сами могли внести лишь мелкие исправления, и только!

Собрание

На площади собралось множество людей, приезд Мурада совпал с каким-то мероприятием. Присутствующие явно разделились на две группы: на стульях в ряд сидели упитанные люди, будто отобранные по этому главному признаку. Одни лениво переговаривались между собой. Другие, облокотившись на длинный стол, с усмешкой наблюдали за крестьянами, сидящими кто на кусочке

картона, кто на обрывке газеты или кирпичах, принесенных с собой.

На этом собрании представители комбината намеревались добиться права использования территории горы восточного Канизара, которая служила колхозу летним пастбищем.

Сельчане, в основном пожилые крестьяне в повседневной одежде, выглядели не столь важно, чтобы считаться с их мнением. Представители комбината, сильные и решительные, в парадной одежде, демонстрировали свое превосходство, усиливая опасения крестьян. К тому же по непонятным для крестьян соображениям их председатель Кудратбай пристроился рядом с директором комбината Акбаром, оставив их.

Собрание открыл до сих пор незаметный мужчина, оказавшийся сотрудником райкома, на что указывали его черная шляпа, которую он снял, демонстрируя лысину, и черная папка в руках. Объявив о цели собрания, он передал слово директору комбината, и ссылаясь при этом на занятость, попросил стороны побыстрее прийти к согласию.

Акбар, умело построив свое выступление, отметил, что увеличение объема производства – острая необходимость, продиктованная временем и правительством. Ради этого следует осваивать горные массивы. Закончил свое выступление он с усмешкой на лице, почувствовав, что, прикрываясь высокими инстанциями, поставил соперников в трудное положение.

В защиту колхоза должен был выступить председатель хозяйства. Смысл речи Кудратбая, состоявшей из чрезвычайно коротких фраз, сводился к тому, что, дескать, земля государственная, ею должна пользоваться та организация, которая принесет больше пользы государству, поэтому незачем отказывать комбинату, когда за ним вся страна. И высказал он это так невнятно, что многие колхозники ничего не поняли.

Муким, староста села, не выдержав каверзного выступления председателя, встал.

– Восточный Канизар с древних времен служил людям пастбищем, – сказал Муким, – он в этом качестве и сейчас нужен колхозу. Кроме того, там множество исторических памятников, еще не изученных, требующих бережного отношения и сохранения. Просим руководство комбината найти иное решение...

– Село – это вчерашний день, – перебил старика, бесцеремонно вторгшись в разговор, Акбар. – Будущее за промышленностью. Признаю, что комбинат нарушает старые порядки в селе, но взамен несет развитие и прекрасное будущее.

– Нет сомнений, что вы несете развитие, – успокоил его Муким. – Я беспокоюсь о том, что мы оставим потомкам. Естественный мир с природным началом или землю, покрытую бетоном и металлом? Благо, что многое на земле остается нетронутым: растения растут по своим законам; животные обитают, как прежде, заимствуя у природы самое необходимое для существования. Только человек сильно изменился и изменяет все вокруг, стремясь жить легче и лучше. Нет предела желаниям. Господин Акбар, есть ли гарантия, что после реализации проекта «Р-3» у вас не появится охота начать проект «Р-4»? – спросил Муким.

– Не станет еще одной горы – не беда, это не конец света, – недовольно произнес Акбар. – А имея средства, можно совершить что угодно. Если хотите, на месте этой горы построим красивый жилой массив, и вы остаток жизнь проведете в комфорте.

– Очень хорошую идею подали, господин председатель, – в разговор вмешался представитель райкома, до сих пор сидевший молча. – Этот вопрос

следует поднять на очередном совещании. Уважаемый староста, в ваших словах больше лирики, прошу, говорите по существу!

– Ваш комфорт душит меня, господин Акбар, а ваш прогресс агрессивен и безжалостен, – завершил свою речь Муким и сел.

Два противоположных по сути и содержанию мнения показывали две стороны человеческой жизни – прежнюю естественность и новый прогресс, село и город, чувство и разум. Они требовали от современного человека выбора: гнаться за бурным развитием, шагать в ногу с цивилизацией или, оставаясь на лоне природы, наслаждаться ее красотой?..

Встреча не привела к положительному решению. Акбар и Кудратбай в спешке покинули собрание. Присутствующие проводили их с почтением.

Муким так же, как и многие крестьяне, был в недоумении: председатель, до сих пор испытывавший неприязнь к директору комбината как к руководителю и человеку, сегодня не только сел с ним рядом, но и выступил в его пользу. Что изменилось? Видимо, произошло что-то важное!

Староста понимал, что правда на его стороне, но эта правда была бессильна перед деньгами, золотом. Он чувствовал, что с каждым годом его слова утрачивают весомость. С виду село было еще цело, но его душа была сломлена городом: слово «село» даже как-то унижало человека, связанного с ним. Разумеется, это возникло не сразу и не вчера, чувствовалось и раньше, но заострилось и накалилось до предела только сейчас. «Это саморазрушение может привести к самоуничтожению! – с досадой думал Муким. – Непозволительно все это. Надо остановить разрушительные действия человека. Жаль, что уже нет сказочных богатырей!»

– Дядя Муким, – прервал череду его тревожных мыслей почтальон Барат, указывая рукой в сторону пруда. – Молодой человек, что стоит около родника, оказывается, приехал издалека. Он просил сообщить о нем Кудратбаю, но тот ответил, что у него нет времени возиться с каждым приезжим, и уехал. Что посоветуете?

– Пригласи его сюда, – ответил Муким, посмотрев на худощавого молодого мужчину, достаточно высокого для здешних мест, с длинными по сельским меркам волосами. Светлокожий, в светлой одежде, гость походил на святого, спустившегося с неба или возникшего из пруда. «Кто он? Не спаситель ли наш? – первое, что пришло Мукиму в голову, так как он был озабочен только спасением села.

– Здравствуйте, – улыбаясь, обратился к нему гость.

– Здравствуй, сынок, – ответил он.

«Земной человек», – подумал Муким. Мурад представился, рассказал о цели своего приезда.

– Милости просим, – радушно сказал Муким. – Не так часто к нам приезжают гости из столицы. Будешь моим гостем, идем со мной, сынок.

Отказ Кудратбая в приеме показал, что не все живущие в селе люди простые и добрые, как он представлял себе. Однако он не подал виду, что слышал неприятные слова председателя. Более того, оказавшись на месте, он понял, что попал в иной мир, отличающийся от того, в котором жил.

Село

Каждый, кто хоть раз побывал в селе, вправе просить не утомлять его описанием, утверждая, что прекрасно знает, как оно выглядит: пыльная дорога, низенькие глиняные дома с сараями, арычок с чистой водой вдоль дороги

и деревья, посаженные хаотично, всюду, а как же село без них?! И добавит маленькую сценку: сонный подросток с палкой в руке после упреков матери о том, что он бездельник, лениво ведет худую костистую корову на выпас. Его отец, закончив завтрак, лежит на боку у дастархана, не решаясь отправиться на работу. Жена не посмеет обозвать мужа бездельником, зная, что в селе проучить жену – проще простого! За такое полезное дело никто не осудит мужчину, наоборот, укоряя женщину, скажут, что виновата во всем она, вообще женщины изменились, стали непослушными, забыли прежние традиции.

Пожалуй, все это имело место в селе Кальа так же, как в других селах необъятной страны. Но было здесь и кое-что особенное. Сельчане с большим уважением относились к природным силам, боясь их гнева. Сочиняли о них сказки. А сказок и преданий в селе было бесчисленное множество. Они передавались из поколения в поколение, слагались обо всем, что окружало: о горах, пещерах, реках, окутывая их туманом тайн, порой страшных. Как говорится, какая жизнь – такая и сказка. Самая неприятная сказка была о реке, само ее название – Хунхор (Кровопийца) – подсказывало, о чем она.

Село, окруженное с юго-востока и севера высокими горами, а с запада пустыней, было подобно островку, отрезанному от большого мира. Это обусловило определенные черты характера жителей: немного отсталые, но гордые и трудолюбивые, приверженцы старых традиций, чувствующие себя частью окружающего мира, любящие и оберегающие его.

Многие без всякого образования могли построить дом с учетом направления солнца, ветра, расположения гор и источника воды. Крупные работы выполнялись совместно: молодые соревновались в ловкости, сопровождая работу шутками и песнопениями, что способствовало сплочению людей, обнаруживало умелых работников и ленивых, в зависимости от чего и относились к ним соответственно. Еще подростками одни старались освоить навыки строительных работ, другие, помогая старшим, осваивали навыки полевых работ.

Мурад с любопытством изучал село. Муким сразу принял его за своего. Их теплый разговор прервал какой-то шум на дороге. Как выяснилось, это были пастух Али и бригадир колхоза Сахиб.

– На вчерашнем совещании райкома было дано распоряжение вести стадо через ущелье, – важно сказал Сахиб.

– Через ущелье? – с недоумением переспросил Али. – Трудно, если не сказать, что опасно. Надо было получить разрешение у руководства комбината на вывод через низину!

– Забудь эту дорогу! – резко сказал Сахиб. – Там, насколько мне известно, скоро начнутся взрывные работы. По мне, дорога через ущелье удобнее любой другой, она прямо выходит к подножью пещеры Балагур, травы там в изобилии.

– Хорошо, – нехотя сдался чабан. – Но мне одному тяжело, нужен помощник. Кроме того, как я уже говорил, у меня нет ружья, палатки, лошади...

– Сколько ни объясняй, он все свое... – перебил бригадир. – Сейчас у колхоза нет свободных рук и средств. Учти, отработаешь сезон – тебя ждет почет и награда!

– Разве о награде речь? – с обидой сказал Али, чувствуя, что собеседник не понимает его. – Жалко голодных животных, на дворе весна.

– Ладно, мне действительно пора, – Сахиб, поворачивая лошадь, заметил Мукима и Мурада и протянул руку, но так, что они еле поймали кончики его пальцев.

Их присутствие послужило поводом похвастаться:

– По дороге мне надо заскочить в дом покойного Саттара, поговорить с его женой по поводу их дочери. Ее хочет сделать своей невесткой уважаемый Кудратбай. Скажу по секрету, что это дело организовали мы, чтобы покончить с враждой господина Акбара и нашего председателя. Конечно, господину Акбару не сравниться с господином Юсуфбеком, дочь которого до последнего времени наш шеф хотел сосватать (видимо, не суждено было – отдали ее очень влиятельному лицу).

Муким понял, почему переменялось отношение Кудратбая к Акбару, но чего тот ждал от этого родства – не знал.

– Вы говорите так, будто речь не о человеке идет! – сказал Мурад, возмущенный словами бригадира.

– Дядя Муким, – обратился бригадир к старику. – Мне кажется, что молодой человек не знаком с законами, по которым мы живем.

– Верно говоришь, бригадир. Он журналист из столицы, – ответил ему Муким. – Откуда ему знать о законах, по которым вы живете?

– Журналист? – растерянно спросил Сахиб и, обращаясь к Мураду, виновато добавил: – А почему не известили о своем приезде?

Не дожидаясь ответа, он поспешно спрыгнул с лошади и во второй раз протянул руку Мураду: – Бригадир колхоза Сахиб, то есть Гулов. Вы такой молодой, я не узнал вас, простите меня, пожалуйста.

– Мурад Кухов, – представился Мурад. – Вам не за что просить прощения.

– Я найду тебе палатку и ружье, – сказал бригадир, обращаясь к Али. – Но насчет лошади и помощника ничего не могу сказать.

– У меня мысль, – обратился к ним Мурад. – Я помогу вам с выводом стада, а вы мне покажете дорогу до пещеры Балагур. Что скажете?

– Меня вполне устроило бы, если бы не ваша одежда, – ответил Али.

– Значит, встретимся утром? – подавая руку, произнес Мурад.

– Договорились, – ответил Али, пожимая руку.

– Не стоит этого делать! – предупредил бригадир Мурада. – Вам стоило пойти к председателю.

– У твоего председателя нет времени принимать каждого приезжего... – ехидно повторил слова председателя Муким.

– Да, он сейчас занят организацией помолвки. Будут дорогие гости. Вас тоже приглашаем.

– Спасибо за приглашение, но я уже дал обещание Али, – деликатно отказал Мурад.

– Если все решено, нам пора домой, – сказал Муким, обращаясь к Мураду, будто опасаясь сближения гостя с бригадиром.

– Да, пора, – подтвердил Мурад, и они продолжили путь.

Бригадир ничего не мог возразить Мукиму, которого вынужден был терпеть, потому что люди слушали и уважали его, поступали по его совету. Даже отводной канал называли его именем. Канал проходил по скалистой местности, работа давалась с трудом, некоторые сожалели, что согласились с невыполнимым планом Мукима. Но в конце концов канал был построен, вода постепенно не только облик села, но и отношение людей к Мукиму изменила.

– Вот и наш дом, – указал Муким на невысокий дом, мало чем выделяющийся.

Во дворе их встретила жена Мукима Айлар, пожилая женщина, немного сутулая, одетая в длинное платье темно-синего цвета, в платке.

Комната, куда провел его старик, была удобной для проживания: ее

хорошо освещали большие окна, боковые стены имели ряд углублений, где аккуратно была расставлена посуда, разложено домашнее добро. Не было ни мебели, ни бархата, ни шелка – все вещи простые, необходимые в хозяйстве. В отдалении располагался мехраб (место для молитвы). За окном виднелись деревья, вдаль – гора. Все вещи напоминали о покое и простом укладе жизни.

Айлар, легко двигаясь, расстелила скатерть, положила пару лепешек, варенье, курагу, орехи, развела огонь и заварила чай.

– Мать, – обратился Муким к жене, когда та подошла с чаем, – ты знаешь, кто к нам пожаловал?

– Гость, – с недоумением ответила она, считая его вопрос неуместным.

– Я не о том, – замялся он, поняв, что выразился неточно. – Ладно, представлю: его зовут Мурад, он журналист, будет писать о наших горах и, главное, я уговорил его жить у нас.

– Правда? – недоверчиво посмотрела она на Мурада.

– Если возможно, – сказал он.

– Места полно, заселяйтесь в гостиной, она все время пустует, мало кто к нам в гости приходит, а дочерям не до нас... – грустно отозвалась она.

– Полно, мать, – успокоил ее муж. – Ты бы приготовила лучше что-нибудь горячее, человек с дороги все-таки...

– Какая я несмышленная!... – поправляя платок на голове, захлопотала она.

– Скушает по дочерям, мы выдали их замуж, – объяснил старик. – Ладно, идем смотреть твою комнату.

– Идемте, – вставая с мягкого тюфяка, ответил Мурад.

– В молодости в это время года я уже на улице спал, – заговорил Муким, оказавшись во дворе. – Вон на той супе. Мы с братьями (их у меня было двое) любили разделить небо меж собой и считать звезды. Выигрывал тот, кто насчитывал больше. Какое беззаботное время! Кажется, будто все это было вчера, а прошло столько лет! Сейчас не могу спать на улице, суставы болят от холода, да и глаза не те, чтобы смотреть на звезды.

– Если можно, я бы попробовал, – посмотрев на старика, попросил Мурад.

– Какое удовольствие спать на свежем воздухе! – почему-то радуясь желанию гостя, произнес Муким. – Попробуй, тебе понравится. Если не обращать внимания на холодок, твои вечера превратятся в сказку. Что говорить, ты сам убедишься в этом...

Пешера

Встретив свое первое утро в селе, Мурад понял, что здесь день начинается намного раньше, чем в городе. Народ еще до рассвета брался за работу, уверенный, что Аллах любит и щедро награждает тех, кто рано приступает к работе. «Утренний труд не только продуктивен и благодатен, но и полезен для здоровья», – говорили люди.

Мурад не знал, сколько времени, но чувствовал, что было очень рано, потому что начали выгонять стадо. Если бы не обещание, данное Али, он был бы не прочь поспать еще пару часов. Глаза, не привыкшие к темноте, еле различали многочисленные бугорки – спины животных, движущиеся в направлении горы. Животные передвигались бесшумно, пыль забивалась в горло, нос и глаза. Али пришлось пригласить гостя вперед. Не так много времени прошло с момента добровольного принятия обязанностей помощника чабана, но стало

совершенно ясно, как тяжела эта профессия, незаслуженно считающаяся не-престижной.

Когда они достигли основания горы, рассвет, наконец угнав за горизонт остатки ночи, показал, что из себя представляет ушелье, и Мурад убедился в обоснованности опасений чабана. Трудность, возможно, и опасность могла представлять и река, протекающая по ушелью: в одних местах она занимала большую часть ушелья, в других уходила в глубокую расщелину, на поверхности слышался только глухой шум. Ушелье было очень красивым...

Первая половина дня прошла спокойно. За это время стадо прошло большую часть пути и при таком темпе могло вскоре оказаться наверху. Али тревожно поглядывал на узкую полоску неба над ушьем, закрытую темными тучами. Стало ясно: будет дождь. Али покрикивал, стараясь ускорить перемещение непослушных овец. Небо, будто назло их стараниям, за считанные минуты пустило ряд молний, устрояюще загрохотало и начало поливать как из ведра. Мурад никогда раньше не попадал в такой сильный дождь. Вода в реке стала подниматься, выходить из берегов, заполняя дно ушелья.

– Не волнуйся, сейчас пройдет, – успокоил Али, увидев тревогу в глазах Мурада. – Нам надо подоспеть к склону, пока нет потопа.

– Разве это не потоп? – с недоумением спросил Мурад, указывая на воду под ногами.

– Нет. Комбинат спустил воду.

Они двигались с трудом. Наконец в одном месте крутая стена, обрываясь, образовала небольшой откос, куда они поспешно загнали стадо, прежде чем их настиг наводящий ужас глухой шум воды.

Сель – смесь воды с грязью – сметая камни, вырывая кусты на своем пути, мчался вниз. Затем поток постепенно стал уменьшаться, очищаться и превратился в чистую реку, которая, будто стесняясь шалости своего нерадивого родственника, спряталась в расщелине. Сель, оставляя за собой грязь, теперь гудел и шумел где-то внизу, на равнине.

– Не понимаю, – сказал Мурад. – Как реку, отдающую всю свою воду, можно называть Хунхор?

– Люди по-разному относятся к реке, – ответил Али. – Одни ненавидят ее, а другие – наоборот. Все правы по-своему. Хунхор называют реку те, кто в обиде на нее, те, кто потерял близкого человека. Много жизней забрала холодная вода реки, только за последний год утонули трое: две женщины после ссоры с мужьями и одна девушка, не желавшая идти замуж за соседа. Родственники погибших считают, что река, отдавая свою воду, взамен забирает человеческие жизни. Когда разгневается и хочет крови, она темнеет. Разве возможно изменить мнение людей, потерявших своих родных, даже если оно кажется абсурдным?

– Жизни женщин или девушек?!. – повторил Мурад.

– Говорят так... – отозвался Али и после короткой паузы добавил: – В прошлом году один геолог, изучавший подземные воды в этих краях, рассказал мне, что вода в реке иногда темнеет от того, что комбинат тайно спускает в реку отходы. Эх, разоблачить бы их!

– То, что она разгневана на комбинат, – это факт, но не на людей!

Мурад, вспомнив о матери, подумал, что она бы никогда не бросилась в реку.

Остальное время пути они молчали, каждый думал о своем, тяжело шагая по липкой грязи. Вскоре вышли на бесконечную равнину, покрытую густой растительностью, которая после дождя сияла свежестью, маня голодных

животных. У Али улучшилось настроение.

– Что стоишь? – улыбнулся он, обращаясь к Мураду. – Или забыл, зачем явился сюда? Если хочешь увидеть красоту пещеры, подымайся по тропе! Прежде чем войти, разведи огонь, чтоб поприветствовать ее духов. Хворост найдешь у входа. А я соберу животных. – Он побежал за животными, которые рассыпались по равнине.

Мурад, поднявшись по тропинке, оказался на небольшой поляне и был приятно удивлен: перед ним была огромная пещера с входом, похожим на парадный вход в административное здание. Высота входной части давала возможность дневному свету проникать во все части главного помещения шириной около десяти и длиной чуть меньше двадцати метров. Ровные боковые стены переходили в сводчатый потолок. От большого помещения уходили вдаль два прохода к помещениям другой формы, не уступающим красотой и оригинальностью первому, разве только размерами. Далее виднелись новые углубления. Забыв об усталости, мокрой одежде, Мурад развел огонь и, подняв горящее полено над головой, приступил к изучению пещеры. Он насчитал семь помещений и шесть коридоров, ведущих к ним. Стены были ровными и гладкими, кое-где были надписи и изображения. Некоторые из них свидетельствовали о тонкой работе умелых рук. Ему понравились изображения архаров, он любил этих благородных животных, которые обитали высоко в горах, гордо перенося трудности сурового климата. Многие рисунки, знаки, линии были непонятны. Только изучив, можно было постичь их загадочный смысл, яснее представить жизнь предков.

Закрыв рабочий блокнот, он прилег рядом с огнем, всем телом ошущая приятное тепло. С восхищением думал он о том, как в древности люди, не имея орудий труда, творили такую красоту. Для него пещера стала чем-то вроде места, соединяющего его с прошлым. Пещера, ее стены источали приятный запах веков и тысячелетий, сквозь которые проступали древние царства, лица предков, среди которых он увидел и царицу Бахар. Мурад представил себе, что когда-то в древности под могучими арками пещеры сидели вожди и предводители племен, и эта пещера была их роскошным жилищем. Их нет на свете, царства давным-давно исчезли, но память о них покоится в пещере. Если бы смогли заговорить эти камни, многое рассказали бы, много тайн раскрыли бы!

Приятное чувство тепла увело его в далекое детство, когда он по вечерам, закутавшись в теплое одеяло, слушал сказки матери. Всех сказок, услышанных от нее, не счесть, но сказку о царице Бахар он запомнил хорошо, хотя знал не всю, видимо, заснул во время рассказа, как бывает с маленькими детьми.

Он хотел узнать продолжение сказки, но, к его удивлению, мать ответила, что не знает такой сказки. Он пытался напомнить ей, что царица Бахар очень любила свой народ и бережно охраняла окружающий мир. Как-то дозорные сообщили ей, что соседнее племя, безжалостно истребив у себя все живое и неживое, добралось и до ее владений. Огорченная поведением соседей, она направила на них свое войско во главе с Шираком. Продолжения сказки Мурад не знал.

– Как звали эту царицу? – спросила мать.

– Ее звали Бахар, потому что она родилась весной, была женщиной небывалой красоты, лицо – белое молоко, волосы золотистые, а стан – само совершенство, все мужчины, увидев ее, навсегда становились пленниками ее красоты.

– Тебе приснилось, наверное, сынок, – заметила мать равнодушно.

– Возможно... – пришлось согласиться с матерью.

Мурад направился к выходу. С площадки перед пещерой открывалась чудесная равнина, картина – достойная кисти великого пейзажиста. Цветов там было больше, чем травы, так что поверхность земли местами была алой, белой или желтой. Ряды холмов за равниной тоже были одеты в травы и цветы. Красотой и яркостью выделялись тюльпаны. Воодушевленный, он оставил на стене пещеры надпись: «Лола» (Тюльпан). Так по-своему он назвал пещеру.

Внизу Али все еще недоверчиво поглядывал на небо, где совсем легкие прозрачно-белые лоскуты облаков поспешно убегали на север, оставляя за собой синее небо.

– Как называется это место? – спросил Мурад.

– Мы называем его Гулистан (Страна цветов).

– Я бы назвал Лолазар (Страна тюльпанов).

– Оба названия подходят, но только не «Р-3», – недовольно сказал Али.

– А что такое «Р-3»?

– Плохо, когда комбинат интересуется территорией, именуя ее по-своему. Двадцать лет назад гору западный Канизар комбинат переименовал в «Р-1» и превратил в руины. Низовье, что ограждено проволокой, обозначено как «Р-2». Говорят, эта местность на карте комбината значится как «Р-3».

– Они добывают золото? – спросил Мурад, вспомнив свой разговор с Вахидом.

– Да. Но не думаю, что они доберутся до этих мест. Давай лучше пить чай. Я заварил лечебные травы, что растут тут, – Али указал рукой вокруг себя.

– Не откажусь.

Али, наполнив алюминиевую кружку, протянул Мураду. Внезапно их сильно потрянуло. Мурад, не успевший взять кружку, уронил ее и в недоумении спросил: – Что это было?

– Комбинат взрывает, – с негодованием ответил Али, поднимая опустевшую кружку. – Не думал, что так скоро начнут. Сильно?

– Еще бы! – испуганно ответил Мурад. – И часто они взрывают?

– Так часто, что привыкнешь.

– Мне показалось, будто взорвали подо мной!

– Нет, на объекте «Р-2», это далеко от нас. Но если начнут реализовать проект «Р-3», то взрывать будут под тобой.

– А что будет с пещерой Балагур?

– Кому дело до пещеры, когда речь идет о тысячах тонн золота?

– Это же настоящее варварство!

Комбинат

Появление комбината – предприятия по добыче золота – недалеко от села стало переломным моментом в жизни сельчан. В село Кальа, как и во многие другие места, хоть и с опозданием, пришла цивилизация. Поначалу комбинат радовал сельчан: появились незнакомые люди, техника огромного размера, которой никогда раньше здесь не видели, возникли высокие, красивые здания, рядом с которыми их дома казались крошечными.

Основателя комбината Руфата Кулиева, инженера, образованного человека, местные приняли тепло и радушно, оценив его ум и грамотность. Но комбинат рос и расширялся на глазах, особенно под руководством Акбара Хейлова. Он лихорадочно бился за рост производства «драгметалла» за счет расширения производства и открытия новых участков.

Городок Советабат, с широкими освещенными дорогами, с магазинами,

полными продуктов, кипел жизнью. Шумная жизнь городка приятно волновала сердца молодых людей, манила их. Их удручала неспешная сельская жизнь. Городская среда меняла поведение молодежи, некоторые, попав в город, пренебрегали сельской жизнью, землей, даже участвовали в разрушении старых устоев, получая за это вознаграждение. Все, что было связано с национальными обычаями и традициями, считалось устаревшим и даже постыдным.

Вахид любил село, в котором родился и вырос, но с детства мечтал работать на комбинате. Во время учебы в институте он увлекся новыми технологиями. Поступив на работу, планировал внедрить современную линию, добиться повышения объемов продукции.

Здание комбината, красивое, из стекла и бетона, находилось в центре городка, привлекая к себе внимание. Вахид направился в сторону кабинета директора, который ждал его.

– Извини, что вызвали из отпуска, – произнес директор, после приветствия.

– Значит, так надо, – ответил Вахид, сядя напротив.

– Да, конечно не без причины, – добавил Акбар и, открыв свой сейф, достал оттуда пачку документов. – Я был на приеме у министра. Мы с ним долго говорили о нашем предприятии. Я ознакомил его с проектами. Важно, что наши старания были не напрасными. Министр санкционировал проект по объекту «Р-3».

– Как это так? – в недоумении произнес Вахид. – По нему не проведены исследования, не подготовлена документация...

– Пока ты был в отпуске, мы провели исследования, правда, не все. Что не успели закончить, проведем в ходе работы. Главное, у нас имеется разрешение. При этом он положил руку на кучу бумаг, которые достал из сейфа.

– Я боюсь, что могут возникнуть проблемы, – предупредил Вахид.

– Я вас прекрасно понял. Вы требуете рассмотрения плана по модернизации предприятия? – Переход директора на «вы» означал, что тот не совсем доволен ходом разговора.

– Да, прошу, – Вахид смягчил свою позицию, не решаясь осложнять отношений с директором, и продолжил: – Поймите, что этот путь развития – требование времени, именно он приведет к росту производства без открытия новых объектов. Новое оборудование позволит провести вторичную переработку накопленного сырья. Этим мы не только увеличим добычу золота, но и очистим территории от производственного мусора.

– Ваше предложение, возможно, выгодное, инженер, но пока что неприемлемое, – заключил Акбар спокойно, чувствуя, что инженер снова сдал позицию в поединке. Он сегодня был настроен позитивно: удачное завершение двух встреч – с министром и с представителями колхоза – вселяло в него уверенность. Поэтому, хоть слова инженера и задевали его, он еще раз дал ему пустое обещание, чтобы и далее использовать его. – Обещаю, что мы с вами обсудим ваш проект, но потом. Нынче я вызвал вас не по этому поводу, тем более не для дискуссии. На завтра запланированы взрывные работы на объекте «Р-2». Вам с начальником участка необходимо провести осмотр туннеля, подготовленного к работе. Прошу, не утруждайте специалистов, требуя четкого выполнения работ. Не забывайте, что невозможно организовать работу, не нарушая инструкции. Жду вас с хорошими новостями. До свидания.

К подножью горы Вахид приехал на служебном уазике ближе к одиннадцати часам. В конце западного Канизара в глаза бросался вход в туннель. На площадке стоял вагончик, из которого вышли двое специалистов-взрывников.

Поздоровавшись, они доложили об успешном проведении взрывов.

– Ну что, пошли? – сказал Вахид, указывая им рукой в сторону туннеля.

– Идемте, – ответил один из них, и они один за другим вошли в туннель, хоть и прорытый современной техникой, но уступающий древней пещере Балагур по многим параметрам, в особенности по красоте. По мере углубления становилось все темнее, местами капала вода.

– Много воды, – отметил Вахид, направив фонарь на лужу под ногами. Его резиновая обувь была в грязи.

– Мы поставим дополнительные насосы для откачки, – ответил ему начальник участка.

– И потолок может обвалиться! – освещая фонарем трещину на потолке, сказал Вахид.

– Слабые места укрепим балками, – скороговоркой ответил начальник участка.

В самом конце туннеля кучей лежала руда, содержащая золото.

– Только исправив недостатки, можно допустить шахтеров к работе, – произнес Вахид, посмотрев на начальника участка.

– Об этом вам следует поговорить с директором, – ответил тот, отводя глаза. – Я направлен, чтобы взять образцы сырья для анализа!

– Да, возьмите...

Вахид вместе с начальником участка покинул подножье горы, самое горячее место во взаимоотношениях села и комбината, инженера с директором, директора с министерством и, наконец, пастуха с председателем колхоза.

Акбар

Крупные предприятия большой страны конкурировали с предприятиями ведущих государств и по многим параметрам превосходили западных соперников. Официальная статистика радовала глаз, народ, слыша о новых достижениях, с нетерпением ждал наступления коммунизма. И лишь избранные на высокие посты знали истинное положение дел: застой и неизбежность экономического кризиса. Чтобы продлить свою власть, они с высоких трибун продолжали объявлять очередные пятилетние планы по развитию страны, обнадеживали народ, скрывая пагубность избранного пути развития.

Как руководитель среднего звена, Акбар хорошо понимал, что, только обеспечив рост продукции и минимизировав производственные затраты, он мог остаться на занимаемой должности и добиться карьерного роста. Вторая шахта, расположенная в низовье, не давала прогнозируемых объемов продукции. Открытие нового месторождения на горе восточный Канizar было спасением. Вводя новый участок, он мог не опасаться, что потеряет свое кресло, объявляя на совещаниях, что добился роста производства. А пока директор, сосредоточив всех людей и технику на второй шахте, рьяно старался повысить объем продукции. Его мысли прервали инженер Вахид и начальник участка.

– Ну что, товарищи, чем порадуете? – дружелюбно обратился он к Вахиду, чтобы расположить несговорчивого инженера.

– Не хочу огорчать вас, но у меня не очень приятные данные, – ответил Вахид.

– Мне кажется, что вы просто не хотите, чтоб ладилась наша работа, – с обидой сказал директор. – Что у вас?

– Во-первых, нам надо устранить утечку воды, – заявил инженер.

– Пустяки – нет повода для беспокойства, – заверил его директор. –

Завтра же перенесем туда насосы с объекта «Р-1». Что еще?

– Хотелось бы обратить внимание на...

– Я знаю ваше мнение... – прервав его, чуть раздраженно сказал Акбар. – А вот по-моему, вы совершили ошибку, выбрав эту профессию. Думаю, вам трудно будет одновременно оставаться инженером и защитником шахтеров.

– Я выбрал эту профессию, чтобы сделать комбинат по-настоящему передовым предприятием с безопасными условиями труда, – искренне ответил Вахид.

– Это похвально, что вы поставили перед собой такую цель. Но ни вы, ни кто-либо другой не в состоянии изменить ситуацию на предприятии, – отметил директор и добавил серьезно: – И если вам удастся что-то изменить, я буду рад. А теперь оставьте меня одного.

Сидя один в своем большом кабинете, Акбар размышлял об инженере.

В душе он признавал, что без его помощи, его знаний организовать работу на многих участках трудно. Даже в лаборатории часто прибегали к его советам, не говоря уже об ответственных взрывных работах. Он был нужен, чтобы наладить работу на предприятии. Вместе с тем он был головной болью для Акбара, уже год твердил о своих планах. Директор не сомневался в эффективности пути развития, предлагаемого инженером, но понимал невозможность его реализации на практике. Пока что о проекте Вахида знали немногие, инженер не проявлял настойчивости и решительности.

«Инженер, бесспорно, прав, – подумал он, зная, что никто не прочтает его мысли. – Во всем мире крупные предприятия развиваются, внедряя самые передовые технологии. Но кто разрешит нам реализовать его проект? Никто! Он еще молодой, не знает, что невозможен иной путь, кроме того, что диктуют сверху. «Ваш проект неплохой, – скажут чиновники из министерства, если предложить им проект инженера. – Но, он не подходит нам, так развиваются западные предприятия... А чем, собственно, вам не нравится отечественное оборудование и путь развития предприятий нашей страны? Вам нравятся зарубежные технологии? Теперь нам понятно, почему, товарищ Хейлов, у вашего предприятия такие низкие показатели. Это же саботаж! Не ожидали от вас такого. Откуда у вас чуждые, не свойственные нашим руководителям, мысли, противоречащие нашим идеям и нашему устройству?» Вот к каким последствиям могли привести идеи инженера! Некоторые руководители испытали на себе последствия нововведений. Он не желает подвергать свою жизнь и карьеру опасности.

«Мне легче открыть еще один объект против воли своего инженера и жителей села, – подумал он и с ужасом признался, что старается для себя: – Неужели я так цепляюсь за эту должность? Неужели она мне так дорога? Неужели для меня личное благосостояние превыше всего? Да, как ни печально, это так. Я думаю лишь о себе, о своем благополучии. Но я не один такой – нас много. Во что бы то ни стало надо воплотить проект «Р-3», так я не только покрою недостатки «Р-2», но и увеличу выпуск продукции, добьюсь перевода в областное управление или в министерство. “Министерство” – как звучит! Только оказавшись там, можно жить спокойно. Больше власти – меньше спроса! Ох, как мне хочется оказаться там!»

Вспомнил визит к министру. В приемной, кроме него, ждали вызова еще несколько руководителей, все в костюмах, при галстуках. Выражения лиц у всех разные: одни сидели безучастно, будто на их предприятиях проблемы, и они не знают, как выйти из положения, у других на лицах легкий испуг – видимо, эти руководители готовы были рискнуть, предложить идеи, чтобы поправить

ситуацию на своих предприятиях. Акбар был из них. Лишь единицы выглядели спокойно, похоже, они еще не были знакомы с опасностями, подстерегающими их.

Тишину нарушала молоденькая секретарша, которая, называя фамилию очередного посетителя, провожала его до двери и снова продолжала стучать по клавиатуре.

Услышав свою фамилию, Акбар сам не понял, как бесшумно и скоро оказался в кабинете. Не решаясь пройти дальше, он остановился на пороге, не давая знать о своем присутствии. Кабинет был огромным, с двух сторон у стен стояла мягкая мебель, на низких столах перед диванами и креслами вазы с цветами, кучи рассыпанных газет и журналов. В глубине кабинета, сидя в массивном кресле, что-то писал министр. Не поднимая головы, он рукой указал, куда следует сесть. Акбар присел на край стула и стал ждать. Как только министр поднял на него глаза, он начал доклад:

– Я, Акбар Хейлов, директор комбината в Советабаре, явился к вам...

– К сожалению, показатели вашего предприятия не самые лучшие, товарищ Хейлов, – перебил его министр. – В чем проблема?

– Объект «Р-2» не приносит ожидаемых результатов, – ответил директор. Этот короткий ответ был самым трудным. Он знал, что из-за этого объекта он мог лишиться своего места.

– Что предлагаете? – задал министр вопрос, который мог спасти его.

– Планируем открыть новый объект, чтобы повысить объем производства в будущем, а также восполнить недостачу по «Р-2». Документация по новому объекту подготовлена.

– Печально, что в последние годы мы расширение производства стали воспринимать за развитие, – констатировал министр. – И это единственный путь спасения от застоя. Надеюсь, вы уверены в целесообразности нового объекта с точки зрения окупаемости.

– Данные геологоразведки показали, что гора восточный Канисар богата запасами золота, – заверил Акбар.

– Будьте деликатны во взаимоотношениях с соседними хозяйствами, чтобы не возникло проблем, – заметил министр, подписывая техническую документацию проекта. – Этого нам никто не простит!

Акбар теперь был уверен, что со своим соседом станет единым целым.

Горные тюльпаны

Погруженный в размышления о великолепии пещеры Балагур, Мурад даже не заметил, как спустился с горы, оказавшись на краю поля.

– Ты откуда появился? – спросил, стоя возле трактора, здоровый мужчина, испачканный машинным маслом. Его голос и лицо выражали недоумение и удивление внезапному появлению человека с цветами в руках. – И куда так спешишь?

– Был в пещере, вернее, посетил пещеру. Возвращаюсь в село, – тяжело дыша, ответил Мурад, удивляясь тому, что так спешит с возвращением.

– Понятно, комбинатовский, – сказал здоровяк. – Неверное, пришел узнать, богата ли гора запасами золота, да? И как вам всем не стыдно! Разрушили одну гору – уже не вернуть, пожалели бы вторую, – с отчаянием сказал он, указывая рукой в сторону восточного Канисара, и пригрозил: – Знайте, если не сейчас, то когда-нибудь все равно придется отвечать!

– Я не работник комбината! Я журналист, прибыл изучать исторические

места края.

– Слава Аллаху, нашелся хоть один человек, который интересуется горами, а не их богатствами, – произнес тракторист тоном человека, отыскавшего то, что долго искал. – Извини, что принял тебя за человека комбината. Не терплю их, никакого уважения к другим, наглые!.. В последнее время участились их визиты в эти места. Вот и решил по-своему припугнуть, чтобы отстали от горы, а получилось, что нагрубил своему человеку, – с улыбкой произнес он и посмотрел на трактор: – С самого утра вожусь с этой развалюхой, только починил. В село, говоришь, тебе надо?

– Так точно, – весело ответил Мурад, заметив, как смягчился собеседник.

– В таком случае у меня есть возможность загладить свою грубость. Прощу в кабину. Правда, это не такой комфортабельный транспорт, как в городе, но едет быстрее человеческих ног, это точно.

– До села далеко? – спросил Мурад, располагаясь в кабине.

– Скоро начнется дождь. Придется переждать, – сказал механизатор и запел какую-то грустную песню, которая закончилась только тогда, когда он выключил мотор, будто рев мотора и его пение были связаны.

– Идем, – он пригласил Мурада, указывая на небольшой домик с навесами со всех сторон. – Возьми свои цветы, возможно, пригодятся.

Вслед за водителем Мурад вошел в помещение. Всюду беспорядочно валялся инвентарь, сумки и прочие вещи. Посреди комнаты стоял длинный стол, вокруг которого сидели девушки-колхозницы. Семь пар глаз обратились на него, отчего Мурад даже покраснел.

– Здравствуйте, красавицы, – беззаботно обратился к ним тракторист и, получив ответ хором, посмотрел на Мурада. – Сегодня у нас гость, его зовут... сообразив, что не спросил имя спутника, он растерялся.

– Меня зовут Мурад!

– Очень приятно, – снова хором ответили девушки и, перебивая друг друга, представились: – Меня зовут Рано, меня – Лобар, Дилбар, Ханифа, Лола.

– Кого хотите обрадовать такими красивыми тюльпанами? – опережая других, обратилась к нему Ханифа. Она выглядела старше других.

– Не знаю кого, – ответил Мурад. Вопрос застал его врасплох, как и яркие, веселые сельские девушки. «Говорят, девушки в селах стеснительные и не общаются с мужчинами, оказывается, это не совсем так, – подумал он. – Они ничем не отличаются от городских».

– Пригласили бы сначала к столу, – поспешил на помощь тракторист. – А то неудобно как-то сразу с вопросами. Наверное, есть кому отдать, иначе не полез бы за цветами в такую погоду!

– Это заметно по тому, как он крепко их держит, – произнесла Рано, бойкая на вид. Все снова рассмеялись.

– Можете взять их, если хотите, – сказал Мурад, посмотрев на Рано, и положил цветы на край стола.

– Нет, уважаемый, никто так просто со стола их не возьмет, – гордо отказалась она. – Если вы согласны их подарить, то букет получит та, которая победит в «битве стихов», получит из ваших рук. Вы согласны?

По ее поведению видно было, что она проявляет определенный интерес к нему.

– Согласен, – ответил Мурад, не имея никакого понятия об этой игре.

Соревнованию был дан старт. Все по очереди начали читать стихи о красоте предгорных равнин, о прекрасных фруктовых садах, о любви, о добре и зле... Менялось настроение присутствующих, стихи заставляли задуматься,

даже прослезиться.

Одна за другой стали выбывать участницы, остались Рано и Лола – два цветка: один горный, другой равнинный. Мурад почему-то хотел, чтобы победила Лола, что и случилось. Отдавая ей букет, он коснулся ее руки, почувствовав волнение и участвовавшее сердцебиение.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Это очень дорогой подарок для меня. Я люблю тюльпаны, и моя мама обожает их, потому меня и назвала Лолой.

– Потому они и достались вам, – ответил Мурад, ловя ее смущенный взгляд. Его поразили глубина ее глаз, нежное лицо, пухлые губы, в уголках которых бродила едва заметная улыбка. Эта была улыбка не только победителя... Одетая в длинное платье бордового цвета, она сама была лучшим цветком, желанным подарком любому мужчине.

За время обеда Мурад несколько раз украдкой посматривал на нее, она отвечала нежным взглядом. Он понял, что они испытывают одно и то же чувство. Это чувство смущало ее, она немного краснела.

Дождь прекратился, и все по одному стали покидать сарай. Она задержалась дольше, возможно, хотела что-то сказать ему.

– Вы совсем непохожи на злого журналиста, о котором нам говорили, – неожиданно произнесла она.

– Кому я успел причинить зло? – шутливо спросил он.

– Нашему бригадиру, – доверчиво ответила она. – Он утром предупредил нас, чтобы мы были осторожны с вами в высказываниях. Мы не поверили ему, наоборот, услышав, что вы добровольно согласились помочь нашему пастуху, обрадовались. Вы не испугались потопы?

– Нисколько, – ответил Мурад. – Я больше испугался взрыва, он куда опаснее!

Она мило улыбнулась и, попросившись, покинула комнату. Эта улыбка, вторая по счету, принадлежала только ему. Ничего особенного не было сказано, но эта беседа сблизилась, будто они были давно знакомы.

Он тоже вышел. У самого входа увидел Вахида. Мурад даже было обрадовался встрече, но тот, бросив на него недобрый взгляд, так сухо ответил на приветствие, будто Мурад отнял у него что-то... По его взгляду Мурад понял, что он оказался за дверью неслучайно.

– Когда приехали? – интересовался Мурад.

– Утром, по личным делам, – ответил он: – Я смотрю, вы зря время не теряете.

Вахид, прибывший в сад с явным намерением поговорить с Лолой, заметив возле нее журналиста, не решился войти.

– Не привык попусту тратить жизнь, – ответил ему Мурад.

Вторая их встреча была менее дружелюбной, Вахид совсем не был похож на пассажира из автобуса... Даже не попросившись, он направился к бригадиру. Сегодня судьба сблизилась Мурада с прекрасным созданием, отдалив его от другого знакомого.

Девушки, забыв о лирике и нежностях, парами таскали тяжелые мешки. Бригадир и еще один мужчина, дымя сигаретами, командовали ими.

«И как им удастся сохранять красоту, выполняя такую непосильную работу?» – подумал Мурад.

– Приходите еще, – услышал он женский голос сзади. Это была Рано. Она явно не хотела уступить его никому.

Своя звезда

Всю дорогу Мурад думал о Лоле и возвратился в село в приподнятом настроении, не чувствуя усталости.

Его охватили совсем незнакомые тонкие и нежные чувства. Он почувствовал какую-то связь с девушкой по имени Лола. С наслаждением вспоминая об этой встрече, он пришел к выводу, что его сердце покорено ее красотой и умом. Как обрадовалась она, получив его цветы! Цветы, которые он собрал у сказочной пещеры в эту сказочную поездку! Все вокруг представлялось ему прекрасным: и село, и командировка, и люди... Вспомнив разговор с друзьями перед отъездом, он усмехнулся.

– Смотри не влюбись в какую-нибудь крестьянку? – шутя предостерег Азамат.

– Вздор! – возразил Рустам. – Уверен, что он никого там не найдет.

– Кто знает... – продолжил свою мысль Азамат. – Любой человек, хоть раз в жизни должен влюбиться в кого-нибудь!

– А я говорю, что на Мурада это не распространяется!

– Не знаю почему, но мне кажется, что он, такой простодушный, найдет свою любовь именно там, в далеком от цивилизации крае, там, где сохранились более тонкие чувства, – возразил Азамат.

– Не хватало, чтобы мы за невестой ехали в такую даль...

– Незачем спорить, друзья, – вмешалась в разговор Гульнора. – Любовь – это сердечное дело. Если кто-то заденет струны сердца, тут ни Мурад, ни тем более мы неподвластны.

– Не забывайте, что я еду туда по работе, а не невесту искать, – заверил всех Мурад, чтобы положить конец спору. – Думаю, мне рано еще думать о женитьбе!

Тогда он еще ничего не знал... Если бы он знал силу этих чувств, не уверял бы ни в чем друзей. Чувство застало его врасплох, растрожило и лишило покоя.

По его просьбе хозяйка постелила ему на супе. Сегодня небо было ясное, усыпанное звездами, яркими и далекими. Он и раньше любил наблюдать за небом. Но в городе то ли из-за воздуха, то ли по другой причине звезд было намного меньше, да и были они более тусклыми. Он заметил, что особенно яркой была звезда прямо над ним. Он запомнил ее и каждый вечер, ложась спать, находил ее, радовался, говорил с ней, с волнением рассказывал о своих чувствах к Лоле, о которых не мог сказать ей самой. Он был счастлив, увидев в саду Лолу, а в небе – звезду.

Когда теплый восточный ветерок навешал его, чтобы угостить ароматами горных тюльпанов и влагой талых ледников, он засыпал и во сне снова встречал пленительную Лолу.

Продолжение следует.

СТРАСТИ ПО МАЯКОВСКОМУ

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

...С дрожью и напряжением в теле в ожидании очередного вступительного экзамена он подумал о том, что ему никогда легко не давались устные тесты и экзаменовки. Ни в школе, ни на подготовительных курсах в ВУЗ. Заготовленные заранее складные речи и попытки произвести на экзаменаторов положительное впечатление мгновенно куда-то улетучивались, едва он попадал под скептические и ожидающие взгляды университетских преподавателей. Тем более его габариты – к восемнадцати годам – почти двухметровый рост и вес под сотню килограммов – никак не вписывались в стереотипный образ студента филологического факультета. Как бы он ни успокаивал себя тем, что с двенадцати лет жил исключительно в книжном мире, прочитав запоем к своему нынешнему, по сути, детскому еще возрасту едва ли не всю значимую русскую классику последних двух веков, но отражение, что он ежедневно наблюдал в зеркале, никак не добавляло ему уверенности в правильности выбранного факультета.

Так и сейчас, глядя на двух женщин, устало и равнодушно взирающих на него с высоты своего положения, он опять почувствовал нарастающую неуверенность, предчувствуя, что и в этот раз наверняка где-то оступится. Даже несмотря на, казалось бы, доскональное знание и самой темы, и полученного вопроса, и истории жизни великого советского поэта...

Но отступить было некуда, потому, поначалу запинаясь и выбирая слова, он продолжил гнуть свою сумбурную, но все же довольно логичную позицию, закончив едва ли не на одном дыхании следующими словами:

– ...в отношении же к большевистской России у Маяковского с 20-х годов текущего века прослеживалась чуть ли не эротическая страсть и привязанность к новому строю.

Оба экзаменатора старой, еще советской закалки, удивленно и испуганно переглянулись. Прошло пять лет, как распалась страна, в которой они

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ. Родился в 1973 г. в Воронеже. Окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Публиковался в русскоязычных журналах и русскоязычной периодике в России и за рубежом. Автор романа «Почтарский мост». Лауреат Международного литературного конкурса русскоязычных авторов.

выросли, и где заканчивались границы дозволенности и начиналась бесконечность пошлости, им, людям старой формации, было уже непонятно.

Тем не менее после нескольких напряженных секунд молчания та, что постарше и, очевидно, главнее в экзаменационном тандеме, казалось, оправилась от легкого шока:

– Ну, что ж... интересное мнение... – произнесла она, не скрывая заметного налета сарказма. – А теперь попытайтесь обосновать его.

Последнее было сказано уже с холодным спокойствием и расчетливостью хищника, готового растерзать свою жертву.

Пытаясь не выдать волнения, он незаметно под столом вытер вспотевшие ладони о свои наглаженные брюки, неуверенно кивнул, непривычный к такому пристальному вниманию, и, чуть запинаясь, произнес:

– Хорошо... достаточно вспомнить стихотворение Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой»... из Парижа... – в непривычной ситуации голос все же подвел его. Он проглотил вставший в горле ком и негромко откашлялся.

Видя его неуверенность, его визави усмехнулась и мельком взглянула на коллегу, словно делясь с ней мнением о том, что им попался очередной едва достигший половой зрелости голословный свергатель авторитетов.

– Продолжайте, молодой человек... И что же такого... гм... эротичного к Советской родине вы нашли в любовной лирике Маяковского? – она усмехнулась еще раз, в сарказме найдя противоядие от непривычных для ее слуха выражений.

Он еще раз проглотил предательский ком в горле и, настраивая себя, вытер еще раз потные ладони о брюки.

С нескрываемой иронией экзаменаторы наблюдали за его неуверенностью.

– Итак... не можете найти подходящих строк у Маяковского?

– Можно процитировать?

– Конечно... Даже нужно... Утверждения нужно подкреплять доказательствами.

Он еще раз взглянул на нее, перевел взгляд на второго экзаменатора и, чувствуя неожиданный прилив веселой злости, уверенно, словно убеждая себя в собственной правоте, повторил:

– В отношении к Советской России у Владимира Маяковского прослеживалась не только нескрываемая страсть, но почти эротическая привязанность к Советской власти... Чтобы проиллюстрировать это, достаточно вспомнить известное стихотворение Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой»... и следующие строки из него: «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне красный цвет моих республик тоже должен пламенеть...»

У обеих преподавательниц вытянулись лица. Не желая терять запала, он коротко перевел дыхание и продолжил:

– И далее в стихотворении, словно в продолжение эротической нежности и ревности к своей стране, Маяковский пишет: «... Ревность, жены, слезы... ну их! – вспухнут веки, впору Вию. Я не

сам, а я ревную за Советскую Россию».

Он перевел дыхание и проглотил опять вставший ком в горле. В аудитории повисло тягостное молчание. Он ждал что ему скажут. Это был последний экзамен и от его результата зависело, поступит он на филфак или нет.

Экзаменаторы молчали, пораженные, судя по всему, неожиданным взглядом на известное стихотворение и его новой интерпретацией в изменившейся за последние пять лет социальной формации.

Та, что постарше, наконец, несколько раз постучала ручкой по поверхности стола, словно выводя себя и коллегу из неожиданного ступора, и откашлялась.

– Ну, что ж... – она коротко запнулась, – в целом достаточно аргументированная позиция...

Он смутно помнил, о чем они говорили в оставшееся время вступительного экзамена. Единственное, что всегда приходило в голову в дальнейшем, были напряженные и напуганные лица абитуриентов в коридоре, которые бросились к нему (как, впрочем, бросались к каждому выходявшему из аудитории) со словами: «Ну что?!» И свой все еще растерянный и, одновременно радостный вид. Почему-то он всегда видел самого себя словно со стороны в своих воспоминаниях: «Сдал... Пять...»

Пожалуй, это был тогда один из немногих моментов, когда ему все же удалось победить систему. В дальнейшем такое случалось все реже и реже. И поводы были все менее значительными...

К 580-летию Шихера Навои

Идущий через века...

Нет, он – не монумент, не памятник холодный!
Его душа жива, и слышен сердца стук.
И к нам в любой момент призыв его свободный
И веские слова приходят вновь и вдруг.
Как все мы – знал и он страдания и сомненья,
Изранен был в ночи коварством злых измен,
В хворобах всех времен пророчил исцеленья,
И мудрости лучи нам нес сквозь прах и тлен.
Воздвигнут был им мост меж прошлым и грядущим
В столетии своем на долгие века.
И лики ярких звезд в сиянье вездесушем
Он видел в небе днем – сквозь синь и облака.
Он видел, как в страстей бездумном святотатстве
Сдавались души в плен, и рвалась жизней нить.
И всех земных людей в неразрушимом братстве
Сквозь цепь границ и стен мечтал соединить...
Да, знал он и любовь! Не призрак тот бесстрастный,
Что в суетности чувств пред взором вдруг парит,
А ту, с которой Кровь своею тайной властной
Скрепила рифм союз, что в Вечности царит.

Пусть кто-то назовет Поэта вольнодумцем, –
Но смело оттенил он Светом темноту.
Прославлен был им тот, кто прозван был Безумцем, –
За то лишь, что любил, отринув суету.
Зло заключало Свет в зинданы и подвалы,
Зажав его в тиски, казалось, навсегда...
Но яркий луч в ответ дробил в осколки скалы –
И жизнь несла в пески бурлящая вода.
В началах и концах, в Творенья судьбах многих
Добро во тьме бредет, а блеском зло манит.
И в золотых дворцах, и в хижинах убогих
Предвечный выбор тот всем равно предстоит.
Куда же всем идти? Как нам предстать к ответу?
В смятении мир живет, свой ощутив надлом.
Есть только два пути. К крушенью или – к Свету.
Давно Всевышний ждет: куда ж мы повернем?
Иной дороги нет. Судеб всех многогранник,
Постигнув нашу суть, ответ хранит пока.
Взывает к нам Поэт, Мудрец, и – вечный Странник,
Свершающий свой путь сквозь страны и века...

Андрей СЛОНИМ

ИсмаТ КУЧИЕВ

Путь Поэта

Фрагмент из поэмы

Глава 1

Шкатулка воспоминаний

Своя в любом народе лира,
И ждет героя своего:
Тагора, Пушкина, Шекспира
Бывает – и не одного.
Что ж, и земля Узбекистана
В веках отнюдь не бесталанна,
Людей, кто по-узбекски мог
Собрать слова в высокий слог,
Пожалуй, сыщется немало.
Но мы поведаем о том,
Как, задавая строй и тон,
Родной поэзии начала,
Поэмы дивные свои
Писал великий Навои.

Как нам пролить немного света
На судьбы умерших давно?
Не даст история ответа –
Все в глубине погребено
Минувших дней тяжелым грузом.
О ты, крушашая союзы
И не шадящая друзей,
Твоей руке покорны все!
Но сквозь века бесплотный голос
По-тюркски начинает речь,
Разит неправду, словно меч,
Звучит, гремит, не упокаясь,
И маяком ведет туда,
В давно ушедшие года.

Когда великий, славный город
Был Чингизидами сожжен,
Разграблен, и отнюдь не скоро
К величию вернулся он.
С трагичной смертью Улугбека
От рук родного человека
Пришел в упадок Самарканд –
И получил свой шанс Герат,
Живое сердце Хорасана,
Где неумолчный шум толпы,
Веков все видевшая пыль –
Купцы из Индии, Ирана,
Расскажут вам про белый свет,
А каждый водонос – поэт.

Меж тем в семье Гиясиддина
На свет явился Алишер.
Отец был важным господином,
Но что до почестей душе,
Ведь не купить богатством рая!
Вот дядя музыку играет –
И знает Гариби Герат,
И сочиняет бейты брат.
Да, муза многих навешала
В прекрасном городе людей,
Но славен кто? Труды их где?
В истории осталось мало
Имен и строк. Однако все ж
В их круг Низамиддин был вхож.

ИсмаТ КУЧИЕВ. Родился в Самаркандской области в 1955 г. Окончил Самаркандский госуниверситет, академию КГБ, кандидат философских наук. Автор книг «Жизненный путь», «Генерал губернатор», «Шараф Рашидов – Победитель», «Все лучшее в себя вместило сердце».

Неудивительно, что встала
 Душа мальчишки на крыло:
 Кругом поэзия витала,
 Сплетались в ткани нити слов,
 Вились невидимо в канаты,
 Навек связав его с Гератом,
 В котором ум поэта рос.
 Послушай, как многоголос
 Людской ручей в проулках узких –
 Торг по-арабски, на фарси
 Касыда в воздухе висит,
 А там – ругаются по-тюркски,
 И в этом море языков
 Иному выплыть нелегко!

Как в толчее не заблудиться,
 Не стать лицом среди толпы?
 Быть нарушителем традиций?
 Их продолжателем слепым?
 Людская двойственна природа:
 Мы – дети своего народа,
 Мы – дух его, и плоть, и кровь,
 Привычный инструмента строй;
 Но вместе с тем в нас скрыта жажда
 Познания новых берегов.
 Как делать из друзей врагов,
 Изведал, верно, в жизни каждый.
 В конце концов, идти во тьму
 Нам вместе – но по одному.

Лишь тот баланс найти сумеет,
 Кто, отрекаясь от богатств,
 Все людям отдал, что имеет,
 А что получит – вновь отдаст.
 Талант ему дарован свыше –
 И он не для доходов пишет,
 А возвышает словом дух.
 Народу не кумир – но друг,
 Который пристально внимает
 Надежде, чаянью, беде –
 Его с почтением везде
 И знать, и нищий принимает,
 И даже враг, готовя нож,
 Все ж признает, что он – хорош.

И это все об Алишере!
 Но забежали мы вперед.
 От дара, что ему отмерен,
 Он с малых лет сполна берет,

К ученью слух открыв, внимает,
 И книги глубина немая
 С ним начинается диалог
 Искусной вязью древних строк.
 Герой наш юн пока изрядно.
 Его мы видим в медресе,
 Он обучается, как все,
 Но не со всеми будет рядом
 Один из тех, кому дано
 Сосудом власти быть земной.

Не раз в повествование этом
 Приятель детских лет, Хусейн,
 Что, кстати, тоже стал поэтом,
 Возникнет после медресе.
 Есть вклад его в литературу,
 Но был наследником Темура
 По матери и по отцу –
 Судьба вела его к венцу.
 И тем дороже Байкаро нам,
 Что по пути судьбы своей,
 Хоть было много сложных дней,
 По совести, и по Корану,
 Сколь высоко бы ни взлетел –
 О брате не забыл меж дел.

Те времена, что им достались,
 Для жизни, творчества, утех,
 Прошли под звон булатной стали,
 И оба были не из тех,
 Кто прятался за спину друга.
 Один из царственного круга
 И войском, и мечом владел –
 Другой держался мирных дел,
 Пером разил, словами правил,
 И вместе, словно две руки,
 В союзе ток любой реки
 Оборотиться вспять заставят,
 Любые беды разрешат,
 Когда б им только не мешать!

Пока же детские забавы
 Дни заполняли до краев,
 И лишь зерно грядущей славы
 Росло у каждого свое.
 Ученья месяцы летели,
 Вставали за плечами тени
 Давно ушедших праотцов.
 Державы, созданной Хромшом,

Куски делили дети, внуки.
Шахрух в Герате при венце,
И в Улугбековом дворце
Еще пылал очаг науки,
Но приближались времена
Таланты раскрывать сполна.

Рос Алишер, читал поэмы
Фирдоуси и Низами,
Учил слова, вникал в их темы,
Любил Хосрова и Джами.
Запомнить их – поди, сумей ты!
Не всяк поэт, кто помнит бейты
И может к случаю блеснуть,
Но к мастерству нелегко путь:
Тому не покорится сталь,
Кто не качал мехов недели,
Не написать тому газели,
Чьи не извели уста
Медовый вкус чужих созвучий
И прежних песен слог певучий.

Бывают времена другие:
Юнцам оглядываться лень,
И бейты, сердцу дорогие,
Беспамятства скрывает тень.
Летят в грядущее – а в прошлом
Ничто не назовут хорошим,
Не различают лиц, имен,
История – как страшный сон,
Что поскорей отбросить надо.
Но без истории народ
Назад в развитии пойдет
И превратится вскоре в стадо,
Что за серебряный дирхам
Послушно новым пастухам.

Ученья луч пронзает тучи,
Наш замутняющие взор.
Кто знает прошлое – тот лучше
Расслышит будущего зов,
Очистит путь от ложных целей,
Скорей себя проявит в деле,
Ведь луком пушенный снаряд
Летит быстрее, говорят,
Чем камень, брошенный рукою!
У предков стоя на плечах
Любой пылает, как свеча.

А тот, кто не обеспокоен
Образованием ничуть,
Во тьме свой совершает путь.

А наш герой возжег науки
В себе неугасимый свет.
Его газелей слыша звуки,
Всяк скажет: «Навои – поэт!»
А он, меж тем, еще философ,
Ответ искавший на вопросы
О власти, обществе, любви;
Он вдохновение ловил
Не только в текстах, но и в нотах,
Мог математикой блеснуть,
Но был притом не горд ничуть –
И сам участвовал в работах,
Больницы строил и мосты,
Как будто родом из простых.

Откуда скромность у поэта?
Искусство у людей давно
В наряды яркие одето
Из славы суетной земной
В нем большинство всегда стремится
Лишь угождать чинам и лицам,
Чей поплотней набит карман,
На мрамор поменять саман,
Воткнуть в чалму перо павлина
И уподобиться ему,
Смирненно кланяясь – тому,
А этому крича, чтоб спину
Согнул, касаясь лбом земли,
Едва завидел хвост вдали.

Кто оторвался от народа,
Тот древней мудрости ключи
За горсть монет бездарно продал:
Кто знает истину – молчит;
Ведомый совестью глубинной,
Скрывает замысел орлиный,
В простой обыденности фраз
Лишь тот, кто мудр не напоказ;
Чей разум вскормлен от корней,
Кто голос неба ясно слышит –
С того и спрос намного выше,
Дано вдвойне – вернет втройне;
Тот будет истинно велик,
Кто пред народом склонит лик.

На тех, кто пот с землей мешает,
 Властитель смотрит свысока.
 Вмиг убивает, возвышает
 Указа грозная строка,
 Гнев пламя порождает, горе
 Зальет пожар, с потопом споря,
 С расчетом сказанная весть
 Народы враз снимает с мест.
 Но убери одну стихию –
 И разорвется с небом связь,
 Опору потеряет власть
 И времена придут лихие!
 Подол величия – в пыли,
 Все начинается с земли!

И от земли стартует в небо
 Орел, что выше всех парит.
 Единым выкормлены хлебом
 Кто разрушает и творит,
 Одна вода питает поле –
 И половодьем обездолит,
 А тот огонь, что греет дом,
 Назавтра выжжет все кругом.
 Но тот, кто духом тверже кремня,
 Подобен в щедрости полям –
 Дорогу выбирает сам
 И, оправданий не приемля,
 Каким бы тяжким ни был век,
 Всегда зовется Человек!

Смотрите! Снова перед нами
 Уже знакомый нам герой.
 Распорядился семенами
 Добытых знаний он хитро:
 Засеяв их в полях словесных,
 Растит на них стихи и песни!
 Ему всего пятнадцать лет,
 Но Алишер уже – поэт.
 Он пишет бейты без изъяна
 И на фарси́, и на турки́,
 И в глубине любой строки
 Одна, верна и постоянна,
 Цветет любовь, парит мечта –
 Родные прославлять места.

Ирана звонкие напевы
 Царят в поэзии давно.
 Но кто сказал, что томным девам
 Туманить разум не дано

Ритмичным звуком речи тюркской?
 И на тропе поэта узкой
 Одна персидская стопа
 Должна господствовать? Толпа
 Не учит языков – выходит,
 Что для возвышенных умов
 Писали Низами, Хосров,
 Но для поэмы непригоден
 Привычный уху говор сел,
 Лишь просторечие – и все?

И наш юнец берется с пылом
 Превознести родной язык.
 Еще своей не зная силы,
 Не мысля, будто бы велик,
 Но, вкрай любовью переполнен,
 Он, как пловец, штурмует волны
 Размеров, стилей, метров, форм.
 Не затаясь, как робкий вор,
 Чужие бейты подбирая –
 Вслед величайшим из творцов,
 Склонив в почтении лицо,
 Но с уважением, стараясь
 Не повторить – но превзойти,
 Идет по своему пути.

Так не писал никто доселе.
 Горят рубины рубай,
 Звонят лиричные газели,
 Подписанные «Навои»,
 Что переводится – «напевный».
 Кипит весна цветочной пеной,
 И юность гордая бурлит,
 Покой отбрасывать велит!
 Однако мир недолог в мире.
 У тимуридов вновь за власть
 Борьба лихая началась,
 И смерть забрасывает шире
 Свою ячеистую сеть –
 В ней и поэту место есть!

Семью спасая от напастей,
 Герат покинул Кичкине,
 Как удержать простое счастье
 В объятой распрями стране?
 С султаном рядом жизнь сытнее,
 Да, жаль, к веревке ближе шея,
 А от султана вдальке
 Гуляет ветер в кошельке.

Но серебра всего на свете
Не хватит подкупить того,
Кто не находит ничего
Дороже, чем семья и дети,
Кто на карьеры миражи
Своих родных не ставит жизнь.

Покинутый любимый город
Двенадцать лет сиял вдали.
В трудах, раздумьях, разговорах
Не зря те годы протекли.
Стал юноша поэтом зрелым,
Его стихи, подобно стрелам,
Сердца без промаха разят,
А дух – торопится назад!
Лишь посетил Герат – и снова
Изгнанником из мест родных
Бежит в обитель мудрых книг
Оттачивать до блеска слово,
Что смертоноснее клинка
Бывает в опытных руках.

Способны пламенные речи
И убивать, и воскрешать.
Но, коль сразить словесно нечем,
Останется покрепче сжать
Труд кузнеца, а не поэта.
Покинет ножны сталь, раздета,
На ложе тысячи смертей
В бесстыдной наготе своей
Взойдет, тела людей лаская:
Кого полюбит – никогда
Уже ни радость, ни беда,
Ни скорбь, ни суетность мирская
Того до сердца не проймут.
Таков итог великих смут.

В любой войне есть победитель.
Тот, кто в конце остался жив,
Чужим платком от крови вытер
Меч, и оружие вложил
В обтянутые кожей ножны.
Но совершенно невозможно
Назвать всех тех по именам,
Чью жертву приняла война,
Кто стал землей, кто кровью смазал
Вражды заржавленную ось,
Чтоб колесо войны неслось,

Быстрее, чем пробудится разум,
Чтоб не отбросила клинка
К перу привыкшая рука!

Взгляни: уже едины ростом
Властитель и простолюдин.
Их различить теперь непросто,
Запоминай, Низамиддин:
Вражда не строит – разрушает,
А если даже возвышает
По результатам одного,
То скольких бывших близ него,
В него поверивших, низводит
До горстки праха на земле?
Кого растили столько лет,
Теперь лишь на поживу годе
Голодным птицам и зверью,
Прервав на взлете жизнь свою.

Но примет прах земное лоно
И по весне рождает вновь:
Травой зазеленеют склоны
Вчера истоптанных холмов,
Водой наполнятся каналы,
И небольшой надел помалу
Пройдет дехканин с кетменем,
Чтоб выросло зерно на нем.
Обличий много есть у славы.
Одно, заметное едва, –
С зарею утренней вставать
И невеликий след оставить,
Но в скромной малости своей
Он всех иных следов важней.

Смотри, поэт! Политик властью,
Как винным духом, опьянен,
Считает, что для прочих – счастье,
Пока сидит на троне он.
Но опустеет трон – и что же?
Придет другой, сильнее, моложе,
Из той же чаши пить до дна.
Однако рушится страна,
Когда у пахаря простого,
Как бек успешно ни воюй,
Нет средств, чтоб прокормить семью,
Для плуга – сил, для дома – крова!
И так везде бывает, где
Властям нет дела до людей.

И Алишер смотрел. Внимал
Восторгам, жалобам и крикам.
Пусть опыт собственный был мал,
Но он учился у великих!
Поэт не ведает преград,
Он в стороне б остаться рад,
Забыть несовершенство мира,
Писать о том, что сердцу мило,
Но боль и скорбь чужие разом
Пронзают тело до глубин.
Поэт – рожок, в него трубит,
Взывая к людям высший разум,
И если инструмент хорош –
Возьмет и слушателя дрожь.

Читатель спросит: «Что же это,
Ослеп я или просто глуп?
Ну что за темы у поэта:
О том, как он девицам люб
И как, вино употребляя,
Намерен приобшиться к раю,
Хотя в исламе испокон
На всех один сухой закон!
В сомненье потираю ухо:
Где все величие, где суть?
О мудрости веков – забудь!
Я, может, не в ладах со слухом,
Читаю все наоборот,
Иль плохо сделан перевод?»

Простим наивные вопросы
Тому, кто вот уж много лет
Приучен, что легко и просто
Все объясняет Интернет;
Кто видит в мониторе лица,
Не знает пользы от традиций
И так прославиться спешит,
Что напрочь забывает жить.
Мир, переполненный любовью,
Волчком вертящийся вокруг,
Когда-то был как добрый друг,
Сидящий с книгой в изголовье.
Решалось все не торопясь,
Веков была прочнее связь!

Творец – всегда дитя эпохи.
Он говорит на языке,
Что знаем вроде бы неплохо:
Нет незнакомых слов в строке,

Их сочетания – известны,
Кочуют из поэмы в песню,
И образы, увы и ах,
Давно навязли нам в зубах.
Теперь взгляни на все иначе,
Отбросив суету, мой брат:
Поэт полтыши лет назад,
Когда свой путь великий начал,
Не знал, конечно, никого
Кто по следам пройдет его,

Ступал по целине и только
Мечтал о лучших временах –
Он находился у истока
Всего, что так привычно нам.
Его вели не жажда славы,
Не отблеск серебра лукавый,
А мысли, что народ велик,
Когда глубок его язык!
Для тех веков, почти забытых,
Он был новатором вполне,
Но каждому была ясней
И ближе череда событий,
Тех, на которые в строках
Своих он тонко намекал.

Он не спешил ломать и строить!
Взяв формы вековые, сам
Вдыхал в них мысль – и бейты роем,
Ожив, взмывали в небеса.
Ходил по почве плодородной
И камни образов народных
Он не отбрасывал – гранил!
Традиций кружева хранил,
В знакомый ритм, в напев обычный,
В банальный образ добавлял
Метафор жемчуг, мыслей лал,
Такой изысканной отмычкой
Вскрывал консервативный ум
Для небывалых, новых дум.

И если был в привычном жанре
Положен о любви рассказ,
Он не творил в постельном жанре,
Как написали бы сейчас,
Не лил в поэме реки крови,
Подряд всех убивая, кроме
Второстепенных, малых, лиц
По ходу первых двух страниц –

Он воспевал любовь! Он трогал
Лишь струны чистые в сердцах,
В словах, достойных мудреца.
Но кто решится так же строго,
Тяжелый друга зная нрав,
Твердить тому, что он не прав?

Сейчас, в продвинутое время,
Когда мы знаем все и вся,
Мир вроде бы наполнен теми,
Кто, светоч истины неся,
Раскроет нам глаза на власти:
Покажет, кто к чему причастен,
Проявит ум, характер, прыть –
Чтоб зад на троне заменить.
А нет – так льют бальзамом в уши,
Что нет правителя сильнее,
Не нужен, мол, другой стране,
Поскольку быть не может лучше...
У Навои учиться б нам
Служить народу – не чинам!

Не трепеша пред властным взором,
Он прямо говорил, в глаза,
Что и султан подобен вору,
Когда считает, будто сам

Все создает в своей державе,
В своем, Всевышним данном, праве
Забыв о людях, чьим трудом
Его богатый полон дом:
Не хлеб на блюде – плоть людская,
Халат из нитей судеб сшит,
Пот, как вино, в бокал бежит
И обоняние ласкает...
Борясь со злом, покуда жил,
Он исправлял, а не крушил!

Но мы опять спешим. Не стоит!
Рассказ размеренный течет
О том, кто пел, учил и строил,
И управлял, и вел учет,
Кто знал любовь, изведal дружбу,
Кто делом жизни видел службу,
Имел немало от щедрот
Властей, но помнил про народ,
Паря душой над облаками,
Талант свой людям посвятил.
Не лизоблюдствовал, не льстил,
Меж богачами, бедняками
Путем единственным своим
Великий славен Навои!

* * *

В поэме Исмата Кучиева отражены основные вехи жизни Алишера Навои, события развиваются в соответствии с реальной хронологией, но иногда автор сознательно делает несколько шагов вперед, чтобы в нужный момент сделать шаг назад и усилить эмоциональный эффект от прочитанного.

В повествование органично вплетен грамотный анализ творчества Алишера Навои, гражданина и патриота, поэта, государственного деятеля, бескорыстного мецената и созидателя, внесшего огромный вклад в становление искусства, науки и государства.

Поэма написана онегинской строфой, но по-восточному образно и витиевато. Это не случайно: у Навои и Пушкина, несмотря на то, что это гении разных эпох и разных народов, много общего: в их творчестве нашли отражение духовная жизнь их времени, тончайшие нюансы человеческой души – радости и невзгоды, взлеты и падения.

Исмаи Кучиев создал поэму на русском языке, посредством классического русского поэтического слога, отдав дань гению Навои, способствуя тому, чтоб многогранное наследие великого классика стало достоянием всего человечества, а творения вошли в память многих народов и вдохновляли на творчество.

Вниманию читателей журнала предложена первая глава поэмы.

НАШ ГЕНИЙ

Великий поэт и мыслитель Алишер Навои является одной из замечательных фигур в истории узбекского народа и мировой культуры. Его деятельность многогранна. Как видный государственный деятель, визирь в период правления султана Хусейна Байкаро он принимал самое активное участие в социально-политической, экономической, культурно-просветительской жизни XV века, мудро и самоотверженно способствовал стабильности мира и повышению благосостояния широких народных масс, оставил великое по объему, идейно-эстетической значимости и разнообразию литературное наследие.

Часто на литературных встречах, поэтических вечерах или научных конференциях молодежь задает мне вопрос:

– Учитель, такие выдающиеся сочинители древних времен, как: Юсуф Хос Хажиб, Рабгузи, Хорезми, Кутб, Сайфи Саройи, Гадои, Отои, Саккоки, Лутфи внесли огромный вклад в формирование и развитие узбекского языка и литературы. Язык поэмы «Мухаббатнома» очень близок современному литературному языку. Но основоположником узбекского литературного языка и классической литературы мы считаем именно Алишера Навои, а не одного из названных сочинителей. Почему?

В подобных случаях я отвечаю так:

– Алишер Навои в отличие от своих предшественников и современников писал «много и хорошо» (Бобур), и создал произведения всех лирических жанров; писал и на тюрки, и на фарси; создал “Хазойинул маоний” («Сокровищница мыслей»), которая состоит из четырех книг (девонов), а также “Девони Фоний”, собрав все стихи на персидском языке. Необходимо отметить, что до Навои в тюркской поэзии диванов не было. В этих диванах собраны лирические стихи поэта всех жанров, тематически разнообразные, образные, высокохудожественные.

До Навои на Востоке уже существовала традиция создания поэмы-маснавия. Низами Ганджеви, Амир Хусрав Дехлави на основе традиционных сюжетов и образов создали на персидском языке «Хамсу» и прославились на весь мир как великие мастера. Кое-кому из поэтов удалось продолжить традицию написания таких поэм, но именно Алишер Навои, развивая ее в структурно-содержательном аспекте, создал совершенно новую «Хамсу», где сохранены лишь некоторые названия, которые обрели новое значение и суть.

Поэт не только первым написал «Хамсу» на тюркском языке, но и создал школу маснави, где разрабатывались нравственно-воспитательные, любовные, социальные, философские, исторические, суфийские сюжеты. В этом плане особенно велико значение «Манتيкут тайр» Навои («Речь птиц»), созданного в ответ на поэму бесподобного персоязычного поэта Фаридиддина Аттора «Лисонут тайр» («Язык птиц»).

Навои на практике продемонстрировал народам всего мира, что на узбекском языке можно создавать великие произведения как лирических, так и эпических жанров, разработал теоретические и политические основания развития литературы на тюрки и написал труд «Мухокаматул лугатайн» («Спор двух языков»). В трактате, основываясь на многочисленных примерах, он доказывает, что узбекский язык ни по богатству лексического состава, ни по изяществу не уступает персидскому. Более того, основываясь на фактах, автор сумел доказать, что тюркский язык превосходит персидский разнообразием лексических слоев и возможностей выражения. Вместе с другом и единомышленником Хусейном Бойкаро они добились того, что узбекский язык обрел статус государственного языка.

Как известно, во времена Навои было создано много антологий, написано множество трактатов по теории литературы, но все они были на арабском и персидском языках. Навои восполнил этот пробел в истории тюркоязычной поэтики и написал трактаты «Мезонул авзон» («Метрика» или «Измерение ритма стиха» или «Весы размеров») и «Мажолисун нафоис» («Собрание утонченных»). В «Мезонул авзоне» автор развивает теорию аруза, которая существовала до него, но он делает это на материале тюркоязычной поэзии, показывает своеобразие тюркского аруза. В «Собрание утонченных» Навои включает информацию о тюркоязычных писателях, приводит примеры из их произведений. Кроме того, Навои находит в своем «Собрании...» место и для видных любителей поэзии, которые, не будучи поэтами, знали наизусть много стихов, мастерски читали газели. Этого в предшествующих трактатах не было. Таким образом, Алишер Навои фактически во всех аспектах литературной жизни был основоположником новых направлений.

Навои смог продемонстрировать во всех жанровых формах поэзии и прозы, которые существуют в восточной классике, могущество тюркского языка. Им было разработано несколько поэтических и прозаических форм, вошедших в тюркскую народную литературу и ставших традиционными. Самое же главное, в неповторимых произведениях поэта в высшей степени художественно воплощены величественные гуманистические идеи, актуальные во все времена.

В арабских, иранских странах, а также в Индии до XV века было написано несколько трактатов об исламе, истории тасаввуфа, о жизни и деяниях святых, большая часть из них была на арабском и персидском языках.

Как историк, знаток религиозных и суфийских учений, Навои создал на тюркском языке произведения «Тарихи мулуки ажам» («История иранских падишахов»), «Тарихи анбие ва ҳукамо» («История пророков и мудрецов»), «Ар-боин ҳадис» («Сорок назиданий»), «Насойимул муҳаббат» («Вяния любви»), «Махбуб ул-қулуб» («Возлюбленный сердце»).

По словам Садриддина Айни, основоположника современной таджикской литературы, внесшего большой вклад в развитие узбекской литературы, Навои был наставником и покровителем более сорока творческих личностей того времени, уделяя большое внимание воспитанию талантливой молодежи.

Алишер Навои был образцом щедрости. Он помогал народу, на свои средства построил несколько мостов, бань, прокладывал каналы и другие сооружения общественного назначения, своим жизненным примером реализуя идеи, выдвинутые в его произведениях.

Величественная фигура Навои фактически стояла во главе научной и культурной жизни, значительно влияла на социально-политическую жизнь страны. Его литературное творчество стало великой школой для последующих поколений писателей, он оставил глубокий след во всех сферах духовности: художественной литературе, науке, религии, тасаввуф, социальной жизни, политике, просвещении, истории.

Мы гордимся своим великим предком.

Хомиджон ХОМИДИ*

** Хомиджон Хомиди. Доктор филологических наук, профессор Ташкентского государственного университета имени Алишера Навои, автор многочисленных научных исследований по тюркоязычной литературе.*

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА ТИМУРИДСКОГО ПЕРИОДА

Литературные вечера под названием «Высшее собрание» (олий меджлис) проводились в Герате вплоть по 1505 год. Вечера представляли собой собрание деятелей науки и культуры, интеллигенции и творческих слоев (поэтов и писателей).

Известный историк эпохи поздних Тимуридов (1370 – 1506) Хондамир (1475 – 1535) в своем произведении «Макарим ал-ахлак» (Благородные нравы), описывая жизнь и деятельность знаменитого узбекского поэта Алишера Навои, отмечал, что он возглавлял эти поэтические вечера, где происходили литературные споры о поэзии, прозе, обсуждались философские труды, пелись песни на стихи Алишера Навои, знаменитого таджикского поэта Абд ал-Рахмана Джами (1414 – 1492), Хусейна Байкаро и других придворных поэтов.

Перед каждым собранием список участников утверждал сам Хусейн Байкаро. В своем произведении «Рисола» (Трактат) он писал, что Абд ар-Рахман Джами участвовал в его литературных вечерах и почтил его.¹ По его сведениям, в то время в Герате и его окрестностях проживало около тысячи поэтов, лучшими были Абд ар-Рахман Джами и Алишер Навои.

В своем «Мезан ал-авзан» (Весы размеров) Алишер Навои говорил, что маджлисы поэзии при дворе Хусейна Байкаро являются собранием жемчужин мыслей; здесь велись разговоры о поэзии и прозе, дискуссии о проблемах поэтического творчества. В произведении «Маджалис ан-нафаис» (Собрание избранных), оконченном в 1498 г., описывается один из литературных вечеров на котором обсуждалось стихотворение знаменитого персоязычного поэта из Индии Хосрова Дехлеви (1253 – 1325).

Из эпистолярного сборника Алишера Навои «Муншаат» (Письма) стало известно, что идея создания таких сборников поэзии, как «Бада’ий ал-бидайа» (Редкости начал), «Хазайин ал-ма’ани» (Сокровищница мыслей), «Дивани Фани» (Диван Фани)², была предложена Алишеру Навои именно Хусейном Байкаро на одном из поэтических вечеров.

На одном из собраний сын Султана Хусейна Байкаро высоко оценил творчество Алишера Навои и, выразил желание создать произведение «Сирадж ал-муслимин» (Светоч мусульман).

В период правления Амира Тимура (1370 – 1405) литературные вечера стали традицией, которая была продолжена такими тимуридскими правителями, как Шахрух (1409 – 1447), Улугбек (1447 – 1449), Искандар Мирза (1409 – 1415), Бойсункар Мирза (1495 – 1497), Султан Ибрагим (1457 – 1459) и Абдулкасим Бабур (1449 – 1557). Во времена Хусейна Байкаро благодаря Алишеру Навои эти прекрасные вечера достигли своего апогея и способствовали развитию литературы эпохи Тимуридов.

Подобные поэтические вечера организовывались и в резиденции Алишера Навои – султана поэтов – под руководством тимурида Хусейна Байкаро (1469 – 1506). В литературе эпохи Навои они назывались высшим собраниями. Вокруг Навои собралась художественная элита той эпохи Мавараннахр и Хорасана, приезжали поэты издалека. В своем произведении «Махбуб ал-кулуб» Навои упоминал, что иногда проводил собрания в саду; приглашал творческих людей и высокопоставленных чиновников, устраивал угощения, ему нравились

1 Хусайн Байкаро. Рисола.Девон. Нашрга тайерловчи Афтондил Эркинов. Тошкент: Шарк, 1995. 20-б.

2 Под поэтическим псевдонимом (тахаллус) “Фани” Алишер Наваи писал стихи на персидском языке. Поэтому сборник поэзии называется “Дивани Фани”.

песни и танцы певцов и музыкантов.¹ М. Имомназаров в статье, посвященной Алишеру Навои («Великие деятели, ученые»), называет литературные вечера просветительскими беседами².

Не всем посчастливилось присутствовать на таких вечерах. По данным Давлатшаха Самарканди, интеллигенция и писатели того времени стремились принять участие в межлисах Навои. Литературовед той поры Аталлах Хусейни пытался осознать новое поэтическое искусство Навои: «Внимания такому новому искусству было моей целью, но я долгое время не мог найти способ выразить мои мысли. Когда состоялась встреча с Хазратом Худовандгором (Навои), я высказал свое мнение. Когда я закончил говорить, он прочитал рубаи.

Перевод:

Рӯи ту зи рухи осмоний хуштар,
Қадди ту зи сарви бўстаний хуштар,
Лаъли ту зи оби зиндагоний хуштар,
Нуткат зи ҳаёти жовидоний хуштар.

*Твое лицо лучше в небе (чем солнце),
Осанка прекраснее, чем у кипариса (сарв).
Лицо твое лучше, чем вода жизни;
Твоя речь лучше, чем вечная жизнь.*

Одна из главных тем литературных встреч – поэзия. Стихи играли важную роль в тогдашнем литературном процессе. На подобных собраниях у поэтов была возможность представить свои произведения, узнать мнение других о них, обменяться творческими идеями, сотрудничать с другими поэтами. Ряд жанров узбекской классической литературы и появление новых видов напрямую связаны с мушоирой (поэтическое соревнование). Мушоира первоначально проводилась во дворцах правителей, поклонников искусства и литературы, в домах богатых людей, которые спонсировали творческих людей (поэтические вечера во дворце Хусейна Байкаро, в доме Навои).

Зайниддин Васифи, принимавший участие в литературных вечерах Навои, писал, что и Хазрат Мир (Навои) присутствовал со своими надимами.

Источники указывают, что на собраниях читали бадихи (экспромты), та-таббу (размышления о стихах других поэтов), новые стихи и новые газели, а в некоторых случаях таърих (отображение определенного события или даты, связанной с жизнью человека, с использованием букв арабского алфавита), марсия (стихотворение, написанное по случаю смерти человека), муаммо, лугз (загадочный жанр), рассказы (в форме маснави).

Разница между межлисами Алишера Навои и литературными вечерами Хусейна Байкаро заключалась в том, что на межлисы правителей рекомендовались поэты и хафизы, прошедшие испытание у Навои, это была как бы первая ступень испытаний. Рассказчики, поэты, не имеющие себе равных, участвовали в литературных вечерах, сыгравших важную роль в развитии литературы своего времени.

Шерхон КАРАЕВ*

* Шерхон КАРАЕВ. Независимый исследователь Ташкентского университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои.

¹ Алишер Навоий. Мухбуб-ул кулуб. Т: Ғулом номидаги АСН-1983.5-6.

² Маънавият юлдузлари. Т: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” ДИИ-2011.228-6.

Люди извечным добром скреплены

Мать Алишера Навои

Какою женщиной была
Мать Алишера Навои!
Ее душевного тепла
Хватало для большой семьи.
Не только свет в родных глазах,
Их застилала грусти мгла,
И проступал подспудный страх...
И радость, как цветок, цвела.
Гордилась вдумчивым сынком,
Тем, как родился в нем поэт.
Рассказывала перед сном
Ему преданья давних лет.
Величья высшего полна.
Что перед ней слова мои?
На веки вечные она –
Мать Алишера Навои!

Хороший и плохой

По мосту, над шумною рекой,
Что бывает в общем-то нередко,
Шли навстречу добрый и плохой,
Два на вид обычных человека.
Поздоровался тепло один,
Обратился будто бы к родному,
Произнес он вежливо : «Утинг!» –
И дорогу уступил другому.
Доброму в итоге каково,
Тот, кому он действовал в угоду,
Обозлен, взял за руку его
И, пройдя, столкнул беднягу в воду.
Процедил : «Меня не проведешь...
Захотел кичиться добротой ?
Ты свою напыщенную ложь
Остуди холодной водою...»

Перевод с узбекского Раима Фархади*

* Раим ФАРХАДИ. Поэт, переводчик, журналист. Заслуженный деятель культуры Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик». Родился в 1942 г. Член творческого объединения Академии художеств, и член СП Узбекистана, главный редактор экологического журнала «Родничок» («Булоқча»).

СТИХИ МАСТЕРА *(лирика Абдуллы Арипова последних лет)*

Николай ИЛЬИН

Абдулла Арипов – признанный классик узбекской литературы XX – XXI вв., один из самых ярких ее представителей. Его творчество характеризуется философской глубиной, многосторонним социальным, историческим и психологическим анализом жизни, наблюдения и суждения запечатлены в замечательной художественной форме, с эмоциональной силой и глубиной мысли. «И по сей день, прожив немало лет, я полагаю, что Поэзия – это таинственное и прекрасное слияние великих помыслов души и волшебных, пленительных чувств»¹, – заявлял поэт.

Прошлый век во многих отношениях стал исключительным для узбекской литературы, ибо в значительной степени преобразовал само ее жанровое-видовое устройство, впитал и осмыслил огромные историко-социальные сдвиги, имевшие место в этот исторический период, а также усвоил посредством переводов великое мировое художественное наследие. Вместе с тем была сохранена философская и художественная преемственность со староузбекской литературой и шире – со всей восточной литературой, прежде всего тюркской и персидской, чему в немалой степени способствовала деятельность А. Арипова как переводчика: перевод на узбекский язык «Божественной комедии» Данте («Ад»), произведений Леси Украинки («В катакомбах»), драмы венгерского драматурга Хельтана «Немой рыцарь», а также множество поэтических произведений Низами, Пушкина, Некрасова, Шевченко, Аветика Исаакяна, Кайсына Кулиева и др.

По мнению исследователей и коллег, поэт в понимании основополагающих жизненных и художественных ценностей на протяжении своего творческого пути следовал во многом заветам классической узбекской литературы, хотя невозможно отрицать его вклада и в развитие самой поэтической традиции. Лирика А. Арипова вобрала в себя те событийные, идеологические и культурологические составляющие, которые воспринимал и осознавал сам поэт в течение долгой творческой жизни, а его глубинное художественное мышление

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...»

¹ Абдулла Арипов. Благословенно прожитое мной: Избранное. / Пер. с узб. – Т.: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г.Гуляма, 2003, с. 6.

предъявляло образные картины не как непосредственный, сиюминутный отклик на актуальные события, но пропущенные через призму художественного опыта и философского созерцания. «Если вы когда-нибудь наблюдали за капелькой, то видели, как она наливается влагой, растет и только потом срывается вниз. Стихи Абдуллы похожи на эту капельку. Вначале слово за словом, строка за строкой они созревают в душе поэта. Он много думает, размышляет на тему, которая лишила его покоя, и только потом берет в руки перо. И тогда рождаются стихи, идущие из глубины сердца... согретыые дыханием больших раздумий...», – писал исследователь творчества Абдуллы Арипова Данияр Бегимкулов.¹

Стихотворения поэта позднего периода не столько переосмысливают время и мир в их изменчивости, сколько подтверждают устоявшуюся систему жизненных ценностей, где каждое новое наблюдение, событие, простой случай, попадая в поле многолетнего опыта и определившегося миропонимания, обрастает целостной философией и становится еще одной гирикой на весах, утверждающих правоту, естественность и преемственность вечных человеческих установлений и ценностей.

В философском аспекте осуществление полнокровной осмысленной жизни человека противопоставляется жизненной суете, механическому следованию за поворотами судьбы, подмене подлинной жизненности ее привычной имитацией. Проблема отпущенного на жизнь времени и недопустимости жизненной суеты и бесконечной изменчивости остается в поле внимания автора-философа. Суета как жизнь не всерьез, как некая игра в жизнь оказывается в центре художественной интерпретации целого ряда стихотворений, в число которых входит и стихотворение «Игра»:

*Своих не успел причесать я волос,
Как голову стали они покидать.
Еще не успел я начать жизнь всерьез,
Пошли друг за другом друзья умирать.*

<...>

*Кого-то на завтра к себе пригласим, Поведав Аллаху надежды и грусть,
И вроде бы доброго хочется нам, Ты взглянешь на небо с бессильной тоской,
Но завтра ты будешь ли добрым таким, Вот так и ребенок: вдруг бросит игру –
И будет ли завтра, и будешь ли сам? И тотчас займется игрушкой другой.²*

Социальная лирика поэта во многом продиктована теми событиями, которые привели Узбекистан к обретению независимости. Осознание значимости своей нации, ее своеобразия, исторического богатства и нравственной высоты – одна из значительных тем, сопровождающих творческую деятельность автора. Глядя в глаза своих соплеменников, поэт в стихотворении «Эти глаза» заявляет:

*Глаза те исполнены большим, чем радость и грусть:
В них нечто, что чистых сердец откровенью сродни,
Средь мира бессмысленных взглядов, откуда я рвусь,
Глаза те божественны, истинно святы они.*

¹ Данияр Бегимкулов. Жизнь моя – поэзия! – в книге: Абдулла Арипов. Благословенно прожитое мной: Избранное. / Пер. с узб. – Т.: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г.Гуляма, 2003. – 264 с.

² Стихотворения Абдуллы Арипова цитируются по изданию: Звезда Востока, № 2, 2013, а также представлены в данном номере журнала.

В центре системы нравственных ценностей человека и общества оказывается понятие «ихлос» («преданность», «верность», «искренняя привязанность»). Как и его европейские эквиваленты, это понятие предполагает верность избранным целям, жизненным идеалам, делу, вере, друзьям, родине, любви и так далее. Но понятие *ихлос* на Востоке включает в себя и отличительный элемент: нравственные, общественные, религиозные идеалы могут выражаться для автора, как и для любого члена общества, конкретной личностью. Они могут персонифицироваться, и тогда верность и преданность могут переноситься на избранного руководителя жизни – пира, наставника (что вовсе не тождественно руководителю или начальнику на работе).

*Короны и власти то чувство сильней,
В нем суть человека, его устремление,
Приносит простая вода исцеление
Больному, что искренен в вере своей.*

Верность своим идеалам и человеческому окружению становится одним из главных мерил достоинства людей. Развитие этой мысли находит продолжение во многих других стихотворениях автора, таких как, например, «Младшая сестра», посвященное Буритош Носировой:

*Когда неразлучные прежде друзья
Гадали, пожать мою руку иль нет
(а так ведь бывало), тогда, помню я,
Такие, как ты, зажигали мне свет.*

Преданность и верность этой женщины, помогавшей и поддерживавшей поэта, когда он попал в трудное жизненное положение, как раз оказывается проявлением того самого «ихлос», и автор пишет о ней как о родной сестре, хотя таковой на самом деле она ему не являлась. Поэт платит ей своей верной памятью и добрым чувством, равновеликим родственному, братскому.

Утверждая и образуя своеобразную человеческую общность, где дружба и верность, с одной стороны, гораздо больше социализированы, а с другой – идеальные общественные отношения получают оттенок семейной близости, автор рассматривает это понятие как природное и освященное исторической традицией, подтвержденное историческими примерами:

*И преданность эту наставнику-пиру
Великий Темур всех превыше ценил.
За искренность песен, подаренных миру,
Феруз песнопевцу коня подарил.*

Дружба – не только личная симпатия, склонность одного человека к другому, это и общественная ответственность как за свой выбор, так и за следование своему выбору:

*Расчета, корысти в том чувстве нет,
В нем благодать доверия, верности дух,
Когда в моем доме погас было свет –
Зажег его снова мне преданный друг.*

Памятливость на добро, благодарность за заботу и внимание естественно вписываются в круг достоинств человека:

*Но людей милосердие не забывается,
Перед ними наш долг невозможно забыть.*

Характерная для поэта тема – благодарность избранному наставнику, давшему основы профессионального мастерства и правила жизненного поведения. Так, среди наставников, определивших в известной мере жизненное призвание А. Арипова, мы встречаем не только исторические фигуры Алишера Навои, Амира Темура, Улугбека, Беруни и других предшественников, но и близких поэту современников. Автор с благодарностью вспоминает заботу о юных авторах известного поэта Миртемира:

*Доныне его поминаю добром:
Радушный, сердечный, с широкой душой.
Сто раз он оттачивал слово пером,
Сто раз обрамлял его новой строфой.
(«Уроки Миртемира»)*

Поэта одинаково восхищает и величие известных исторических лиц, и проявление душевной высоты и пронизательности в обычных людях.

Однако, сколько бы значимой в системе жизненных ценностей автора не являлась взаимосвязь с другими людьми, в жизни случаются ситуации, когда человек остается один на один с проблемами, потому что помочь никто не может или потому что лирический герой Абдуллы Арипова считает недостойным перебрасывать на других свои трудности, и здесь он проявляет черты настоящего мужчины, в самом себе находящего опору и источник жизнестойкости. Таков неожиданный финал стихотворения «Утешение», когда, взвесив возможную поддержку, которую можно получить от других, лирический персонаж замыкает круг на самом себе:

*Коль тяжело на сердце
и в горле ком,
В обычную жизнь погрузись с головой:
Быть может, нужды тебе нет ни в ком,
Быть может, не нужен никто другой.*

Вместе с тем понимание трагизма истории и жизненных тягот людей учит не только личной жизнестойкости, но и сочувствию тем, кто был наделен нелегкой судьбой. Скорбная мелодия и горькая молитва, соединяясь в значении слова «муноджат», обретали особую выразительность, смысловую наполненность и озвученность в одноименном стихотворении:

*Трепешет и стонет, скорбя, муноджат,
Вбирая все боли, что нес каждый век.
И если уж песне дано так звучать,
То сколько ж ты бед претерпел, Человек!*

Тема любви в лирике поэта замечательна не только изображением сильных эмоций, радостной полнотой жизни, но и ощущением невозвратности пережитого, досадой на утраченное или несбывшееся.

*Я для тебя не лист и не корень,
Это давно осознать я сумел.
Я ведь с дождем заблудившимся сходен,
Я ветром нечаянным прошелестел.*

Живая природа, ее жизненная сила, привносимая годовым обновлением, тоже оказывается источником полноты чувств и жизнестойкости человека:

*На праздник весны умирать не стоит,
На праздник весны надо только рождаться.
Весна – проповедник самый достойный,
Она наш аванс, чтобы жить стараться.*
(«Пролог»)

Детство поэта, прошедшее на фоне сельской природы вблизи Конгиртау, подарило ему понимание красоты мира, ставшей своеобразным эстетическим мерилом.

*Расцвел с приближеньем весны Конгиртау,
У горных подножий пасутся стада.
Зеленое до горизонта джайляу,
Какое и в сказках найдешь не всегда.*

Преодолеть время, прожить настоящую, полноценную человеческую жизнь, помогает только подлинное дело, сопрягаемое с тем, что бесконечно превосходит время и судьбу отдельной личности с жизнью народа. Служение ему словом, чувство органичности, неразрывности с национальной жизнью, с характером и судьбой народа в смене бесчисленных поколений – вот путь превышения возможностей отдельной человеческой жизни. Поэтому поэта так волновала общность его поэтического слова с речью родного края, его соплеменников, что нашло отклик в глубоко символическом стихотворении «Поколения»:

<i>Далеко в кишлаке, там, где детство прошло, Я вдоль улиц иду, говоря сам с собой. Вдруг какой-то мальчишка ко мне подошел: «Чей вы ищите дом здесь, бобо?»</i>	<i>Я бы мог ему все о себе рассказать, Не замешкав ответить бы мог, Только станет ли слушать он это, как знать, И какой ему с этого прок?</i>
--	---

<...>

*Может, мальчику вспомнится речь чужака,
Пока папа его чай творит,
И он скажет: «Я видел сейчас старика –
Он, как все мы, точь-в-точь говорит».*

Говорить «точь-в-точь», «как все мы», как весь народ – истинное жизненное кредо узбекского мастера поэтического слова.

Эти глаза

Лишь редкостным словом возможно озвучить устам
Ту мысль, чтобы сделалась ясной вполне,
Когда говорю я «Узбек» или «Узбекистан»,
Два черных горячих зрачка представляются мне.

Подобен живому огню взгляд пылающих глаз,
Смотрящих из глуби столетий, способных заморозить,
Увидь их, Лайли бы лишилась сознания тотчас,
Маджнун, потерявшись, в пустыне остался бы жить.

Глаза те исполнены большим, чем радость и грусть:
В них нечто, что чистых сердец откровенно сродни,
Средь мира бессмысленных взглядов, откуда я рвусь,
Глаза те божественны, истинно святы они.

Уроки Миртемира

Доныне его поминаю добром:
Радужный, сердечный, с широкой душой.
Сто раз он оттачивал слово пером,
Сто раз обрамлял его новой строфой.

И ласковый взгляд словно шел из души,
Мы вокруг него – парни из разных краев:
Нукуса, Хивы, Сырдарьи и Карши,
Подростки-акыны хорезмских песков.

«Трудитесь – и стих станет гладким тогда:
Для творческой личности труд – не вопрос».
Он не принижал нас ни в чем никогда,
И стал нам не просто учитель – Устоз.¹

Провидческий инстинкт

Отец, размышляя, как будто дремал,
Как будто бы с нами забот не имел,
Но он всегда превосходно знал
Все обстоятельства наших дел.

И наш учитель Доно-ака²
Был тоже истинным мудрецом,
Как мы готовы: всерьез иль слегка,
Определял он мельком.

Подчас и целитель бывает такой –
Рентгеновских снимков не ждет:
И что тебя мучает, что с тобой,
Без лишних расспросов поймет.

Наверное, все это можно понять:
Зреть ветер судьбы – это дар,
Но тяжело бывает заранее знать,
Какой тебя ждет удар.

¹ Устоз – наставник, мастер.

² Доно – мудрый, эрудит.

Злоречие

В болото слоненок едва попадет,
Тотчас от слонов к нему помощь придет.

Сарыч или сокол, как должно семье,
Птенца не дадут на съеденье змее.

Мы, люди, извечным родством скреплены,
Корнями едиными все сплетены.

И если к кому-то несчастье придет,
Другой непременно поможет, спасет.

И два человека под небом отцов,
Роднее и ближе иных близнецов.

Ты жалобой это, мой друг, не считай,
Но злобным судить обо мне не давай.

Муноджат

Скажи, муноджат, какова твоя цель,
Зачем ты так мучаешь душу мою?
Зачем тебе слезы на этом лице,
Зачем, о рубаб, льешь ты горечь свою?

Звучат рассыпаясь стенанья твои.
Откуда же стон этот слышится нам?
И чей это плач – самого Навои,
Иль, может, скорбит песнопевец Хайям?

О хватит, постой, музыкант, прекрати!
Довольно кинжал свой ты в грудь мне вонзал:
Ведь если та музыка правде сродни,
То сколько же в мире есть боли и зла!

Ведь если струна так способна рыдать,
И нам не во сне этот слышится плач,
То ты, о природа, ты людям не мать,
Ты казнь и петля, и весь мир – наш палач.

Трепешет и стонет, скорбя, муноджат,
Вбирая все боли, что нес каждый век.
И если уж песне дано так звучать,
То сколько ж ты же бед претерпел, Человек!

Обыкновенный человек

Меня часто просьбами одолевают:
Помочь с поступленьем, пристроить куда.
И многие так простодушны бывают,
Что эта наивность насквозь в них видна.

1 Муноджат –1. (рел.) Молитва с жалобой на судьбу. 2. Название классической мелодии соответствующего звучания..

Готов я пойти с ними хоть до Герата,
Пешком через горы и множество рек,
Но силы и власти во мне маловато,
Поймите, я самый простой человек.

И что удивляться? - увидите все сами:
Вся мощь моя в силе рифмованных фраз.
И все, что могу, – это встать рядом с вами
И искренне Богу молиться за вас.

Журавли

Расцвел с приближеньем весны Конгиртау,
У горных подножий пасутся стада.
Зеленое до горизонта джайляу,
Какое и в сказках найдешь не всегда.

Должно быть, с далеких краев Хиндустана
Живою чертой в небесах журавли,
И дальний разносится звук их устало –
Протяжное, долгое это «курлы».

Спускаясь к земле, птицы вдруг замолкали,
Беззвучно над степью холмистой кружа,
Как будто пространство они изучали
И место искали себе не спеша.

Тут мирное стадо пасется безмолвно,
Тут чистое небо, приволье в полях.
И птицы спускались прекрасные, словно
Небесные ангелы в тонких шелках.

И, чувствуя благодать небес и долины,
Бродили довольные, кроткие там.
И Бог, сотворивший всю эту картину,
С небесных высот любовался ей сам.

Моим друзьям

Алахону Хаджаеву

В жизни многое может предаться забвению:
Наши взлеты, паденья, веселье, печаль,
И любви пережитой недуг и томление,
И годов, и тревог, и дорог наших даль.

С ходом времени давняя рознь ослабляется,
И сердечная рана способна зажить,
Но людей милосердие не забывается,
Перед ними наш долг невозможно забыть.

Перевод с узбекского Николая Ильина.

***Тот на земле оставит след,
кто в небеса стремится !***

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Книга жизни

Прошлых лет заветные *страницы*
В *книгу жизни* я хочу сверстать,
Вновь открыть приветливые лица
И друзей, что нет со мной, собрать.

Повидать морщинистых старушек,
Что привычно кланялись земле,
И вписать *строкой* равнодушной
Благодарность людям на селе...

Школа, вуз, *курсив* – любовь, как роза,
Юношеских пылких лет напряг,
Где поставив пряткий *знак вопроса*,
Рассудить пытались, что и как.

Годы шли, бежали и летели,
Был нескучен пестрых дней маршрут –
Мне в пути том стала главной целью
Повесть жизни под названьем «Труд».

...Сколько ж разных беспокойных *строчек*
Я рассыпал – жизнь вела свой сказ.
Жаль, что там, где место *многоточью*,
Избежать не смог я мелких клякс.

Да улетит тоска!

Резво бегут минутки,
Чтоб раствориться в часах,
Те собираются в сутки,
Сложенные в месяца.

Утро глядит в окошко,
И полыхает день.
Вечер, встречая ночь,
Тихо уходит в тень.

Ночка, покоем мудрым
Землю от бед храня,
Честно готовит утро
К светлым заботам дня.

Так пробегают годы,
Десятилетий спор,
Горести и невзгоды,
Бурных страстей задор.

А человек планеты –
Да улетит тоска! –
День начиная с рассвета,
Множит, куется, века.

Владимир ЛЕБЕДЕВ. Родился в г. Сергаче. Доцент, кандидат филологических наук. Окончил Горьковский педагогический институт иностранных языков. Автор лирических стихов, рассказов, четверостиший, афоризмов, басен в прозе (всего 8 книг). Член Союза писателей РСФСР.

Да не будет ночью мне день!

Открывая новизны грань,
 Утро бодрое спешит
 К нам,
 Хмурой ночи сбросить чтоб
 Шаль,
 Светом жизни озарить
 Даль.
 И, сподвигнув на дела
 Нас,
 Завершает к полдню свой
 Сказ.
 ...Рассылая свет-любовь
 Всем,
 Распаляется, лучась,
 День.
 Он светло творит, вершит
 Жизнь,
 Изгоняя из души
 Стынь.
 Затевая добрых дел
 Пир,
 Изменить мечтает он
 Мир.
 Вдруг откуда ни возьмись –
 Бом! –
 Забасил, грозя грозой,
 Гром.
 И разверзлись небеса
 Вмиг
 Мириадами крутых
 Брызг.
 Принял дерзкий тот удар
 Сад:
 Поливает вишни цвет
 Град.
 У дороги утонул
 Вяз,
 По дороге расползлась
 Грязь.
 Перекрыла горизонт
 Мгла,
 И оскалилась судьба,
 Зла.
 День пригожий отступил
 Прочь,
 Опустилась над землей
 Ночь.
 Праздник жизни, где же ты,
 Друг?
 Растворился почему
 Вдруг?
 Не робей, не уходи
 В тень.
 Да не будет ночью мне
 День!

При свечах

Новый день. Мыслей рой.
 Ух, летят!
 Жалят дружно меня –
 Очень рад.
 Поскорей бы за стол,
 Чтоб писать
 И души суматоху
 Унять.
 Слышу пение птиц
 За окном,
 И несутся мне гаммы
 В блокнот.
 Сколько ж их – не успеть
 Ни за что
 Нужных слов мне найти –
 Всё не то.
 Вдруг свершилось! От счастья
 Кричу
 И, взмывая, как птица,
 Лечу.
 Мне парить над землею
 Легко,
 Я касаюсь крылом
 Облаков,
 Небосвод, как невесту,
 Обняв,
 Прямо к Музе, свет солнца
 Вобрав.
 Ну а Муза, взъерошив
 Мой чуб,
 Говорит мне: «Не надо
 Причуд.
 Для такой затаенной
 Мечты –
 Не созрел ведь, дружок,
 Еще ты.
 Пусть высок твоих мыслей
 Настрой,
 Сторонись суеты
 Холостой».
 ...Годы минули, тихо
 Стуча –
 Нынче с Музой пишу
 При свечах.

Строкаю строки между строк

(Шутка)

Листает листья листопад,
Метет метлой метель,
И бьет в грудь за оградой град,
Закапала капель.

Ветвится ветвь, и вьется вьюн,
Во тьме темным-темно.
Врет, верен вракам, верткий врун,
Чудит чудак чудно.

Плешивый шут не лыком шит,
А плут плетет плетень.
Льстец льстивый всем польстить спешит,
На пень пеняет пень.

Облайкан лайками Лукьян,
И тормоз тормозит.
Балует баловень Билан,
А Бузова бузит.

В напряг в упряжку запряжен,
Везет везучий воз
И ужимается ужом,
Чтоб не скосить в откос.

Для зятя теща, вереша,
Ташит чугун борша.
Пришурясь, тот давай вешать,
Мол, счастье в овощах.

В толкучке затолкали толк,
Трусит трусливо трус.
На псов на Гончих воет волк,
Гнусавит гнусно гнус.

Как хлыш последний, наследив,
Уходит в лет летун.
Разболтан, вздорен и спесив,
Болтает вздор болтун.

Дурит, дурачась, дуралей,
Дурманит дурью Дрём.
Не носит бармы Бармалей,
На стрёме стрёмный стрём.

Зубастый зубр имеет зуб
На техники прогресс.
Шуршит листвой шершавый дуб,
Стряхнуть стараясь стресс.

Сорю сор сырный для сорок,
Сырье – не для ворон.
Строкаю строки между строк
И к ямбу льну, как лен.

Лицом к лицу не спрячь лица,
Лучись, как луч во тьме.
Торчком торчит торс из торца –
Да это ж я в окне!

Единственная твоя

Там, в далеком детстве озорном –
Годы лиха были на исходе –
Я не раз подумывал о том,
Как мужчина женщину находит.

Как же это трудно на земле
Средь громады дерзостных событий
Угадать, где и в каком селе
Та, чье сердце лишь тебе открыто.

Ведь коль так, то ошибиться вдруг
В этом важном деле так нелепо.
Где же он, единственный твой друг,
Тот, чья песнь любви еще не спета?

Как тебе узнать, в каком краю
Ждет, как ты, любовь свою с надеждой,
Чтоб создать желанную семью,
Девушка с душой твоей мятежной.

Отыщи ее, люби и пой
Для нее, и мир твой будет светел.
Ведь она одна, и нет другой,
Для которой ты один на свете.

Кладезь

Наивных детских лет сплетенье
Игры, задора и мечты,
Беспечной юности влечения
И первой взрослости черты,

Они – твой мир, живущий явью
Поступков дерзких и земных,
Страданий и игрой без правил
И страстных помыслов твоих.

Они твои питают жилы,
Без них ты – раб чужих страстей,
Они тебя ведут по жизни,
И не найти друзей верней.

Они с тобой, и в час смятенный,
И в штиль согласия свет даря.
Они – твой пульс любви священной
К великим таинствам добра.

Ты с ними день творишь рассветный,
Мечты восторженной поэт –
О кладезь тех сокровищ детства
И устремленных юных лет!

Земля и Небо

Земля и Небо как-то раз
Сошлись у горизонта
И выясняли битый час,
Что значит жить под солнцем.

Земля сказала: «Жизнь крута,
И жить одна морока.
Диктует каждый свой устав,
И нет ни в ком пророка.

Простак свою являет прыть –
Ложится пыль порошей.
А шельма рвется землю рыть,
Чтоб ухватить побольше».

И небо молвило в ответ:
«Жизнь – это крылья птицы:
Тот на земле оставит след,
Кто в небеса стремится».

Ходики

В селе родном на стенке ходики,
Они не тикают – стоят.
Застыли грустно стрелки-гвоздики
И циферки, что кругом в ряд.

Стоят усталые, как странники,
Труд ходока поди измерь.
Совсем не ходят – стали стареньки.
Да и куда идти теперь?

Они без отдыха всё тикали
На страже тех еще времен.
Напастями судьбы затырканы,
Не пережили дней излом.

Слегла старушка – их хозяйюшка,
Они вдвоем по жизни шли.
А третий, ненаглядный Ванюшка,
Убит войной, слег в стынь земли.

Замаялись они, сердешные,
Не отстают и не спешат,
И смотрит в пустоту отверженно
Часов ушедших циферблат.

Но помнят ходики, как бабушка,
Собой красива и видна,
Впредь чтоб не отставали, лапушка,
Им брови-стрелки подвела.

Не растворишься

Не растворишься в пучине жизни,
Не растворишься,
Не расколишься пустым орехом,
Не расколишься.

Не потакай дурной напасти,
Не потакай,
Несущих робкий свет надежды
Не понукай.

Поберегись чужих соблазнов,
Поберегись,
Из-за обидной неудачи
Не затаись.

Бездумных глупостей в запале
Не натвори,
Свои закаты и рассветы
Не раздари.

Не доверяй корыстной страсти,
Не доверяй,
И покоренную вершину
Не покоряй.

Не разменяй души порывы
На суету,
Не продавай на рынке черном
Свою мечту.

ПРОВОДЫ ОСЕНИ...

Рассказы

Михаил СМЕРНОВ

Люди-птицы

Алёшка, сидевший на крылечке, потер красные воспаленные глаза и поежился, поправляя старую куртку. Казалось, солнце пригревает, а потянет ветерок – сразу знобит. Что ни говори – осень на дворе. Он вздохнул. Вот уж который день не спит. Вроде закрывает глаза, а сон не идет. Все бабу Шуру вспоминает. Привязался к ней. Когда родители померли, баба Шура забрала его к себе. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел во двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, будто он с нечистой силой водится, а чаще дурачком называли, но баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть у него мозги набекрень и со своей чужинкой, но все люди такие же, как дед, ничем не лучше, а может, и похуже, но скрывают это. И обещала, когда Алёшка вырастет, рассказать про него. Алёшка остался жить с баб Шурой. В школе слабенько учился. Бог ума не дал, как соседи говорили. Учителя махнули рукой: что толку тратить на него время, если ветер в голове гуляет. В одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. Сидит на уроках и ворон в небе считает. А бывало по осени, когда птицы собирались в стаи, Алёшка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись и дураком обзывали, мальчишки нередко лупили его, а он ни на кого не обижался: смотрел на всех и улыбался – широко и радостно. Учителя головой качали, мол, бабка Шурка, намучаешься с внуком-то. А когда тебя не будет, совсем пропадет паренек. И советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он, а то и похуже. Убогие – одним словом. А баба Шура хмурилась и начинала грозить всеми земными и небесными карами, за то что живого человека хотят на погибель отправить, и говорила, что костями ляжет, но не отдаст родного внука. Пусть мозги набекрень, как у деда Василия, но он же человек – это главное! Как же можно взять и своими руками родную

Михаил СМЕРНОВ. Родился в г. Салавате в 1958 г. Образование среднетехническое. Публиковался в многочисленных периодических изданиях, многократный лауреат международных конкурсов, автор нескольких прозаических сборников.

кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура повезла внука в райцентр, врачам показала. Может, таблетки или микстуру выпишут, чтобы умишка прибавилось. Всего лишь капельку, а больше и не нужно. Жалко внучка, к жизни не приспособлен. Врачи руками развели. Если своего ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, а потом смеялась, что богатым будет внук-то, и справки показывала, а что там понаписали врачи – черт ногу сломает. Махнет рукой баба Шура и мелко засмеется, прикрывая беззубый рот уголком косынки. А потом пристроила Алёшку в мастерские. Пусть лучше полы подметает да всякие железяки таскает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Какая-никакая, а помощь. Там Алёшке понравилось. Особенно, когда разрешали в кабине посидеть. Вот уж радовался! И Алёшка стал в мастерской пропадать с утра до вечера. Особенно, когда посевная или уборочная, когда каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернется домой, усядется за стол, а сам носом клюет. Не успеет улечься – уже засопел. И почти всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет ему, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама улыбается и вся светлая-светлая. Родители не снились. Ни разу. Потому что не помнил их. Так, какие-то образы мелькали, и все. И деда Василия не видел, только на фотографии. А баба Шура всегда во сне приходила. Наверное, успевал соскучиться за день. А она жалела его, все расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если ни к чему не приспособлен. Все дожидалась, что старшая дочка приедет. Надеялась, что Алёшку к себе заберет. И не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Пусть солнце не такое яркое и теплое, а все же согревает, но ветер прохладный. В теньке сидишь, как задует, сразу начинает знобить. Осень, ничего не поделаешь...

Алёшка вздохнул и, приложив ладонь к глазам, всмотрелся в даль. Там желтел густой лес, а опушка покрылась пятнами: где-то зеленые мелькают, в других местах пожухлая трава, а там чернью отдает. Издалека донесся птичий гомон. Алёшка задрал голову, взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями, а сам зашвистел, будто с птицами разговаривал – и так тоскливо, так больно, словно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над головой, загомонили, точно за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом за ними потянулась огромная стая. Вон полнеба закрыли. Гомонят и гомонят... В осенние дни Алёшка места себе не находил. Закружат птицы над головой – будто душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось на душе, как-то неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, хотелось разбежаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь над деревней и помчаться вслед за птицами...

– Алёшка, ну-ка, прекрати! – крикнула баба Шура тогда и нахмурилась, когда впервые заметила, что он, раскинув руки, мечется на краю высокого обрыва, а над головой кружится стая птиц. «Отойди от края. Упадешь – костей не соберешь. Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был – мозги набекрень. Узнала про это, да поздно. Замуж выдали,

только потом сказали, будто у моего Васьки с головой не в порядке. Вся деревня потешалась, когда он в птицу превращался... – и опять закричала, намахиваясь тряпкой: – Ну-ка, хватит кружиться, живо по заднице надаю. Кыш, кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так еще и внука за собой ташите. Летите отсюда, летите! – повернулась к Алёшке: – Твой дед Василий начинал чудить, когда осень наступала и птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается, места не может найти. Встанет посередь улицы, задерет башку и смотрит в небо, где птицы кружат, а сам квохчет, вскрикивает, словно с ними разговаривает. И птицы ниже опускались, тоже криком исходили. Столько было, что белый свет застилали. А твой дед Василий раскинет руки в стороны и начинает кружиться, хлопает себя по бокам, хлопает, словно крыльями, а потом взмахнет руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы поднимались, еще делали кружочек над двором и улетали. А дед усядется посередь дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи, пока последние птицы не улетят... А потом дед Василий пропал. Вышел во двор... Все на крылечке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула – он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и отовсюду птицы кричат, словно за собой зовут. И так у меня в груди зашемило! Вышла, гляжу, на крылечке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, может, к кому-нить подался. Все ждала, что вернется, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может, птицы забрали с собой, а может, рассудок потерял и теперь лежит в какой-нить больнице с решетками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он, и я не знаю...»

И баба Шура посмотрела на темное небо...

Алёшка поднялся. Потоптался на крылечке и с неохотой зашлепал в избу. Сегодня снесли на кладбище бабу Шуру. Она лежала, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, какая-нибудь из старушек, что сидели возле гробика, неслышно поднималась и меняла свечи, зажигая новые, и опять присаживалась на лавку, горестно покачивая головой. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Легонький, как сама бабка Шура. Алёшка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть и никуда не уходить. Соседки пришли, обмыли, переодели в смертную одежду, какую Алёшка выташил из старого сундука – это давным-давно бабка Шура показала и велела, ежели она преставится, отдать соседям – они разберутся, что к чему. Так и получилось...

Бабка Шура тихо, неприметно прожила свою жизнь. И ушла так же тихо. Правда, последние дни все твердила: «Как же Алёшка останется один? Он же не знает эту жизнь, не приспособлен к ней, потому что у него своя жизнь, более понятная для него, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать, чем быть с людьми, которые его прогоняли и смеялись над ним, убогоньким. Пропадет Алёшка, как когда-то исчез дед Василий. Вон уже птицы кружат над двором – его высматривают, как бы с собой не забрали». И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день, ближе к вечеру, все возле Алёшки ходила и печалилась, что один останется на белом свете, все норовила дотронуться до него, по плечу или голове погладить, а он отдергивался и хмурился. Не нравилось: словно маленького, гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура

долго сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, может, молилась, а потом перекрестила его, спящего, и задернула занавеску.

Алёшка проснулся утром, в доме тишина, лишь ходики отсчитывали секунды, и запоздалая муха сонно колотилась в окне, а потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу, постоял на крыльце. Не слышно бабки Шуры, зато птицы кружат над двором. Пикируют на него и опять взывают, на их месте другие появляются, криком исходят, словно что-то рассказывают. Алёшка встрепенулся, опять появился какой-то непонятный восторг. Хотелось взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, опять взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашел в горницу. Отдернул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит. Морщинистые руки на груди сложены, а лицо какое-то светлое и спокойное, а по щеке муха ползает, а она лежит и не прогоняет ее. Алёшка посидел возле кровати, несколько раз окликнул бабу Шуру, потом дотронулся до руки и отдернул. Холодная она – рука-то...

– Баб, вставай, баб, – забубнил Алёшка и снова дотронулся. – Почему лежишь, а? Дай хлеба...

Но баба Шура не шевелилась.

Алёшка завздохал, закрутил лохматой башкой, не зная, что делать, поддернул одеяло, прикрывая бабу Шуру, опасливо прикоснулся к руке и опять отдернул, потом поднялся и поплелся к соседке тетке Зине, которая частенько его подкармливала – то яблочко совала, то пряник.

– Это... Теть... – он сунулся в дверь и затоптался возле порога. – Это... Бабака не встает. Я кушать хочу.

И замолчал.

– Как не встает? Давно утро, а она... Да неужели померла? – заметалась она по избе. – Я ж вчера с ней говорила. Она все за тебя тревожилась да старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, сказала, что кашку потомит в печи, и ушла. Как же так, а?

И, прижав руки ко рту, качнула головой.

– Она лежит, – пожимая плечами, повторил Алёшка. – Я проснулся. Подошел, а она лежит. Холодная. Одеялку поправил. Бабака замерзла.

Сказал и зябко передернул плечами.

– Ой, божечки, беда пришла, – запричитала тетка Зина, засуетилась, повернулась к мужу, который сидел за столом: – Петь, а Петь, накорми паренька. Чать, маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щей. Вкусные – страсть! – подтолкнула она Алёшку к столу, а сама подалась к дверям. – Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Проследи за ними. Я в правление сбегая, начальству сообщу, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алёшка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу-то, не путайся под ногами – не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся, а тебя покличем, когда понадобится.

Сказала и умчалась, хлопнув дверью.

Алёшка изредка подходил к двери, стоял на веранде, прислушиваясь к тихим голосам, но войти не решался. Тетка Зина ругать станет, ежели заметит.

Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий. Сунул в карман складной метр. Постоял задумавшись. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алёшку, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, надвинув фуражку на глаза, заторопился со двора. Алёшка подался было следом, но его прогнали. Постоял возле двора, посмотрел, как дядька Кондратий захромал, подтягивая ногу с протезом, и взмахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, а потом уселся на лавку возле забора и стал ждать, когда его позовут. Старухи ходили туда-сюда, а он продолжал сидеть. Услышав гомон птичьей стаи, Алёшка с тоской посматривал на птиц, которые проносились над головой, потом поднимался и, размахивая руками, начинал кружить, криками подзывая их и рассказывая, что произошло. А они металась над головой, за собой звали. И Алёшке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя: как же бабу Шуру оставить одну-одинешеньку? Алёшка встрепенулся и опять посмотрел на птиц. Баба Шура говорила, что птицы – это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, прочь гнала, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что птицы – души людские...

– Врешь ты, бабка, – отмахнулся как-то Алёшка, когда она опять взялась ругать его, что кружился на краю высокого обрыва. Птички маленькие, а люди вон какие большие. Обманываешь...

Сказал – и тут же получил подзатыльник.

– Нельзя так говорить, ежели не знаешь, – баба Шура погрозила пальцем. – Ишь, умник-полоумник выискался! Мне еще отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Вот каким был человек в жизни, в такую птицу его душа перебирается. И не спорь со мной, Алёшка, потому что умишка в тебе кот наплакал! Вот, к примеру, взять плохого человека. Как думаешь, в какую птицу попадет его душа, а? – подбоченясь, спрашивала бабка Алёшку. – Правильно думаешь – в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеешься-то, злыдень?! – и она опять намахнулась. – У черного человека, душегуба какого, душа попадет в ворону-падальщицу и будет до скончания веков дохлятиной всякой питаться. Ага... А ежели светлый человек был или, не дай Бог, ребеночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит тому дорога к светлой птице.

– Ага... – недоверчиво протянул Алёшка. – А куда дядька Еремей попадет, который все стучит и стучит большим молотком, аж страшно становится, когда к нему заглянешь? Как он в птицу залезет? – он засмеялся, потом затих, задумавшись, и сказал: – А наша деревня тоже в птичек заберется? А куда всякие артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

Алёшка опять засмеялся, прыгая с пятого на десятое, задавая свои вопросы.

– Ишь, разговорился! То слова из него не вытянешь, а тут не остановишь. Куда... – бабка Шура задумалась, а потом кивнула: – Дык это же... У души дядьки Еремея одна дорога – к птице, которая дятлом зовется. Ну ты видел этих дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрет, опять-таки начнет своим делом заниматься, как при жизни. Деревня,

говоришь... Мы же привыкли работать, каждый день земле-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переселимся в грачей. Ты видел грача? Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнем поклоны отбивать, как при жизни было. Что касается артистов... – бабка Шура поджала губы, нахмурила и без того морщинистый лоб, потом сказала: – Одни в соловьев переберутся, другие в дроздов, кто куда, а самые знаменитые и голосистые – в жаворонков. Ага... Ты, Алёшка, не гляди, что жаворонок – птичка-невеличка, зато ее вон как с небес слышать! Звенит голосочек-то! И людям радость несет, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя – тоже. Ага...

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

– Баб, а где твоя птичка? – Алёшка долго молчал, видать, старался понять, о чем говорила бабака, потом спросил: – Где она?

И задумчиво поглядел на сухонькую бабу Шуру.

– Моя-то? – усмехнулась баба Шура и поправила платок. – Я стану курочкой Рябой. Яички буду для тебя нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы возвратишься, с пяток можешь умять за один присест, а то и поболее, и глазом не моргнешь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придется в несущку превратиться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Вслед за ней рассмеялся Алёшка, представляя баб Шуру несущкой...

Сегодня остался от бабы Шуры лишь небольшой холмик, неуклюжий крест да веночек и маленькие букетики ярких осенних цветов. Видать, в школьном саду сорвали. Соседки пришли проводить в последний путь бабку. Поплакали возле могилки, когда ее опускали, а Алёшка стоял, смотрел на нее, потом задрал голову, чтобы взглянуть на стаи птиц, и ему захотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними. С кладбища все отправились в дом бабы Шуры. Тетка Зина с бабками щи сварили и лапшу, кто-то кутью приготовил, а баба Вера кашу принесла. Откуда-то пироги на столе появились. Все сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть ее. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алёшка сидел в уголке. Сгорбился. Глядел, как поминали, как едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться. Две соседки остались. Все убрали, помыли и тоже ушли.

– Алёшка, – дверь распахнулась и появилась тетка Зина. – Слышь, никуда не уходи. Дома сиди или во двор выйди. Я все дела переделаю, а потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тетка приедет. Телеграмму отбили. А не появится, тогда в интернате станешь жить. У себя не могу оставить. Извиняй!

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алёшка долго сидел и смотрел в шелку между ставнями, потом не выдержал, вышел на улицу, вздохнул, взглянул на солнце и прислушался. Яркий день, тишина... Лишь березки золотом горят, а трава уж пожухла, прижалась к земле – зиму дожидается. Откуда-то донесся запах дыма. Видать, старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая

округу. Тишина... Нет, издалека донеслись крики птиц, душа сжалась, тоска накатила, а вместе с ней – непонятный восторг, и, едва птицы показались в вышине, опять потянуло за ними, снова захотелось разбежаться, раскинуть руки и помчаться вслед за птицами...

Алёшка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, что баба Шура позвала. Взглянул – и тут же сник, закутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывет по огородам, все прозрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может, среди них и душа бабы Шуры. Вот одна пошла вниз и закружилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула и помчалась вслед за стаей...

Алёшка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живет, так и сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алёшка зашел в дом. Тишина... Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тик-так, тик-так – качается маятник старых часов, что висят в горнице. Казалось, они всегда здесь висели. Старые, облезшие, потемневшие, цифр почти не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тик-так, тик-так, тик... Алёшке нравилось смотреть на маятник. Усядется у стола, смотрит, прислушивается к звукам – и сам качается, как маятник. Так и сидит, пока баба Шура не прогонит. А сегодня бабу Шуру закопали, а часы все тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они еще будут тикать – никто не знает, и Алёшка – тоже...

Он стоит в дверях горницы, не проходит. В горнице почти темно. Лучики света едва пробиваются через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав и лекарств. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты, на стенах несколько фотографий в рамках, да кошка промелькнула и исчезла на кухне.

Алёшка вышел, потоптался на маленькой кухне и присел в уголок, где всегда сидел, прислонившись к обшарпанной стене. Опять мелькнула кошка. Муркнула и притихла. Видать, тоже чувствует, что одни остались.

Он долго сидел, дожидаясь, когда тетка Зина придет. Потом вышел на крыльцо, прислушался. Со стороны обрыва донесся птичий гомон. Тоска и необъяснимый восторг одновременно охватили душу Алёшки. И он не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит, выскочил на край обрыва и закружился, раскинув руки. Зашелкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним зовущее, густо-синее и бездонное. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал – громко, восторженно, замахал руками, словно крыльями, и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озерами, и отовсюду к нему присоединялись такие же люди-птицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься все выше и выше в темную синь небесную, охваченные ярким и теплым светом...

На деревню тихо опускалась ночь...

О время, погоди...

Поднявшись на крыльцо, я остановился, глубоко вздохнул и невольно присел на верхнюю ступеньку – шутка ли, отмахал почти дюжину километров под дождем по раскисшему проселку; сто раз, наверное, вспомнил гоголевское: «...дороги расплзались, как пойманные раки»... Пару раз, утомившись, я попытался передвигаться по травяной обочине, боясь зачерпнуть голенищами пудовых от налипшей грязи сапог коричневой жижи колеи. Но трава на обочине, залитая водой, была скользкая, словно лед, и совершенно непроходима.

Нелегко дался мне этот марш-бросок. И когда на пригорке показалась деревня, запела душа моя. А на крыльце – сморило. Я сидел на сырой досочке и осматривал скудный пейзаж осеннего сада. Редко краснели ранетки; рябины было много – к суровой зиме; между пышных кистей цвиркали синицы. Вдоль стены дома поленница; к сожалению, ольхи да осины много, бедноватый у нас в округе лес. Поверх высокой поленницы уложены куски рубероида, на фоне их аспидной черноты стекающие витые струйки кажутся хрустальными. Случайный лучик солнца коснулся одной – потекло с рубероида золото. Вечереет. Над туманными купами дальнего леса черные стаи птиц, скоро они будут жить в теплых краях... Пора и мне; сыро, зябко, холодно.

Я толкнул тяжелую дверь, глаз не сразу привык к тьме. Но запахи! Терпко – вязанки чеснока и лука, на противоположной стенке – сухое разнотравье: душица, малина, иван-чай пучками да вязанками, разве все упомнишь? Уже и предметы проявились, а я вдыхал и вдыхал; у родины много запахов, но главные – в доме...

На здоровенных гвоздях висит все та же пара фуфаяк (я прислонился к ним щекой), что-то вроде попоны, солдатская плаш-накидка с огромным капюшоном (как ты попала сюда, многострадальная?) Сапоги, фээзушные ботинки, у-у-у какие большие. Но я знаю их – до чего же удобные! Толстые носки-то всегда на ноге – попадешь в обувку эту не глядя и – на двор...

Я вышел наружу, вымыл свои резиновые, поставил их в модельный ряд. Споткнулся о лестницу – там, под крышей, наверное, есть сундук со старыми вещами. А скорее всего, он давно пуст – я же сам когда-то его распотрошил...

Я шагнул в избу, сбросил рюкзак и верхнее прямо на пол.

Баба Груня сидела на высокой лавке около печки и помешивала деревянной ложкой в чугунке.

– Здрасьте, баб Грунь! Наконец-то добрел... Опять печку ободрали? Завтра подмажу...

– Да я как заносу дрова, так и цепляюсь. Говорила Кольке-печнику, чтобы чуток поменьше сделал, ан нет, не послушал. Наворотил. Дров не напасешься. А ты скидывай одежду, скидывай. Проходи, Санько. Как же ты добрался в такую непогоду? – словно не удивившись моему приезду, спросила баба Груня. – Хе-х, снова приехал осень провожать? Что в ней нашел-то? Грязища на улице, и дожди хлещут да хлещут. А говоришь, красивше осени ничего нет. Хе-х, – она мелко, мелко засмеялась и прикрыла рот ладошкой.

– Да, баб Грунь, к осени приехал. К ней, родимой.

Поздоровались, разговорились.

Всю жизнь меня удивляла эта особенность деревенских встреч – приедешь спустя хоть пять лет после последнего посещения, а беседа о человеке или событии словно и не прерывалась.

И однажды я почувствовал неизъяснимую прелесть этой странности: время мое и чувства словно восстанавливались, меня не утомляли не раз слышанные истории, да и сам со странным удовольствием я повторял уже не раз сказанное. В городской жизни подобное невозможно...

На бабе Груне старенькая линиялая кофтенка, застиранная длинная юбка, на поясище завязана шаль. На ногах топыши, так она называла обретенные валенки. На голове платок, из-под него выбились прядки седых волос. Она посмотрела на меня блекло-голубоватыми глазами. Выдвинула из печи небольшой чугунок. Обхватила его серым, с пятнами сажи полотенцем и поставила на стол. Достала каравай и начала отрезать от него толстые ломти:

– Как чуяла, что появишься. Точно! Глянула в окошко. Дождь хлещет, а ты вдоль забора идешь. Весь в Нюрку, в мамку, уродился. Она приезжала осень провожать, и ты взялся. Твою мамку многие с малых лет считали малахольной. Утром встанешь, чтобы коровку подоить, глянешь, а она мелькает в платишке возле воды – рассвет встречает! Мамка-то ее рано померла. Некому было за Нюркой приглядывать. Так и росла дичком. Думали, пройдет, когда замуж за залетного выскочила. Ан нет, просчитались! Каждую осень приезжала. У меня останавливалась. Вещички оставит и на речку мчится. А я на крылечко выйду и поглядываю. Она, бывало, сядет на берегу, уставится на воду или на лес и не шевельнется. Тепло ли, слякотно ли, снег сыплет, а ей все одно. Это она осень провожает! Вернется, а взгляд чистый-чистый, словно в церкви побывала. Господи, прости мою душу грешную! Переночует. Выйдет на двор. Прижмется к рябине, словно прощается. Обнимет меня и бежит на тракт, торопится в город поспеть... Хе-х, соседи на тебя посматривают! Чать, и ты будешь сынка сюда привозить, а, Санько?

– Да, баб Грунь, буду, – сказал я и засмеялся. – Мы же все малахольные...

– Тыфу ты, прости Господи! Слышь, а что твоя Танька такая худюшая? – взглянула баба Груня. – Плохо живете, да?

– А если хорошо живем, значит, Танюха должна быть толстой? – склонившись над рукомойником, я засмеялся. – Она похудела, когда Сережку родила. Второго огольца родит, тогда поправится.

– Танька на сносях? – взглянула баба Груня. – А по ней не скажешь. Доска доской. Ну, дай Бог, дай Бог! – она взглянула в передний угол и быстро перекрестилась.

Я вытер руки и лицо застиранным полотенцем. Повесил его на вбитый толстый гвоздь. Потянулся. Прижался спиной к печи:

– Хорошо-то как! Ух, натопила!

– Пришлось. Покуда поросяткам приготовила. Щец наварила и в печи потомила, как тебе нравится. Митяй, сын Вьюрихи, вчера свинку заколол. Кусише приволок. Ты, Санька, присаживайся. Хе-х, снова гостинцев понавез из городу? Да куда мне одной столько-то? Ну, ежели подружки зайдут... Угошу, побалую девчонок. Бери хлеб, бери. Свежий. Позавчера токмо испекла. Погодь-ка чуток, мы еще по рюмашке опрокинем.

Было заметно, как она обрадовалась моему приезду.

Я сидел на лавке и наблюдал, как баба Груня суетится возле стола. Она достала из старого буфета большие тарелки. Фартуком протерла ложки и положила рядышком. Напластала розоватое сало с прослойками. Вынула из банки пару соленых огурцов с прилипшими семенами укропа и какими-то личинками. Не очистив, разрежала крупную луковицу. Вытащила литровую бутылку с мутноватой жидкостью и две граненые стопки. Села напротив меня. Налила самогон вровень с краями и подняла рюмку:

– Ну, Санько, за проезд, – медленно выпила, замерла на мгновение и резко выдохнула: – Хороша, зараза! Выпей, Санько, для сугрева. Выпей, чтобы не захворать.

Я осторожно взял стопку. Поднял. Не решаясь, посмотрел на белесую жидкость.

– Что застыл, аки столб, Санько? – шепеляво спросила баба Груня, норовя откусить беззубыми деснами кусочек сала. – Не бойся. Пей. Чистая! Не то что ваша химия. На пшенице ставила. Ох, хороша! Я теперь три стопочки – и хватит. Организм не позволяет. Старая стала.

– Баб Грунь, сколько тебе лет, если три стопки выпиваешь? – спросил я и засмеялся. – Сижу, не знаю, как одну-то осилить, а ты...

– Хе-х! – дробно раскатился смешок, и она шлепнула по бутылке. – Раньше, бывало, соберемся с подружками, так этой посуды маловато было. Выпьем, сметем со стола, что приготовили. Песен напоемся. Душеньку отведем в разговорах, и вставали трезвые, будто не пригубляли. Годков-то скока? Почитай, восьмой десяток доживаю. Многих уже нет на свете, а я еще небо копчу. Видать, рановато. Срок мой не подошел, Санько. Пей, не томи душу – ши стынут.

Задержав дыхание, я опрокинул стаканчик и сразу закашлялся, внутри полыхнуло от крепкого самогона.

Баба Груня протянула кругляш огурца:

– Накось, закуси. Что, слезы потекли? Крепка, зараза? Но хороша, хороша! Всю хворобу из тела выгонит. Погрызи огурчик. Скусный!

Вытирая выступившие слезы, я захрустел огурцом. Отмахнулся от второй стопки. Принялся за ши. В большой тарелке кусок разварившегося мяса с торчащей костью, крупная фасоль, картошка, капуста. Сверху, под золотистой пленочкой жира, кругляши морковки и венчик укропа. Вперемешку откусывал сало, хрустящие огурцы, подсоленный репчатый лук, перемалывал крепкими зубами, заедал вкусными шами...

Я облизнул ложку. Положил ее в пустую тарелку. Откинулся к стене и взглянул на бабу Груню.

– Ух, вкусянцкие ши! – пробормотал я, вздохнул и посмотрел на чугунок. – Умять бы еще тарелочку, да не уместится.

– Хе-х! А мой старик, бывало, вернется, стакан опрокинет, донышком вверх перевернет – это была его норма. Ни разу за всю жизньюшку не видела, чтобы еще выпивал. Ложку возьмет – и давай наворачивать! Не успевала подливать да подкладывать. Пот в три ручья течет, а он еще самовар вздует, напьется чаю. Сядет возле печи. Засмолит козью ножку. Так и не приучился к папироскам. А потом выйдет на улицу и начинает то дрова пилить, то навоз убирать. Ох, жаден был до работы! Царствие ему небесное! – баба Груня

мелко перекрестилась и посмотрела на темную икону. – Вижу, Санько, спать потянуло? погоди чуток. Чайку еще попьем с баранками и уляжешься.

– Нет, баб Грунь, хватит, – я направился в горницу. – Утром встану пораньше. Хочу на речку сходить да в ельничке прогуляться.

– Не знаю, не знаю, – сказала баба Груня, держась за поясицу. – Косточки ломит. Чую, к утру мороз ударит.

Оставшись в трико и футболке, я улегся на старый диван. В полутьме были заметны висевшие в рамках старые фотографии. Отсвечивало зеркало, засиженное мухами. Возле голландки, за занавеской, виднелась баб Грунина кровать – старая, с облезлыми шариками на спинках. Я в детстве старался их открутить. На половицах лежали самотканые цветные дорожки. В красном углу мерцал огонек лампадки перед образами, напротив двери стоял большой комод с разнокалиберными флакончиками, пузырьками из-под лекарств и прочей мелочью. Возле окна над столом висели старые ходики. Так было всегда в горнице, сколько себя помню. Сквозь полудрему я слушал шелест дождя за окном, как баба Груня что-то тихо говорила и звякала посудой, убирая ее в шкафчик. Потом она прикрыла меня ватным одеялом, и я заснул.

Очнувшись от странной тишины за окном. Казалось, баба Груня продолжала позвякивать чугунами. Она шаркала топтышами да бормотала по старушечьей привычке. И в то же время что-то изменилось, чего-то не хватало в привычных звуках. Я прислушался. Скрипнул пружинами старого дивана, поднялся и, потянувшись за свитером, взглянул на окно. Тут-то до меня и дошло: не слышно звуков дождя, лившего несколько дней подряд. Я раздвинул занавески. Всмотрелся в предутренние сумерки.

– Чего соскочил в такую рань? – донесся голос бабы Груни, и она заглянула в темную горницу. – Говорила, что разведрит, так и случилось. В сараюшку пошла Зорьке сена надергать, дык еле спустилась с крыльца. Шла по двору, аж хрустело под ногами. Морозцем прихватило землю да лужи. Куда ни глянь – все покрылось ледяной коркой. А ты собрался осень провожать. Хе-х! – она дробно засмеялась и махнула рукой, – сиди дома, Санька, грейся. Нечего по морозу шляться.

– Нет, баб Грунь, схожу, – сказал я. – Пройдусь вдоль берега. Может, зацеплю шучку. Поджарим на обед. Потом проведу ельник и вернусь, – и снял с гвоздя старую фуфайку.

– погоди! Побежал не завтракавши, как и мамка твоя, – засуетилась баба Груня. – Горячего чайку попей с баранками. Душеньку согрей.

Я налил чаю и стал отхлебывать. Потом поставил кружку на стол. Надел сапоги. Взял рюкзачок, в котором лежала коробка с блеснами.

– Долго не шлендай. Обед простынет. Ну, беги, провожай свою осень, провожай. Эть, краса... Хе-х!

Похрустывала под ногами пожухлая трава. Репейник, будылья крапивы, заросли чилиги стояли припорошенные колким инеем. Проваливались ноги, ломая ледяную корку. Чавкала грязь, и почти сразу же ее прихватывало крепким морозом.

Я спустился с небольшого обрыва на прибрежную полосу речушки, которой и название-то давно забыли. Любог житель или прохожий называли ее как вздумается – в зависимости от настроения. Одним словом, безымянная. Остановился возле кромки. Сквозь прозрачные закраины видны полегшие

водоросли. Испугавшись меня, сверкнула серебром рыба мелочь и исчезла в глубине. Во льду застыл желтый березовый лист. А там, на открытой воде, разошлись небольшие круги. Нет, это не шука. Так... верховка балует. Резвится. Куда же вы несетесь, мелочь? Не думаете, что под любой корягой или валуном вас ожидают щука или судак. Эх, молодь, сеголетки...

Присел на холодный валун. Странное, слегка тревожное, но восторженное чувство охватывало меня, когда я оказывался возле реки. Хотелось вдыхать и выдыхать тонкие ароматы воды, жухлых трав, опавших листьев. В такие моменты я чувствовал горечь неизбежного расставания со всей прелестью осенней природы.

Казалось, я недолго тут, возле речки, а вокруг уже нет той утренней морозной красоты. Сиротливо торчали нагие кусты репейника. Под ногами реже похрустывало. Опять зачавкала грязь. С трудом перебрался на взгорок, где начинался ельник. Раздвигая ветви, направился в сторону деревни. Посматривал на яркий зеленый наряд, на желтовато-коричневый слой опавшей хвои с вкраплениями старых шишек и белую морозную бахрому – она сохранилась под нижними лапами ельника. Слушая цвирканье синичек, вышел на маленькую поляну, окруженную высокими елями. И здесь мне показалось, будто под лапой, в теньке, что-то мелькнуло. Остановился. Приподнял колючую ветвь и удивленно присвистнул. Передо мной, с прилипшими к шляпкам иголками, приютилась небольшая семейка рыжиков. Откуда же вы, родимые? Ваше время давно закончилось! Долго я смотрел на них. Любовался... По краешкам шляпок уже была черноватая полоска от первого заморозка. Опасаясь дотронуться до льдистых шляпок, я достал нож и срезал рыжики. Снял шапку. Уложил туда грибы. Опрометью бросился к дому, чтобы показать бабе Груне.

– Баб Грунь, баб Грунь, – крикнул я, ввалившись в избу, – иди сюда быстрее! Глянь, краса-то какая!

Подслеповато шурясь, баба Груня вышла из горницы.

– Эть, малахольный, – проворчала и нахмурилась она. – Шлендаешь по морозу. Что в дом приташил? Точно, в мамку уродился, в мамку!

– Глянь, баб...

Она подошла, шаркая, заглянула в шапку, откуда торчали рыжие головенки грибов с льдистыми коронками, и недоверчиво посмотрела на меня.

– Не может быть, Санько! – и снова склонилась над шапкой. – Откель такое чудо взял? Хе-х! Зима на носу, а ты грибы разыскал. Эть невидаль-то! Осень долгой была, поэтому они появились. Времечко свое спутали.

Прошло несколько минут. Льдинки превратились в чистые прозрачные капельки осеннего дождя и ртутью перекатывались по шляпкам запоздалых грибов.

– Раздевайся, Санька, – сказала баба Груня. – Заждалась тебя. Чугунок да сковородку не вынимала из печи. А с ними что делать? Поджарим? – и положила рыжики на стол.

Я посмотрел на грибы. Пахнуло горьковатым запахом свежих рыжиков. Словно время вернуло нас в прошедшее лето, приготовив гостинец перед долгой и суровой зимой. И не удержался, ткнул пальцем:

– Последний подарок... Баб Грунь, вот краса-то какая!

Я видел дни – и не заметил день

Андрей ПАВЛЮК

* * *

Стою на обрыве. И некуда больше идти.
Вокруг красота – небо, море и облачный вечер.
Хотел ли себе я такого финала пути?
Наверно. Но чувствую, как опускаются плечи.

Мне хочется крикнуть: «Я с честью прошел этот путь!»
Мне хочется верить: я – часть этой силы простора...
Но что-то в груди так устало, что хочет уснуть,
И что-то в душе уже шепчет: «Ну, что там? Ну, скоро?»

Вот первые звезды. Вот в ночь превращается свет.
И все так прекрасно, все так величаво-спокойно,
Что морю уже все равно, я живой или нет,
И небу неважно, окончен ли путь мой достойно.

* * *

Старые обои. За окошком дождь.
Виноваты двое. Счастье – не вернешь.

Зонтик не починен. Рвет подошву гвоздь.
Не важны причины. Важно – двое врозь.

Их уже не двое. Счастье – не вернешь.
Старые обои. Тишина. И дождь.

Андрей ПАВЛЮК. Родился в 1974 г. в Ташкенте. Окончил факультет зарубежной филологии ТашГУ. Преподаватель русского языка и литературы. Печатался в газете ТашГУ, «Литературной газете», журналах «Звезда Востока», «Книголюб». Автор книги стихов «Поднебесье», участник Открытого ташкентского фестиваля поэзии.

Баллада

Сидели четверо вокруг костра,
И четверо пили ром.
Один был с книгой, другой – с мечом
И двое – с раскрытым ртом.

И спор был жарок: тряслись уста,
Речь громыхала, как гром,
Но крепок ром, и враги, устав,
Забылись тяжелым сном.

И тот, что с книгой, твердил: «Всегда
Растите в себе любовь!
Она – надежда, она – звезда,
Она зажигает кровь».

А двое, сразу закрыв свой рот,
Поднялись, шепча средь тьмы:
«И тот – урод, и другой – урод.
А умные – это мы.

Но спорил тот, кто с мечом: «Ну да!
Убейте в себе любовь!
Она – для ваших врагов звезда,
Она вашу гасит кровь!»

Любовь – до фени! Нам деньги – свет.
Мы книгу и меч хотим!
Вы спорьте хоть до скончания лет –
Мы утром их продадим,

Чтоб снова ночью перед костром
Пить вкусный и крепкий ром
С тем, кто и с книгой, и с мечом
Останется дураком!»

* * *

* * *

Темнота. И ничего – кроме.
А раньше был мир огромен,
Радуга жизни дарила цвета,
А теперь – темнота.

Утро. Холод. На фоне простора
Ломкость веточек ранней весны,
Синь небес сквозь решетку забора,
Тополей еще зимние сны.

Почему? Сам виноват, знаю:
Думал, иду к раю,
Только пришел в адскую тьму.
Так вот. И все ж – почему?

Время, зябко ежась, застыло
И тихонько звенит в вышине...
Спит земля. Спит могучая сила,
Заклученная в новой весне.

Ладно... Смерть? – Нет! Как прежде
Есть в душе песнь надежде,
И пусть во тьме, пусть едва дыша,
Выйдет на свет, душа!

Мерзнут птицы. И нет еще почек,
Но средь инеем сжатой травы
Хрупкий, маленький желтый цветочек
Хочет вырасти до синевы.

* * *

Disappointment

Наверное, это правда,
Что в небе сокрыто небо
И смерти не будет... правда?
И в быль превратится небыль.

Наверное, это враки,
Что атом души – бездушен,
И разума нет во мраке,
И свет его там потушен.

Плывите в янтарные дали
Скоплением радужных точек,
Исполнены светлой печали,
Свободные от оболочек,

Принявшие веру и вечность,
Познавшие истинный смысл...
Иначе зачем – человечность?
Зачем свет бессмертия – мысль?

Довольно. Хватит. Я уже устал
В стекляшке видеть колдовской кристалл.
Сдаюсь непобедимому врагу –
С реальностью бороться не могу.

Я видел дни – и не заметил день.
Стою теперь, дивлюсь: откуда тень?
Погас взлетевший в небо столб огня.
Все, хватит – дисаппойнтмент у меня.

Как это грустно, жизнь прожив в мечтах,
Очнуться и познать реальный страх
Пред тем, что презиравлось свысока...
Ну что же вы молчите, облака?

* * *

Deadline

Вот вам и ветер.
Вот вам и моря.
Жизнь пролетает в серости и скуке.
В туманном свете
Фонаря горят
Мечты, дотла сгорая от разлуки
С реальным воплощением.
Окно.
Стол. Стул. Диван. И вечная усталость...
Решение?
Да нет его. Оно
В далекой юности осталось.

Ну вот и все. Тянусь к ключам
От смертоносных тайн.
Конец живым дням и ночам –
Deadline.

Был путь – алмазный коридор,
Был свет далеких тайн,
Был я, мгновений сладких вор, –
Deadline.

Теперь финал – дверь, мрак, ключи
И шепот мерзких тайн:
«Спел жизнь – навеки замолчи!»
Deadline.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ОТАХОНА

*Рассказ занял первое место
в конкурсе СП Уз – 2020 г.
«Какая это бездна – человек!»*

Умида АЛЛАБЕРДИЕВА

На самом деле Отахон не был бездомным. У него был дом, но там жили его младшая дочь с зятем и внуками. Они, конечно, его не выгоняли, но само его присутствие у всех обитателей дома, особенно у зятя, вызывало раздражение и брезгливость, как будто Отахон был неприятным насекомым. Родственники как-то легко забыли о том, что этот самый дом Отахон заработал нелегким трудом, здесь прожил жизнь вместе с женой, которую схоронил много лет назад. Теперь дочь и зять считали, что это их дом, а присутствие в нем Отахона ставило под удар их представления о благопристойной жизни.

Отахон не стал дожидаться открытого конфликта и, собрав пожитки, перебрался жить в дворовую пристройку. Но даже в этой жалкой комнатухе он ощущал неприязнь родни и в конце концов решил проводить как можно больше времени на улице, приходить только ночевать, чтобы не мозолить глаза зятю. Со временем он привык к этому и даже нашел себе дневное убежище на автобусной остановке.

С этих пор Отахон целыми днями сидел на остановке – это давало много преимуществ. Все-таки какая-никакая крыша над головой, зимой она защищала от дождя и снега, а летом – от палящего солнца. С собой он брал большую сумку на колесиках, там было все необходимое: кое-какие вещи, пенсионные деньги, бутылка воды, кусок лепешки в пакете, бутылочка дешевой настойки валерианы – единственно доступное для него лекарство.

Дни ползли медленно, и Отахон-ака развлекался тем, что наблюдал за людьми. Остановка была оживленным местом, здесь всякое случалось, бывало, что люди ссорились и даже дрались, но Отахон взял себе за правило ни во что не вмешиваться. Если уж милосердный Аллах так устроил мир, что в нем обязательно кого-то бьют, то кто такой Отахон, чтобы мешать его воле? Он вообще старался быть незаметным, устраивался в уголке, подсунув сумку под скамейку. Зимой укутывался потеплее, чтобы не продрогнуть, а летом повязывал голову белым лоскутом ткани и усмехался про себя, думая, что в этом белом платке он становится похожим на тех благообразных восточных старичков, которых любят показывать в кино. Только вот Бог не наградил его приятным лицом, оно темное и морщинистое, как слоновья кожа, ну да ничего страшного, он же не собирается светить лицом на большом экране. Отахон считал благом, что хотя бы способен пока сам о себе позаботиться.

Умида АЛЛАБЕРДИЕВА (Анита Элив). Родилась в 1977 г. в Бухаре. Окончила факультет международного права в УМЭД, специальность юрист-международник. Публиковалась в журнале «Экономическое обозрение», научном журнале «Qvant».

Через дорогу располагалось огромное здание новой престижной школы. По утрам здесь выстраивалась веренища дорогих машин – родители везли детей в школу. Отахон с доброжелательным интересом разглядывал упакованных в форму школьников и начинал светло мечтать о будущем своих внуков. Сидя в одиночестве на остановке, он мысленно выбрал и прожил вместе с ними множество жизненных путей, радовался еще не случившимся победам, предостерегал их от опасностей, мечтал о правнуках. В реальной жизни внуки не слишком интересовались дедом и вообще старались лишний раз к нему не подходить, чувствуя отношение родителей, но в этой вымышленной жизни Отахон щедро наделял своих любимых внуков благородством и широтой души.

Он так увлекся этими мечтами, что даже полюбил сидеть на остановке. Здесь ему и впрямь было спокойно, обычно люди его совсем не замечали. А если и замечали, всегда можно было сказать, что ждешь автобуса.

Отахон-ака не потерял веру в людей, и ему было приятно, когда люди подходили к нему, интересовались, почему он здесь, не нужно ли чего? Он ценил доброту и участие, но позорить семью рассказами о неблагодарных отпрысках не собирался. Конечно, он понимал, что зять просто мелочный и злобный тип, но считал, что это именно его, Отахона, вина, это он недоглядел и выдал дочь за такого мерзавца. А теперь уже ничего не попишешь: у них дети, им нужен отец, не лишать же детей отца из-за того, что он терпеть не может их деда! Вот Отахон и говорил всем интересующимся, что просто ждет автобуса. Как правило, после этого его оставляли в покое. И только раз эта отговорка не сработала: когда однажды в конце холодного весеннего дня на остановке появился седой, но крепкий на вид человек в потрепанной одежде и подсел к Отахону.

– Чего высиживаешь, отец?

– Автобус жду, – привычно ответил Отахон, ожидая, что незнакомец тут же потеряет к нему интерес, но тот вдруг усмехнулся:

– Как же, автобус! На таком-то ветру и уже три часа? – он покачал головой и решительно закончил: – Ты это бабушке своей расскажи!

Так он познакомился с Дядьсашей.

Это была странная, но очень приятная для обоих дружба. Дядьсаша любил поговорить, и после многих лет одинокой и молчаливой жизни Отахон впервые нашел человека, с которым было интересно беседовать, а еще интереснее – слушать. Диапазон знаний Дядьсаша казался необъятным: он мог легко, свободно и красиво рассуждать на самые разные темы. Манера речи, аргументация, умение с достоинством завершить тему – все это говорило о том, что он привык выступать перед аудиторией, и, слушая его, Отахон размышлял, какие изгибы судьбы привели такого человека на улицу? Но тут же про себя горько усмехался: а разве сам он планировал провести почетную старость на автобусной остановке? Он ведь тоже когда-то работал на интересной работе, имел высшее техническое образование, был уверен, что будет собирать за большим столом детей и внуков, а в старости греться у их очага, а теперь... э-эх! Старшая дочь и сын давно живут с семьями в другой стране, изредка присылают деньги, звонят, но приезжать не собираются. А младшая дочь – тут все еще печальнее, – она вроде рядом, но на самом деле между ней и отцом тысячи парсеков космического безвоздушного пространства. Отахон только вздыхал, думая о ней. Конечно, можно было бы стукнуть кулаком по столу и заявить свои права на дом, потребовать, чтобы с ним считались, но что это даст? Разве его будут любить за это? А открытой ненависти его сердце не выдержит, его и так тяжело ранят презрительные взгляды зятя. Уж лучше сидеть целыми днями на остановке, чем сталкиваться с такой злобой в собственном доме.

Дядьсаша тоже частенько просиживал дни на остановке, иной раз даже

оставался ночевать в подъезде ближайшего дома. По одному его виду Отахон научился определять, пьян Дядьсаша или нет. Пьяным он был весел и добр, а в трезвом состоянии становился ехидным, то и дело комментировал поступки проходящих мимо людей, иногда даже начинал задирать прохожих. Отахон не одобрял такого поведения Дядьсаши, но от критики воздерживался, понимая, что отравленная несправедливостью жизнь нуждается в противоядии, и у каждого оно свое.

Иногда Дядьсаша пропадал на несколько дней, и Отахон, как и прежде, коротал дни, разглядывая прохожих и наблюдая за суетливым муравейником школы через дорогу.

Неугомонные школьники носились, играли, ели, ссорились, мирились, и, глядя на них, Отахон улыбался, чувствуя, как его постаревшее тело заряжается, как от батарейки, бесконечной энергией этих молодых созданий. Для Отахона это был живой театр с однообразным ежедневным репертуаром, и он уже привык ко всем его действующим лицам: узнавал школьников, учителей, родителей, охрану. Только один человек выбивался из общего сценария – странный тип, шатающийся возле школы.

Этот тип не нравился Отахону. Уж очень напоминал его зятя, скользкого гаденыша с тусклым масляным взглядом. Тип постоянно вертелся возле детей, но, в отличие от родителей, никогда никого не забирал. Он ни с кем не разговаривал и никого не выделял, но бывало, что заскучавший Отахон замечал со своего наблюдательного пункта, как скользкий тип провожает липким взглядом какого-нибудь мальчишку, и его губы оттягиваются вниз, как будто рот наполнен жидкостью, и она вот-вот прольется потоком слюней на одежду скользкого.

Но ничего не происходило, постепенно глаза и рот скользкого типа возвращались в прежнее состояние, и он тихо исчезал из поля зрения. Но через несколько дней возвращался и снова слонялся возле ограды.

Отахон не вмешивался, но в душе недоумевал. Глаза скользкого типа ему совсем не нравились, но разве можно обвинить человека в том, что у него нехорошие глаза? Это же несерьезно. Мало ли у кого какие глаза. Вот у самого Отахона глаза не бог весть какие, а летом он и вовсе похож на мумию какого-нибудь забытого египетского фараона, но это же ничего не значит.

Дядьсаша был более категоричен.

– Педофил, – сразу заявил он, когда однажды Отахон поделился с ним своими наблюдениями. – Непроста он сюда зачастил, присматривает себе кого-то.

Отахон изумленно заморгал.

– Зачем?

Дядьсаша рассмеялся, жестко, со злобой:

– Да уж не в домино поиграть! Сейчас много всяких уродов развелось, ничего они не боятся.

– Не может быть, – усомнился Отахон. – Да и почему именно здесь? Это дорогая школа, вон охрана стоит на воротах, кто ему разрешит забрать ребенка?

– Вот ты, отец, старый, а такой глупый. – Дядьсаша с жалостью покачал головой. – Он разрешения спрашивать не собирается.

– Нехорошо, – пробормотал Отахон, чувствуя неприятное чувство в желудке, как будто съел что-то протухшее. – Нехорошо это, Дядьсаша.

Дядьсаша только фыркнул:

– А кто говорит, что хорошо? Плохо, конечно, только нас с тобой это вообще не касается. Вот охрана стоит, пусть у них голова болит. Или пусть их родители этим вопросом занимаются.

И он кивком показал на губастых белокожих мамаш, которые с важностью

выгружали своих детей из дорогих иномарок.

– Ты только посмотри на них! Они нас за людей не считают, а ты еще за детей переживаешь! Вот вырастут эти детки и тоже будут простых дураков вроде нас с тобой давить и обворовывать!

Дядьсаша долго еще ораторствовал, а Отахон ему не возражал. В конце концов, Дядьсаша прав: не их это дело. У школы есть охрана, здесь полно людей, да и дети все время на виду, никакой извращенец к ним и близко не подберется.

А через несколько дней Отахону и вовсе стало не до скользкого типа: у него началось обострение хронической болезни – сильно разболелась левая нога. Он старался незаметно массировать ее, сидя на остановке, но по опыту знал, что это не поможет: нужны лекарства, а денег купить их у Ота-хона не было. От долгого сидения нога затекала, и ему приходилось, преодолевая боль, вставать и ходить по остановке.

Пришедший с утра трезвым Дядьсаша мрачно взирал на перемещения Ота-хона.

– Какие лекарства нужны?

– Они дорогие, Дядьсаша, – грустно ответил Отахон, но Дядьсаша закричал:

– Да кто тебя про деньги спрашивает, деревянная ты голова! Какие нужны, спрашиваю?

Отахон перечислил те, что ему прописывали в прошлый раз, и Дядьсаша, надвинув на глаза старую кепку, исчез.

Отахон продолжал массировать мучительно нившую ногу.

– Только бы судороги не начались... – обреченно подумал он и закричал, стараясь сесть поудобнее и вытянуть больную ногу. Это был непростой процесс, но кое-как Отахон с этим справился и, уже устроившись на скамейке, вдруг зацепил взглядом знакомую фигуру.

Отахон не поленился и вынул из сумки очки. Так и есть – тот самый скользкий тип стоит у школьной ограды и мило болтает с каким-то мальчиком. Мальчишка совсем крошечный, наверно, первый или второй класс, вон ранец болтается за спиной. Поболтав, скользкий протянул ребенку руку, тот без колебаний взялся за нее своей ручонкой, и они вместе не спеша пошли в сторону домов.

Отахон бросил взгляд по сторонам. Где же охрана? У ворот охранника не видно, может, обедать ушел?

– Кто-то должен вмешаться, – сказал себе Отахон, в душе надеясь, что это не он. – За ребенком сейчас родители приедут, наверно.

Но обычно оживленная улица была совершенна пуста. А скользкий увлекал ребенка в сторону домов, скоро они скроются из виду. Делать было нечего: Отахон медленно поднялся и сразу ощутил пульсирующую боль в ноге.

– Хоть бы Аллах помог не упасть! – пропыхтел он, устанавливая ногу и готовясь на нее наступить. Скользкий тип с ребенком уже почти скрылись между домами, следовало торопиться.

Отахон потащился по улице, стараясь меньше задерживать шаг на больной ноге.

– А если там ничего не происходит и это просто отец или дядя забирает ребенка из школы?.. – думал он по дороге, стараясь отвлечься от острых игл боли. – Они просто домой идут, а тут я за ними, как хромой ишак, ташусь. Что я им скажу?

Тип с ребенком вдруг остановились, остановился и Отахон.

Ребенок заглядывал под кусты.

– Кис-кис, киса, ты где? – услышал Отахон его голосок.

– Наверно, котенок далеко забежал, давай вон там посмотрим, – тип

облепил ребенка таким взглядом, что у Отахона опять появилось ощущение тухлятины внутри.

Нет, никакой это не отец! Родители не смотрят на свое дитя таким отвратительным взглядом. Отахон решительно захромал за ними, но тут рядом возник Дядьсаша, так что от неожиданности Отахон-ака потерял равновесие и едва не шлепнулся на дорогу.

– Ты куда это собрался?

– Дядьсаша! – Отахон перевел дух и с облегчением оперся о руку Дядьсаша. – Этот, который возле школы был, ребенка увел за гаражи. Надо догнать их, Дядьсаша!

Дядьсаша соображал быстро. Он глянул на удаляющуюся пару, посмотрел по сторонам, а потом уставился на Отахона – с удивлением, почти с гневом.

– А ты зачем за ними ташишься?

– Дядьсаша, а если он ребенка... обидит или покалечит? – не совсем уверенно произнес Отахон.

– Тебе-то что? – взорвался Дядьсаша. – Тебе что, деньги за его охрану платят? Идем охраннику школы скажем, пусть он бежит.

– Охранника нет. Нету никого, Дядьсаша.

Отахон увидел, как в последний раз мелькнула между домами курточка ребенка, и сделал движение, собираясь последовать за ними. Дядьсаша в сердцах оттолкнул его руку.

– Ну и иди за ними, старый дурак! А я еще за лекарствами для этого идиота бегаю!

И Дядьсаша решительно пошел назад, к остановке. Отахон со вздохом посмотрел ему вслед, но все же потащился дальше. Вот он и лишился единственного друга. Видно, Аллах решил, что ему слишком спокойно живется на этой остановке, раз назначил ему в один день столько испытаний.

Ногу все еще кололо иголками, но Отахон все равно ускорил шаг. Вот и дома, а за ними пустырь с останками снесенных гаражей и мусора. Вот уже слышен голос этого скользкого, а вот и они стоят рядышком: ребенок с интересом осматривает пустырь в поисках кошки, а тип так и ест ребенка глазами и сжимает рукой капюшон его легкой курточки.

Последним усилием Отахон вытолкнул себя на пустырь и утвердился на месте, стараясь стоять только на одной ноге.

– Сынок! – громко позвал он. – За тобой мама приехала, ищет тебя у школы.

Двое сразу обернулись. Мальчик выглядел растерянным, будто очнулся от наваждения и вспомнил, что ему надо было ждать маму у школы. А тип уставился на Отахона.

Встретившись с ним взглядом, Отахон оцепенел. В этом взгляде было столько ярости, что старик совсем испугался. Он вдруг ясно понял, что этот человек сейчас в таком бешенстве от разочарования и злости, что способен на все. И рука его все никак не отрывается от куртки малыша. А тот еще даже не испугался, хотя уже обеспокоен происходящим.

Нога опять заныла, и Отахон с тоской подумал, что, если этот мужик вздумает удрать вместе с мальчиком, ему в жизни их не догнать. Но тип не собирался убегать, а только прожигал старика злым взглядом.

– Эй, пацан, ты еще здесь?

Отахон с облегчением узнал голос Дядьсаша: тот подошел и нарочито строго смотрел на смутившегося мальчика.

– Тебя там и мама, и охрана обыскались, а ты с чужим дядей гуляешь, – Дядьсаша поднял глаза на скользкого типа, хотя продолжал говорить с ребенком. –

Тебе мама не говорила, что с чужими дядями нельзя разговаривать?

– Говорила, – промямлил мальчик.

– Ну тогда быстро беги к школе, – строго распорядился Дядьсаша. – И в другой раз не вздумай удирать, а не то плохо тебе придется.

И он снова уставился на скользкого, и на этот раз тот не выдержал и отвел взгляд. Мальчик послушно кинулся бежать к школе, а тип, не говоря ни слова, тихо снялся с места и пошел как ни в чем не бывало в противоположном направлении. Наглость и спокойствие этого человека так поразили Ота-хона, что он просто застыл столбом, не зная, попытаться задержать его или дать уйти. Зато Дядьсаша сразу перешел к действиям: едва ребенок скрылся из виду, он молча нагнулся и, взяв камень, без предупреждения швырнул в сторону удаляющегося человека. Камень, конечно, пролетел мимо, но тип, обернувшись, что-то выкрикнул и теперь уже побежал со всех ног.

– В другой раз ноги тебе сломаю! – пообещал Дядьсаша, швыряя вслед второй камень. – Если еще раз здесь увижу!

Он вытер лоб другой рукой, в которой до сих пор был зажат пакет с лекарствами, и посмотрел на Отахона.

– Ты как, отец?

– Хорошо, – Отахон тоже вытер лоб и сел прямо на дорогу, здоровая нога уже не держала. – Спасибо, Дядьсаша!

– Только не помирай, этого еще не хватало! Ну-ну, чего расселся, вставай! – начал командовать Дядьсаша. – Пока ты тут геройствовал, твою сумку, наверно, с остановки сперли.

Но сумка была на месте, и Отахон-ака со вздохом облегчения повалился на свое привычное место.

– Делать тебе нечего, – Дядьсаша осуждающе покачал головой. – Да и я, старый дурак, за тобой потащился.

– Ты не дурак, Дядьсаша, – улыбнулся Отахон. – Ты хороший человек. Оно и видно, какие мы с тобой хорошие – на остановке кукуем. Дураки мы оба, а ты еще и хромой в придачу, – ворчал Дядьсаша, разворачивая пакет с лекарствами. – Пей свои таблетки, старый дуралей! Если б знал, купил бы таблетки не для ноги, а для твоей башки, она у тебя совсем бестолковая.

Отахон с легким сердцем слушал брюзжание Дядьсаши. Он видел, как за мальчиком, наконец, приехала машина, и холеная мамаша целовала и усаживала свое чадо на заднее сиденье.

Дядьсаша тоже заметил машину.

– Ну наконец-то! – он присел рядом с Отахоном. – Приехала бы она вовремя, не было бы у нас забот. Хотя, – Дядьсаша махнул рукой, – кто его знает, может, в следующий раз никого рядом и не окажется.

– Окажется, – заверил его Отахон, запивая таблетки водой. – Мы-то пока тут.

– Ну да, хромоногая гвардия всегда в строю, – засмеялся Дядьсаша.

Отахон тоже посмеялся, представив, как он, хромая, вышагивает у школьной ограды, присматривая за шустрими школьниками.

Все еще улыбаясь, они проводили взглядами отъезжающую машину. Отахон даже помахал малышу рукой, и мальчик без колебаний весело помахал в ответ.

А женщина, заметив, кому сын машет, скользнув брезгливым взглядом по двум потрепанным старикам на остановке, начала выговаривать ребенку:

– Сколько раз можно говорить: нельзя с чужими так себя вести! Чего ты всяким бомжам руками машешь, хочешь, чтобы они тебя с собой уташили?

Наталья БЕЛОЕДОВА

Шахрисабз

Мне никак не дает покоя
Этих гор неприступное море
Этих выцветших трав
Этих высохших рек
Этих жухлых полей
Человек
Не коснется
Только выльется дождь
Только выпышет снег
И опять все сначала начнется
Будет ветер сухим
Будет воздух немой
И палящим вечное солнце

* * *

художник собирающий мелочи
раздает их случайным знакомым
и урчание кота рыжего
и ворчание ржавого чайника
и свист сна
и стон старика
и звонкое пробуждение майны
то что не видно глазу
но между тем осязаемо
себе оставляя

отзвуки

**Мне никак не
дает покоя...**

Бабушке

не возвращаются –
смех переливчатый, тонкий, девичий.
зубы-жемчужины.
тугая коса цвета каштана.
отодвигаются временем –
не видно совсем.
и тело
все меньше и меньше.
в кровати, как в люлочке.
баю-бай.
взять бы на ручки,
не спугнуть сон.

* * *

Бабушка
Маленькая, миленькая.
Платочек в цветочек
Беленький,
Цветочки синенькие,
Меленькие.
– Это для нашего одуванчика! –
Говорит врач в белом, строгом.
Медлит немного,
Затем протягивает ладонь.
На ней две таблетки –
Кругленькие и тоже ужасно маленькие.

Наталья БЕЛОЕДОВА. Окончила факультет русской филологии ТГПУ им. Низами. Публиковалась в журнале «Звезда Востока», альманахе «Междуречье». Участник международных форумов и семинаров. Член Союза Писателей Москвы.

* * *

В позе голубя
 Постепенно становится голубем
 Все:
 Клюв
 И шея,
 Голова,
 Голова, тело,
 Лапы.
 Голове отводится больше места.
 Все от головы, говорят специалисты.
 Замерев в неподвижном сидении,
 Замерев в неподвижном глядении,
 Замечаю голубей разноперую стаю.
 Как скользят над водой,
 Как кружат и дружат.
 Замечаю, как люди, сидящие рядом,
 Распрямились и перышки причесали.
 Распрямились и, крыльями бултыхая,
 Над площадкой в воздухе покачнулись.
 Над площадкой в воздухе обернулись
 Совершенно новыми голубями.

* * *

Так прижимаешь пушистое тело
 И ему получается есть дело
 До твоих внезапных и нежных
 Непредвиденных
 Чувственных
 Тонких
 Он сворачивается калачиком
 Ребенком
 Мокрым носом утыкается в руку
 И кусает в знак одобрения

* * *

с утра рабочие ковыряются в розетке
 сидят на полу говорят по-узбекски
 говорят монотонно, тягуче, текуче
 какая-то поломка
 «сейчас все сделаем»
 смотрю в монитор, слушаю реку
 поток разговоров стремится в уши
 два дня назойливо думаю о смерти души
 (смерти души или смерти тела?)
 о какой смерти вы вообще говорите?
 шепет и лепет людей в работе
 когда закончите, пожалуйста, не уходите

* * *

В шкуре кота.
 Иногда полезно побыть
 В шкуре кота.
 Кричать истошно
 Томными вечерами,
 Охотиться за ногами,
 Гуляющими
 Туда-сюда.
 Под утро прижиматься телом,
 Наваливаться всем весом,
 Хрупким и маленьким весом,
 Греющим, теплым весом.
 Ждать «господ» пробуждения,
 Ждать «господ» возвращения.
 Мячик, мячик,
 Где же мой быстрый мячик?
 Каково это – так любить?
 Каково это – так охотиться?
 Так
 ждать?

* * *

Прилюдно я не умею.
 На кладбище – тоже.
 Там папа и мама.
 Сердце у них.
 И глаза.
 Смотрят они и не плачут.
 – Здравствуй, хорошая бабушка.
 Здравствуй, хорошая.

* * *

«Отличный у вас упаковщик, –
 говорит терапевт на приеме, –
 Отличный из вас упаковщик!»
 «Слез упаковщик» –
 Слыхали такое?
 Но плакать ему не даю.
 «Сложно, – говорю, –
 Сложно».
 «Позвольте себе горевать, –
 повторяет, –
 Позвольте!»

СЧАСТЛИВ ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБОЙ

Александр ТЮРИН

«...Если хочешь заглянуть в душу художника, посмотри на мир создаваемых им образов, на круг духовно-нравственных проблем, беспокоящий сознание творца. Художник по сути своей уже создание божественное, одаренное талантом свыше...»

Откуда берется талант, как его направить в нужное русло, до сих пор остается загадкой. Удача ли это, дар свыше, или судьба, порой не из самых легких. Откуда-то из глубины сознания всплывает:

*«Однажды, получив визу в АРТ – land,
пройдя визовый контроль, навсегда попадаешь в страну,
территория которой не обозначена ни на одной карте мира.
Начавшееся путешествие не имеет точки отсчета.
Одухотворенный ощущениями из прошлого,
устремляешься в бесконечное будущее...
В поисках прекрасного неожиданно обнаруживаешь его в себе...»*

Воспринимать ли талант как счастье, подаренное свыше, какие испытания ждут тебя?

Воспоминания уносят в далекое детство. Комната, один дома, сидишь на кожаном диване с высокой спинкой, смотришь на освещенный солнцем квадрат окна. Тишина. Скука. Подходишь к столу, из окна с любопытством наблюдаешь за тем, как разгружают бревна из железнодорожного вагона. Неожиданно, будто по наитию, на столе появляются лист бумаги, карандаш и непреодолимое желание запечатлеть все это, для того чтоб потом поделиться впечатлениями с самыми близкими для тебя людьми – родителями, а дворовым мальчишкам показать свое творение как убедительное доказательство правоты твоего яркого рассказа об увиденном.

Пролетит время, позади годы учебы в Республиканском художественном училище имени П. П. Бенькова в Ташкенте, в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина и Ташкентском театрально-художественном институте имени А. Н. Островского, учеба

Александр ТЮРИН. Родился в 1959 г. Художник-живописец, Заслуженный работник культуры РУз, председатель «Секции живописи» Союза художников Узбекистана. Доц. каф. монументальной живописи НИХД им. К. Бехзода. Награжден «Серебряной медалью», медалью «За вклад в развитие русской культуры в Узбекистане» и многочисленными дипломами.

в ассистентуре, в той самой «Репинке» в Ленинграде. За плечами нелегкий путь творческого становления. И вот... ты признанный художник, в твоём рейтинге более сотни выставок, в том числе зарубежных и персональных, твоё имя числится в международных арт-каталогах. Но тот самый первый рисунок в твоей жизни, с которого и начался этот непростой творческий путь, не даёт тебе покоя. Возвращаясь к мысли, с чего всё это началось, и, что такое творчество, попав во власть которого, ты так и не стал военным летчиком, о чём мечтал с детства задаёшься вопросом: «Что же за таинственная сила управляет тобой и твоей волей?» Ты чувствуешь себя пленником и даже рабом загадочного царства, покинуть которое у тебя самого нет желания.

Творчество – это некая вулканическая масса, находящаяся в недрах твоей души и стремящаяся выплеснуться на поверхность. Искусство же это очень тонкая материя, находящаяся в параллельном мире, которая материализуется в произведениях художников. Мы не в состоянии влиять на параллельные миры, оттого и искусство будет пребывать вечно в отведённом для него духовном мире. Осознаешь, что художник – это камертон, которым сверяются время и дороги странствий.

С годами начинаешь понимать, что для входа на территорию art-land нужен «код» и «пароль». Осознаешь, что «код» (талант) дается богом при рождении. А вот «пароль» приходится искать самостоятельно колоссальным трудом, совершенствуя своё мастерство и формируя внутреннюю философию, обогащая духовный мир.

Со временем начинаешь понимать, что не каждому творцу открываются врата искусства. Начинаешь задаваться вопросом. Как определить, суждено ли тебе войти в этот волшебный мир? Со временем приходит ответ. Вошедший в врата искусства отличается исключительной индивидуальностью, а иные так и продолжают цитировать великих, подражать им в своих произведениях и мыслях. Но, как известно, в искусстве повторить кого-то невозможно.

Художник не только зеркало своего времени, но и творец душ. Возможно и не осознавая, своими произведениями он формирует у современников определенный уровень сознания, воздействуя на духовные качества человека, устремляя души людей к очищению, справедливости, вселяя уверенность в собственных силах.

Живопись – одна из самых удивительных, загадочных и древнейших областей созидательной деятельности человечества. Справочники это понятие объясняют так: «Это вид изобразительного искусства, воспроизводящий предметы и явления реального мира с помощью красок». Всего лишь?! Значит, это продукт деяния красками? В профессиональной среде понятие «живопись» несет совершенно другие смысловые нагрузки. Часто слышишь от профессионала: «Да, вот это живопись! Замечательно!» И означает «живопись» – «живо писать», «писать живое», «писать, как живое».

Многие произведения классиков, особенно портретного жанра, написаны с таким проникновением в образ натуры, что при рассмотрении создается ощущение, что стоит только дотронуться до изображения рукой или подуть на него, и оно тут же оживет и заговорит. При этом сюжет может быть самым незамысловатым. Обыкновенный «портретик» девочки с вишенкой, но при рассмотрении этого произведения у тебя возникает ощущение, что объект движется, он – живой. Вот вам и воплощение понятия «писать, как живое».

В профессиональном понимании живопись не только вид изобразительного искусства, но и язык, на котором разговаривает живописец.

Он бывает разный – академический, классический, реалистический, натуралистический, абстрактный и т.д. *Изобразительное искусство на протяжении своего развития, меняло стили и направления, но оставалась его сущность. Искусство живописи может менять формы, именно формы, но язык остается один – язык искусства, на котором разговаривают художники независимо от национальности.*

Искусство – это дорога к высшей материи, высшему разуму, ведущая творца к совершенству, а созданные им произведения, в дальнейшем отобранные временем, могут быть удостоены чести занять места в музеях, благородных и дорогих площадках городской среды. Приходится задуматься над этим! Какая исключительно высокая честь! Сколько почета и уважения, баснословные цены картин на мировых аукционах! И это несмотря на то что само человечество потребительски материально целеустремлено, а потребление такого продукта (картин) сводится лишь к их созерцанию, то есть к визуальной форме потребления.

Да, словом можно все сказать,

Сказать, о чем века молчали.

Но словом живопись создать –

Здесь слову словно сил не дали.

Так что же таят в себе живописные произведения как продукт художественного творчества, получивший исключительно высокий статус – достояние человечества!? В чем же их ценность, чем она определяется? Понятно, что это продукт единичный, что называется штучный, эксклюзивный и второго такого уже не будет, даже в виде авторского повторения. Но не только в этом дело. Художники создают миллионы произведений, но не каждое становится достоянием человечества.

Как отмечено еще в священных писаниях: красота духовная выше телесной. И цель творческого поиска заключается в восхождении к первоисточнику красоты – духовному совершенству. Именно особая духовная сущность, вложенная художником в свое творение, и является наивысшей ценностью созданного произведения.

И опять всплывает в памяти этот первый рисунок в моей жизни и размышления об искусстве. Открыв записную книжку, быстро записываю:

«И наделил Господь их властью над миром, не физическим, а духовным. И одарил талантом исключительным, не каждого отмечая сею способностью. Сам выбирал из тысячи тысяч, желания не спрашивая. По каким признакам, только сам зная. О совершенстве мира мечтаючи. О благе человеческом. И распределял их в равной степени по земле, им созданной. И обозначил центры духовные. И наказал им учиться ремеслу сложному. Да, учиться старательно и вникаючи. Да не просто рисованию, а проникновению. Проникновению не в облик видимый, а в душу загадочную. Да подействовать на души грешные благодатью творений божественных! Да помочь Господним усилиям красотой обустроить создание! И еще наказал им строгае не транжирить талант божественный, не использовать в целях личностных, в достижении благ человеческих. Не искушаться простыми слабостями, не менять соблазн на творения. А что создано будет по милости – на века оставить в сознании. А кто Слова его ослушается, не найдя душе пристанища, так и будет вечно мучиться, оказавшись в стране Скиталища».

Но все это философия, проза, поэзия...

А завтра перед тобой будет опять чистый холст...

БУМАЖНИК

Кучкар НАРКАБИЛ

- Вы читали рассказ Чехова «Бумажник»?
- Читал, а что? – откликнулся с дивана Олим-абзи.
- На Востоке есть точно такая же притча.
- Хотите сказать, что Чехов позаимствовал ее?
- Олим-абзи поправил подушку и молча уставился в потолок.
- Нет. Не думаю.

– Молодец. Во многих рассказах Чехов рассказывает о том, что часто случается с людьми в жизни, о шепетильных ситуациях, и всегда это находит отклик в душе читателя. И никто этого не в силах объяснить. Ни критик, ни сам писатель. Сила Чехова именно в этом. И вы, читая его произведения, ощущаете это особое чувство и припоминаете, что с вами случилось то же самое, Чехов помогает вам понять самого себя. Сила его в этом, и дано это не каждому. Его рассказы – это нечто, – абзи, лежа на диване, раскидывает руки.

Абзи – человек, который старается основательно изучить мировую литературу. Не могу не признать этого.

– Вы читали его одноактную пьесу «Ночь перед судом»? – спрашиваю его ни с того, ни с сего.

– А что?

Не читал! Попался! Настало время проучить Олимбая, который вот уже неделю морочит мне голову, поучает, объясняет, как понимать Чехова. (Мне было хорошо известно, что названная пьеса не была включена в сборники, опубликованные ранее, что о ней не рассказывается в учебниках, она не входит в вузовскую программу, что ее упустили даже заядлые поклонники творчества писателя, она не переведена на узбекский язык).

Абзи поднялся, сел и пристально посмотрел на меня.

– Итак... Я хотел бы знать ваше мнение.

Абзи погрузился... Я ждал, что он скажет сейчас: «Э-ей, разве у него есть такое произведение?» Я, победоносно улыбнувшись, поднялся с кресла, открыл холодильник и взял минералку. Он продолжал пристально смотреть на меня.

– Хотите? Холодненькая...

Абзи достал из кармана сигарету и вышел на балкон. (Он много курит). Затянулся. Мне стало немного не по себе. Когда он вернулся в комнату и сел на диван, я добил его:

Кучкар НАРКАБИЛ. Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва конун». Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУЗ).

– Вообще-то Чехов вместо маленькой пьесы мог бы написать об этом рассказ. Действительно, это готовый рассказ, а не пьеса. Не понимаю, может, ему было лень писать рассказ, и он использовал в пьесе готовый сюжет.

Олим-абзи разразился громким хохотом и покачал головой.

– Подождите, дорогой. Подождите! – он опять развел руки. – Во первых, обратите внимание на сюжет этого произведения. Ему не нужны никакие переживания, тем более комментарии. Ненужные комментарии, как кусок в горле. Во вторых, писатель тонко чувствует, что действительность становится более динамичной, когда представлена в действии. Потому что это Чехов! Чехов – писатель, который мог грести в обеих лодках: и в прозе, и в драме. В третьих, пьеса не одноактная.

Я провалился с треском. Смотрю на Олима-абзи с удивлением. Одним глотком опустошаю бутылку с минеральной водой.

– Он сам же писал, что одноактная, – абзи улыбается, устраивается удобнее на диване.

– Ну и что? У меня к вам вопрос.

– Давайте.

– Где в этом произведении завязка?

– Эпизод, когда в комнату мошенника входит соседка, и этот негодяй представляется доктором.

– Правильно. А когда наступает развязка?

– На суде, который состоялся на следующий день.

– Все. Все ясно. Значит пьеса состоит из двух актов. Чехов оставил развязку на волю зрителя, описывая ситуацию на суде. А режиссер, который не понимает этого, ставит одноактную пьесу. Вот и все... Теперь спать. Завтра поговорим. Послезавтра пойдем на рынок. Купим Любе шубу.

Сметливый человек владеет миром. Я еще раз признаю разумность моего соседа по комнате. Нет, он не просто начитанный, он из тех, о ком говорят: «В тихом омуте черти водятся».

Мне долго не удастся заснуть. Абзи же уже вовсю храпит. Ну ты и хитрый, татарин! Наверное, его спектакли очень крутые. Даст Бог, поеду в Казань – обязательно посмотрю его спектакли...

...Проснулся рано.

– Олим-абзи, вставайте. Рассвело. Все уже проснулись. Даже младенцы. Что вы так много спите?

– Пускай младенцы и просыпаются. У них есть родители. А я сирота. Сироту сколько ни корми, он все голоден, – он отворачивается к стене и, накрыв голову одеялом, продолжает спать.

Я стягиваю с него одеяло, сбрасываю его на пол. Он нехотя поднимается.

Умывшись, роется в чемодане. Достав что-то, кладет на стол, потом опять в чемодан. Я не выдерживаю. Хочется побыстрее выйти на улицу, подняться по крутому склону в гору. Надеваю спортивную, открываю дверь.

– Подождите три минуты за дверью. Я быстро выйду. Да, кстати, завтра спозаранку поедem на рынок? Купить Любе шубу, не забыли? – напоминает абзи.

– Помню, помню, – тороплюсь я в коридор.

Небо хмурое. Все в каком-то напряжении. В тишине звенящего раннего утра ошущается дрожь высоких гор, окруженных дымкой облаков. Я ждал абзи у ворот санатория, окруженного скалами, будто охраняющими наш покой, подумывая, что такая погода вряд ли воодушевит абзи на прогулку. Так и получилось.

– Ну что, сынок? Что-то сегодня погода невеселая, я вам скажу. Или вам хочется искупаться под дождем? – недовольно бурчит абзи.

– Ничего, абзи, давайте побегаем...

Мы стали подниматься по крутой дорожке, посыпанной красным гравием и обсаженной с обеих сторон высоченными, стройными соснами.

Бежим, абзи задыхается.

– Любе купим шубу. Завтра пойдете со мной на рынок?

– Пойду. Не разговаривайте. Трудно дышать.

– Шуба, небось, дорого стоит?

– ...

Абзи отстал. Я подзываю его, киваю головой. Где там... У абзи нет желания. Я, топая на месте, жду, пока он догонит меня. Абзи резко останавливается, опирается ладонями на колени.

– Вы бегите. Я здесь подожду. И за меня побегайте! – еле слышно говорит он.

Климат в Кисловодске такой, что когда адаптируешься, начинаешь дышать всей грудью, воздух будто поднимает тебя, не устаешь, готов подняться не только в горы, но даже в небо. Кто это понимает, не остановится на полпути, подобно моему абзи, не запыхается, поднимаясь по горной тропинке: вон, сколько людей поднимаются и спускаются.

Я «взял» эту высоту. Здесь каждый занимается по своему. Кажется, что этих людей разных национальностей со всех уголков земного шара, объединяет одна-единственная цель – бодро встретить утро в горах. Все дружелюбны, улыбаются друг другу. Все желают всем доброго утра, встречая рассвет с добрыми помыслами. Для меня это очень приятно, великое удовольствие. Наверное, и для других тоже.

Чистейший, веселый горный ветерок, очистив наши легкие, уступил место дождю. Дождь сначала накрапывал. Я начал спускаться по горной тропинке в санаторий. На спуске ноги сами несут, не устаешь. Дождь усилился. Небо будто вздрогнуло, прогремел гром, засверкала молния. Олима-абзи, который отстал на полпути, не видно. Давно смылся, наверное. Небось, спит, свернувшись калачиком. Вот это да, дождь льет как из ведра. Легкая спортивка на мне вымокла до ниточки. Все: и те кто поднимался в горы, и те, кто спускался – укрылись под хвойными деревьями. Не знаю почему, но прогулка под дождем мне понравилась и развеселила. Еще в детстве я не мог сидеть дома, когда шел дождь. Выбегал на улицу. Как знать, может, я родился в дождь? Ведь я родился в начале весны, пятого марта. Я весь намок. Смотреть на меня было одно удовольствие. Под проливным дождем, грохочущим веселым небом, как одинокий безумец, я несея по тропинке. Нет, оказывается на тропинке я не один. Во-он идет миловидная, статная женщина под голубым зонтом, одетая в белую прозрачную блузу и шорты, в белых кроссовках на белоснежных красивых ножках. Она легко поднимается навстречу мне по крутой горной дорожке. Будто белая роза под голубым небом.

– Доброе утро, девушка, – тяжело дыша приветствую ее. Женщина под зонтом с улыбкой кивает, на белом лице появляется милая улыбка, золотые локоны, спускающиеся до плеч, волнуются на ветру. Эх, друзья, слова бессильны, чтобы описать красоту этого божьего создания, источающего прелесть женского обаяния. Я чуть не сорвался с обрыва, стараясь рассмотреть это чудо природы. Красота имеет огромную силу и мощь и, естественно, требует жертв. Раз так, иди себе не оборачиваясь, знай свое место...

За поворотом, ступив на более крутую тропу, я увидел возле образовавшейся лужи фиолетовый бумажник. Кожаный бумажник был мокрым, молния на нем застегнута. Открыв ее, я увидел в бумажнике пачку пятидесяти тысяч купюр – пятьдесят тысяч. В голове промелькнула мысль: «Беги на рынок, тоже купишь шубу для жены». И вдруг, как обухом по голове: «Это не твои деньги, у них есть хозяин...» Показалось, что там, наверху, кто-то следит за мной. Я подумал: «Хозяйка этих денег – та женщина». Я побежал следом за ней. Эх-хей,

она оказалась за вторым поворотом. Побежал быстрее. Вот зараза, никак не дается эта дорога, непросто бежать вверх. Тем более дождь и не думает прекращаться. Зло бьет прямо по лицу, застилает глаза. Ноги не несут, запыхался уже, поскользнувшись, упал. А женщина, не меняя темпа, не очень торопясь, не оглядываясь, идет по тропе. Между нами каких-то тридцать шагов.

– Девушка, э-эй... Остановитесь, ну остановитесь же!

Она меня услышала, но даже не повернула голову. Я разозлился, подбежал к ней.

– Девушка, на минутку остановитесь! ... (Еле удержался, чтоб не сказать: «Вы глухая, уши заложило?!»)

Женщина остановилась, посмотрела на меня с удивлением и некоторым осуждением. На лице отразилось недовольство.

– Что вы хотите от меня? – сердито спросила она.

– Ничего не хочу. Вот, держите. Уронили.

Женщина растерянно смотрела на бумажник. Взяв зонтик в левую руку, поковырялась в обоих карманах шорт.

– Да, да, мой. Мой, – голос у нее дрожал.

– Вот, возьмите, раз ваш, – сказал я.

Женщина уверенно взяла бумажник из моих рук, открыла, посмотрела на содержимое. Взглянув на меня, покраснела. Грустно улыбнулась. Затем раскрыла свой зонт надо мной, с сожалением глядя на мой жалкий вид.

– Спасибо вам, – сказала она дрогнувшим голосом.

– Догоняя вас, упал, – стесняясь своего вида, сказал я.

Женщина протянула мне зонт. Теперь мы шли под одним «небом», укрывшим нас от дождя. Дрожащими руками она достала из бумажника три пятидесятые купюры и протянула мне.

– Возьмите! Я хочу, чтоб вы их взяли.

Мне стало не по себе. Я почувствовал себя глубоко оскорбленным, в то же время понимая, что она просто хочет отблагодарить меня.

– Э-е-ей, оставьте. Мне не нужны ваши деньги. Если бы они были нужны, я бы отправился в санаторий, как только нашел бумажник, – сказал я.

Женщина рассмеялась.

– Вы в каком санатории отдыхаете?

– В «Крепости».

– А я в «Розе ветров». Сегодня после полудня уезжаю домой. Несмотря на дождь, захотелось еще раз прогуляться.

Было приятно беседовать под одним «небом», однако я чувствовал, что долго оставаться с ней не могу, потому что мог разрушиться образ «героя», только что вернувшего женщине деньги. И еще. Все существо, весь вид женщины говорил и о том, что ее внешняя неземная красота гармонирует с ее богатым внутренним миром. Видно было, что она образованна, грамотна и умна. Ибо, по словам моего соседа по комнате Олима-абзи, настоящий писатель, кроме двух своих глаз, обладает тысячами глаз внутренних, душевных (ну и абзи...). Я, правда, не знаю, обладаю ли этими внутренними глазами. Для меня было очевидно, какая это женщина.

– Ладно, я пойду.

– Еще раз благодарю вас, хороший человек, – сказала женщина и достала из кармана визитку. – Вот мои координаты. Если будете в Москве, обязательно звоните. Если хотите, можете написать. У меня есть электронная почта.

...Войдя во двор санатория, я обратил внимание на полного мужчину, удивленно наблюдающего за мной, безумцем, гуляющим под таким ливнем. Я радостно махнул ему рукой. Он резко закрыл окно. Наверное, подумал, что я действительно чудаки.

Меня это здорово позабавило. Полуобнаженный абзи лежал читая

газету. Увидев меня, он поднялся. Посмотрел в лицо. Я улыбался, не в силах скрыть непонятную радость.

– Охо... Ну и ну. Ну и вид у вас, дружище! А еще и смеетесь... А ну-ка, давайте быстро раздевайтесь! Наденьте сухую одежду...

– Абзи, рассказать вам интересную историю? – спрашиваю я, прислонившись к шкафу.

– Ничего не рассказывайте! Немного полежите, укрывшись. Потом позавтракаем.

Я наслаждаюсь теплом мягкой постели. Абзи протягивает чашку чая с лимоном.

– Абзи, я не пойду в столовую. И ни на какие процедуры не пойду. Хочу до обеда хорошенько поспать.

– Было бы отлично, – вырвалось у абзи, немного уставшего от моих дискуссий.

В обеденное время абзи опять напомнил:

– Завтра пойдем на рынок. Купим Любе шубу.

– Пойдем, абзи, пойдем. Купим, конечно, купим.

После обеда Олим-абзи пошел в номер, а я отправился в магазин, расположенный рядом с санаторием. Хотел купить кое-что. Через некоторое время вернулся.

Абзи, устроившись на полу, устланном ковром, рылся в своем чемодане. Он выглядел расстроенным. Одежда была разбросана по полу. Он что-то доставал из чемодана, опять клал в чемодан. Руки его дрожали, выглядел он озабоченным.

– Нет, не могу найти!

– Чего не можете найти?

– Бумажник. Нет бумажника. Утром брал в руки. Затем положил вот на этот стол. Потом опять взял. Не помню, потом брал с собой, когда шел с вами на прогулку или нет?

Я вздрагиваю.

– Какой бумажник? Какой он был? – еле выговариваю я.

– Просто бумажник. Обычный. Там были деньги. Болотного, нет, сиреневого цвета.

Я раздавлен. Он встает, садится в кресло. Бросает на меня многозначительный взгляд.

– Почему вы побледнели?

– Я... Я знаю... Бумажник... – путаясь говорю я.

Абзи резко встает, смотрит удивленно. Я достаю из ящика стола визитку. Собрав все силы, выбегаю на улицу.

Запахавшись, еле добираюсь до санатория «Роза ветров», расположенного на другой стороне улицы. Протягиваю визитку женщине на ресепшн.

– Мне нужна эта женщина. Да, нужна Ольга Ивановна. В какой комнате она живет?

– Она уехала. В аэропорт. Комнату сдала. Друзья увезли.

– Когда уехала? Почему уехала? – кричу я.

Женщина на ресепшн злится.

– Только что уехала. У нее закончился курс лечения. Вот и уехала!

Мгновенно обессилев, бреду к выходу. Выхожу на большую дорогу. Останавливаю такси, еду в аэропорт.

«Да, она же говорила, что сегодня уезжает...» Прошу водителя ехать быстрее, умоляю, угрожаю. Раз за разом набираю номер телефона, указанного в визитке. Выключен. Прошу бога помочь найти эту проклятую женщину, Ольгу.

Такси останавливается на автопарковке аэропорта. Машин не счесть! Выйдя из машины, озираюсь, бегу к зданию аэропорта. На контроле меня не

пропускают. Тысяча чертей, забыл взять паспорт! Не могу стоять на месте, как угорелый, смотрю по сторонам. Готов заплакать от обиды. В этот момент в окружении двух амбалов появляется она, Ольга, та самая, красивая, с обалденной фигурой, которую я повстречал утром. Она идет со стороны парковки прямо в мою сторону. Я в полуобморочном состоянии иду навстречу ей. Она, увидев меня, улыбается. Стараюсь взять себя в руки.

– Бумажник... Тот бумажник, – говорю все еще улыбающейся Ольге.

Улыбка моментально исчезла с лица Ольги. Губы задрожали, резко отвернувшись, она уходит. Один из двух амбалов, тот, что с бородой, загораживает мне дорогу.

– Ольга наша гостя. Что у тебя к ней? – говорит он грубо со своеобразным кавказским акцентом.

– Ничего, – я подавлен.

Ольга уехала. Бумажник абзи тоже уехал. Разбитый, я возвращаюсь на место парковки.

– Ну как? – спрашивает водитель такси, который меня привез. .

– Все хорошо, – отвечаю.

Возвращаемся обратно? Водитель включает скорость.

– Теперь можете не спешить. Некуда торопиться. И зачем теперь торопиться?

Покачиваясь, вхожу во двор санатория. Утренний полный дядя теперь сам машет мне. Я прикинулся, что не увидел. Не решаюсь войти в комнату, долго стою перед дверью. Из комнаты слышен голос абзи – он тихо напевает какую-то грустную татарскую песню. Погруженный в печальные думы, открываю дверь. Абзи сразу смолк.

– Где ходите?

Не могу смотреть ему в глаза.

– Простите. Ваш бумажник пропал, – едва слышно произношу я.

– Куда пропал? Я его нашел. Он был за диваном, негодник...

Я чуть не упал. Абзи поддержал. Потрогал мой лоб.

– Ух... Да у вас температура. Ну-ка, идемте, – он меня довел до кровати. – Отдохните немного.

Я укрылся одеялом, еле сдерживая себя, чтобы не зарыдать. Через какое-то время почувствовал облегчение. Затем уснул.

...На следующий день мы пошли на рынок. Купили шубу жене абзи, Любе. P.S.

Я ничего не рассказал Олиму-абзи про вчерашнюю историю: ни про бумажник, ни про Ольгу. Вернувшись с рынка, за один присест написал этот рассказ. Даст Бог, после возвращения в Ташкент переведу его на русский язык... потом отправлю его Ольге, руководителю адвокатского бюро «Фемида» Ольге Ивановне...

Перевод с узбекского Нигоры Юсуповой.

Нигора ЮСУПОВА. Родилась в 1963 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный институт культуры (ныне ГИИКУз). Переводами занимается с 1998 года. В настоящее время работает переводчиком редакции переводов Национального информационного агентства Узбекистана (УзА).

ДОМ С ЛЕГЕНДАРНОЙ СУДЬБОЙ

Очерк

Юрий ФЛЫГИН

Среди наиболее примечательных объектов Ташкента есть одно небольшое здание, занимаемое ныне Государственным музеем декоративно-прикладного искусства. Здание было построено еще в позапрошлом веке на углу бывшей улицы Шелковичной и Шелковичного переулка. Ныне это улица Рокатбоши, а до 1991 года она носила имя большевистского комиссара Д. Г. Шпилькова.

В музее богатейшая коллекция (более 7000 экспонатов) образцов декоративно-прикладного искусства Узбекистана – вышивка, керамика, чеканка, золотое шитьё, стекло, фарфор, лаковая миниатюра, резьба и роспись по дереву, музыкальные инструменты, ювелирные изделия, ткани, ковры. Да и само здание является своего рода музейным артефактом. Его интерьеры отделаны в лучших традициях среднеазиатского искусства. Очень интересна история создания и функционирования этого здания. Судьба его связана с именами ряда известных людей, биографии которых могли бы лечь в основу отдельных повествований.

Обычно это здание называют Домом Половцова. И это справедливо. Именно по инициативе этого русского государственного деятеля, ученого, дипломата данное здание приобрело нынешний вид. Но, отдавая дань исторической справедливости, его можно бы назвать и Домом Иванова, поскольку именно он был первым его владельцем. Николай Иванович Иванов – известный во всем Туркестане купец, личность очень интересная, можно сказать, легендарная. Знаменитый ташкентский летописец начала XX века А. И. Добросмыслов называет его старейшим из предпринимателей Туркестанского края¹.

Предпринимательская деятельность Иванова охватывала разнообразные отрасли – виноделие, транспорт, изготовление медпрепаратов, пивоваренное, табачное производство, изготовление искусственных минеральных

Юрий ФЛЫГИН. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Историк, публицист, общественный деятель. Автор многочисленных научных, научно-популярных статей и книг, преимущественно по проблематике российско-среднеазиатских связей.

¹ А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1912. С. 378.

вод и льда, стеклоизделий, банковское дело, садоводство. До недавних еще пор в Ташкенте работал 6-й пивоваренный завод, продукция которого считалась лучшей и пользовалась популярностью у потребителей. История этого пивоваренного завода восходит к Иванову. А начинал он свою деятельность в Туркестане с казенных поставок в армию.

Н. И. Иванов происходил из небогатой оренбургской торговой семьи. Сын приказчика стал одним из богатейших негоциантов Туркестана, получил ранг коммерции советника (многие полагают, что это такая должность, нет, это не так). К концу жизни он стал действительным статским советником. В армии это соответствовало званию генерал-майора и давало право на наследственное дворянство.

Н. И. Иванов вел обширную общественную деятельность, в частности, «возглавил Туркестанское скаковое общество... был председателем Казалинского попечительного (о тюрьмах) комитета, казначеем Туркестанского попечительного (о детских приютах) совета, почетным попечителем Учительской семинарии (в течение 25 лет), членом Главного комитета Туркестанского благотворительного общества и т.д.»¹. Николай Иванович был строителем первого в Ташкенте ипподрома. В свое время ташкентский ипподром украшал его портрет.

Газета «Туркестанские ведомости» писала, что «не было в Средней Азии и в столицах благотворительного учреждения, которое не получало бы от него [Н. И. Иванов] в свое время щедрой поддержки»². Николай Иванович щедрой рукой жертвовал на нужды учебных заведений, на строительство и обустройство церквей.

Иванов был награжден многими орденами и медалями Российской империи, являлся кавалером французского ордена Почетного легиона, дважды награждался орденом Благородной Бухары 3-й и 2-й степеней.

Умер Иванов в 1906 году и похоронен на старом русском Боткинском кладбище. К основанию этого кладбища, кстати, он имел самое непосредственное отношение, оно располагается на земле, в свое время подаренной им городу. С конца 80 – начала 90-х годов позапрошлого века жизнь Н. И. Иванова была омрачена чередой судебных тяжб с государственными инстанциями, конфликтов с местной администрацией. Это отразилось на его материальном положении. Возможно, с этим и была связана продажа им дома. Впрочем, это был не единственный его дом в Ташкенте, так что он мог быть продан и за ненадобностью.

Дом был куплен Александром Александровичем Половцовым. Впервые тот оказался в Ташкенте в 1896 году. Будучи чиновником Министерства внутренних дел, он был командирован из Петербурга для изучения переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. Происходил Половцов «из очень богатой, знатной семьи, был внучатым племянником императоров Александра I и Николая I, начинал с военной карьеры, затем был переведен в МВД»³.

Отец А.А. Половцова, тоже Александр Александрович (из-за чего

¹ Алимджанов Бахтиер. Взлет и падение туркестанского купца Николая Иванова // Восток Свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. Выпуск XLVI. – Ташкент, 2018. С. 55.

² Туркестанские ведомости, 12(25) марта, 1906, № 40.

³ Загородникова Т. Н. Михаил Степанович Андреев в Индии. Штрихи к портрету // Душанбинский альманах «Взаимодействие религиозных и культурных традиций». Выпуск второй. – Москва: ИПО «У Никитских ворот», 2017. С. 363.

их иногда путают), являлся государственным секретарем, членом Государственного совета, был учредителем Императорского Русского исторического общества, почетным членом Петербургской академии наук и член-корреспондентом Французской академии. Граф С. Ю. Витте о Половцове-старшем писал: «Половцов был, я должен сказать, несомненно, одним из умных членов Государственного совета; человек он был очень культурный»¹.

Мать А. А. Половцова-младшего имела не менее знатное происхождение. Надежда Михайловна Июнева была внебрачной дочерью Михаила Павловича (брата Александра I и Николая I), воспитанницей известного русского государственного и общественного деятеля, крупного финансиста, казначея Императорского двора барона Александра Людвиговича Штиглица. Он славился своим щедрым меценатством: на свои средства построил железную дорогу от Петербурга до Петергофа, основал и содержал Петербургское училище технического рисования с прекрасным музеем декоративно-прикладного искусства при нем.

Александр Половцов-младший был женат на Софье Паниной, которая заслуживает, чтобы сказать о ней отдельно. Их свадьба в 1890 году была одним из самых громких событий петербургской светской жизни. Посаженым отцом на свадьбе был император Александр III, троюродный брат жениха.

Половцов-младший тоже был меценатом и проявлял интерес к науке. Ему в Ташкенте требовался секретарь-помощник со знанием местных языков. Вероятно, ему посоветовали обратиться к В. П. Наливкину, известному знатоку среднеазиатских языков, образа жизни и обычаев народов Средней Азии.

В. П. Наливкин как раз в 1896 году из-за скандала с руководством учебного ведомства оставил должность инспектора мусульманских учебных заведений и был назначен самаркандским областным инспектором. Он посоветовал А. А. Половцову в качестве секретаря Михаила Андреева, который был ему знаком и по Учительской семинарии, где Наливкин преподавал, а Андреев учился, и по педагогической деятельности после окончания Андреевым семинарии. Он знал местные языки, был энергичен, молод, осенью 1896 года ему исполнилось 23 года.

На несколько лет М. Андреев стал помощником Половцова и верным его спутником. Некоторые авторы утверждают, что Александр Половцов-младший, утонченный эстет, предпочитал общество молодых мужчин обществу своей жены. Как бы там ни было, но жена Половцова, урожденная графиня Софья Панина, вскоре после свадьбы оставила его. Их брак продлился менее года.

Софья Владимировна Панина была необыкновенно интересной, яркой личностью. Она происходила из очень известного и влиятельного графского рода Паниных. Рано лишилась отца – ее мать впоследствии вышла замуж за довольно известного, но незнатного и небогатого политического деятеля И. И. Петрункевича. В семье Софья никогда не жила, воспитывалась под присмотром бабушки со стороны отца, графини Натальи Павловны Паниной, училась в Екатерининском женском институте, что при ее богатстве и знатности было необычно. В этом институте обычно учились девушки

¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849 – 1911. Москва: Мысль, 1991. С. 120.

из небогатых семей, которых готовили в будущем в гувернантки и домашние учителя. Это учебное заведение было выбором ее бабушки, дамы очень твердых принципов, пожелавшей, чтобы внучка, несмотря на богатство, лучше представляла истинную жизнь, что несомненно очень было полезно для воспитанницы.

После расставания с Половцовым Софья Владимировна вернула свои фамилию и титул и отдалась общественной и благотворительной деятельности. Исключительно щедро помогала бедным людям: Обществу помощи бедным учащимся, Обществу защиты женщин. На свои средства построила в Петербурге знаменитый Лиговский Народный дом, существующий и поныне в качестве Дворца культуры железнодорожников. Отличалась либеральными взглядами. В предреволюционные годы активно занималась политической деятельностью. В 1917 году входила во второе и третье коалиционные правительства А. Ф. Керенского в качестве, соответственно, заместителя министра государственного призрения (социального обеспечения) и заместителя министра народного просвещения (тогда говорили – товарища министра). Впервые в России женщина занимала такие высокие государственные должности. При ней в Министерстве народного просвещения обсуждался вопрос об открытии в Ташкенте университета. После революции она жила в Чехословакии и США, была одним из основателей Толстовского фонда. Умерла в 1956 году и похоронена на кладбище Успенского женского Новодевичьего монастыря в штате Нью-Йорк.

Между прочим, в 1917 году и Александр Александрович Половцов был в правительстве, недолго являлся заместителем министра иностранных дел.

А. А. Половцов достаточно серьезно интересовался Востоком и для своих будущих поездок в Среднюю Азию пожелал иметь в Ташкенте свое жилье. Некоторое время (в начале XX века) он служил дипломатическим чиновником при Туркестанском генерал-губернаторе. По его поручению Андреев приобрел в Ташкенте дом, ранее принадлежавший купцу Н. И. Иванову. Под руководством военного инженера и архитектора Александра Бурмейстера были осуществлены масштабные работы по перестройке здания и оформлению его интерьеров в восточном стиле в соответствии с пожеланиями Половцова. Бурмейстер – автор проектов еще нескольких интересных ташкентских сооружений, в том числе храма Александра Невского на Боткинском кладбище. В начале 1912 года он получил звание генерал-майора; к сожалению, дальше след его потерялся.

За отделкой интерьеров наблюдал М. Андреев, приглашенные им мастера из Ташкента, Хивы, Бухары, Риштана выполнили резьбу по ганчу, дереву, художественную роспись. По утверждению специалистов, оформление Дома Половцова являет собой редкий случай удачного сочетания русской архитектуры с декоративным оформлением в местном восточном стиле.

Сам А. А. Половцов в своих воспоминаниях не упоминает об участии Андреева и Бурмейстера в перестройке дома. Он писал: «Свой дом в Ташкенте я перестроил и увеличил. Живя в Туркестане, мне хотелось создать среднеазиатскую обстановку. Я нашел в Коканде усто (мастера), строившего дворец для последнего кокандского хана... Старик переселился ко мне с сыновьями и внуками. Они расположились лагерем в саду и построили мне на туземный

лад три комнаты и террасу с деревянными резными потолками, золочеными и расписными, и стенами из резного алебаstra с покрашенными фонами. В Фергане я нашел мастера, сделавшего мне прелестные резные двери из чинарового дерева, и там же керамиста, обжегшего мне изразцы для облицовки; мне приятно было воскрешать старые местные кустарные промыслы...»

В 1906-1907 гг. Половцов выполнял обязанности Российского консула Индии, Андреев по-прежнему был его частным секретарем, попутно собирая сведения относительно организации английского шпионажа в Русском Туркестане со стороны Индии и Афганистана. После 1907 года А. Половцов вернулся в Россию, несколько лет посвятил развитию тяжелой промышленности на Урале. Человек он был удивительно даровитый: успешно справлялся и с дипломатией, и с работой в промышленности, интересовался искусством. Поскольку дом в Ташкенте теперь ему был не нужен, в 1909 году он подарил его городу.

М. С. Андреев же после 1907 года продолжал в Индии свою разведывательную службу. В начале 1914 года он вернулся в Ташкент на педагогическую работу, был инспектором краевого учебного ведомства по Ходжентскому и Джизакскому уездам Самаркандской области.

После 1917 года Андреев, продолжая педагогическую деятельность в Восточном институте и Туркестанском (впоследствии Среднеазиатском) университете, много и плодотворно занимался научной работой до своей смерти в 1948 году. Объектом его научного интереса была этнография таджикского народа. Он является одним из крупнейших этнографов Средней Азии XX века.

Весной 1931 года М. С. Андреев был арестован по делу профессоров и преподавателей восточного факультета Среднеазиатского госуниверситета вместе с А. А. Семеновым, А. Э. Шмидтом, Д. С. Граменицким, Н. Г. Малицким, М. Ф. Гавриловым, А. А. Гаррицким, А. В. Панковым, Н. Н. Фиолетовым, П. Е. Кузнецовым, И. И. Умняковым. Обвинение стандартное для той поры – 58-я статья «вредительство против советской власти», ученые, якобы, мешали реорганизации факультета. «Расследование» по поводу «вредительской деятельности» велось несколько месяцев. В конце января 1932 года решением соответствующих органов М.С. Андрееву, как и другим ученым-востоковедам, было предписано покинуть Ташкент; тогда говорили – «получил высылку».

С ташкентскими востоковедами обошлись относительно мягко. Сроки высылки были не особо большими: 3 года, с зачетом полугода предварительного заключения. Разрешалось выбрать место высылки, но исключением были 12 крупнейших городов Союза. Это все-таки не в Сибирь, на лесоповал в бараки.

Андреев оказался в Алма-Ате. Он жил в обычной квартире, мог сам искать себе работу по своему профилю, вообще вел образ жизни свободного человека. Вместе с тем, свобода его была довольно условной. В соответствующем определении, регламентирующем рамки этой «свободы», было записано, что М. С. Андреев, «состоит на учете в ПП ОГПУ¹ по КазССР как административный ссыльный, которому надлежит один раз в декаду (комната

¹ ПП ОГПУ – Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления.

135) являться для отметки... Неисполнение явки для отметки влечет за собой предание указанного лица суду... Состоит на особом учете... без права выезда за пределы г. Алма-Ата»¹.

К ссыльному ученому часто обращались по разным научным вопросам, за консультациями, советами. В 1933 году в Ташкенте встал вопрос о приведении в надлежащий вид для последующего музейного использования Дома Половцова. Оригинальный особняк изрядно пострадал к тому времени. Во время Первой мировой войны в нем располагались пленные австрийские офицеры. После революции 1917 года здесь обособился детский дом. Затем тут помещались разные структуры, в частности, вышивальный цех. Ясное дело, что это не способствовало сохранению интерьеров, были расхищены многие важные предметы отделки. В 1927 году, по предложению М. С. Андреева (видимо он пытался таким образом спасти уникальное строение), в Доме Половцова была организована выставка художественных промыслов.

Председатель Узкомстариса Н. Ходжаев обратился к ссыльному М. С. Андрееву с письмом: «Будучи осведомлен, что декорирование интерьеров [дома Половцова], происходило под вашим руководством, очень просил бы вас возможно подробно изложить все, что относится к истории их создания»².

Андреев ответил обстоятельным письмом, в котором сообщал: «Мне пришлось очень близко участвовать в этом деле от начала до конца и во многих случаях организовывать работу местных мастеров, собранных специально для данной работы из разных концов. Были выписаны нарочно лучшие из оставшихся в то время старых мастеров, с тем, чтобы получить образцы их исчезавшего уже тогда искусства... Набраны были те, кто и тогда назывались «последними могиканами» старого среднеазиатского искусства. В особенности был хорош старик столяр из Ходжента, руководивший деревянной работой и когда-то работавший у Худоярхана в кокандском дворце. Эмир тоже прислал лучших мастеров... и очень интересовался работой... Среди мастеров были и ташкентцы – то, что было тогда лучшего среди резчиков по ганчу. Керамист был один, еще не старый тогда, но очень талантливый из Коканда, где он и приготовлял все образцы, привозя в Ташкент. Ему пришлось восстановить для этого старую выделку и привозить из гор некоторые минералы, входившие в состав поливы. Все мастера были очень заинтересованы в своей работе и между ними было даже некоторое соревнование. Так раз, например, ташкентцы, видя работу бухарцев, не вытерпели и просили, чтобы им была отведена ниша, где они могли бы показать свое искусство по-ташкентски, что и было сделано... Очень эффектны были решетки, выделявшиеся большей частью бухарцами, из гипса, вставлявшиеся в глухие места, для окон со стороны большого сада (теперь, кажется, несуществующего). Гипс был из Кармине, чинары для двери, ввиду их большого размера, из Самарканда (из с. Дагбид – в Ташкенте таких больших не оказалось). Так как привезенные доски были несколько сыроваты, то старик-ходжентец распорядился, чтобы были сделаны громадные прошивки для них и эти доски варили, после чего они были подвергнуты

¹ Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана. Личный фонд М. С. Андреева (далее ЛФА). Оп. 1. Д. 6. Л. 21, 23.

² ЛФА. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

просушке и действительно довольно быстро высохли и могли поступить в обработку. Весь потолок в зале (работа ходжентских мастеров) построен так, что колонны смело можно бы и убрать и он мог бы продолжать висеть. Имеющиеся четыре колонны были поставлены по желанию А. А. Половцова, скорее как украшение. Мрамор на террасе – работа русского каменщика Назарова, ездившего за ним в местные горы (около Чимгана). Потолок в спальне – чисто бухарский, в маленькой гостиной – чисто ходжентских мастеров, по их плану выполнен ими. На стенах были вставлены в виде панно лучшие из вышивок (сюзаны) и места были подготовлены по размеру выбранных вышивок. Драпри к дверям и окнам были сделаны из бархата, приготовлявшегося по специальному заказу в Бухаре. К сожалению, в этой же комнате на камине был допущен в верхней части орнамент, взятый с каирских мечетей (из куполов)... Главное, что я не представляю себе – что именно сохранилось еще из старого и чего уже нет. Двери, я знаю, были взяты одно время в Музей в Белом доме, но что сохранилось из них и решеток – не имею представления. Думаю, что решетки, пожалуй, погибли все – их так легко было уничтожать мальчишкам, кидая камни»¹.

На основе выставки художественных промыслов в 1937 году был создан Музей кустарных промыслов. Впоследствии учреждение стало называться Музеем прикладного искусства Узбекистана (некоторое время называли Постоянно действующей выставкой прикладного искусства). С 20 декабря 2017 года – Государственный музей прикладного искусства и ремесленничества Узбекистана.

В 1941 и 1961 годах в бывшем Доме Половцова производились реставрационные работы. А в 1970 году здание подверглось капитальной реконструкции по проекту и под руководством архитекторов У. Абдуллаева и М. Ильхамова. Новые реставрационные работы проводились в 1984 – 1987 гг., в ходе которых памятнику архитектуры был возвращен вид, наиболее приближенный к первоначальному.

Судьба же бывшего владельца Дома сложилась следующим образом. После прихода к власти большевиков А. А. Половцов некоторое время пытался найти с новой властью общий язык. Он подарил государству значительную часть своей коллекции декоративного искусства. Однако в 1918 году был вынужден через Финляндию уехать во Францию, жил в Париже. Открыл там антикварный магазин. В 20-е годы издал свою книгу «Сокровища России в руках большевиков». Умер 12 февраля 1944 года, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Справедливо было бы установить на его ташкентском доме табличку с упоминанием об этом неординарном человеке.

¹ ЛФА. Оп. 1. Д. 6. Л. 45 – 48.

Татьяна ОСИНА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ «ИЛЬХОМ»

(к 45-летию театра)

Театральный сезон 2020-2021 для театра Марка Вайля «Ильхом», условно, особенный. «Ильхому» – 45, почти полвека, срок немалый – возраст зрелости, опыта, подведения итогов. В юбилейный год театр в канун 69-й годовщины рождения своего основателя заслуженного деятеля искусств Узбекистана Марка Вайля запустил в декабре 2020 года проект «Неизвестный известный “Ильхом”» с целью напомнить новому, современному поколению зрителей историю создания первого в СССР профессионального частного негосударственного театра, который за годы существования с честью выдержал испытание временем, пережил распад СССР и занял достойное место в пространстве нового независимого государства Узбекистан. Крайне важно, что цель сохранения и передачи социальной памяти новому молодому поколению зрителей Узбекистана совпала с собственной внутренней потребностью театра к саморефлексии. По мнению художественного руководителя «Ильхома» Бориса Гафурова, запуск своеобразной «машины времени» в 2020 году понадобился театру для того, чтобы, вернувшись к началу, к истокам рождения театра, переосмыслив, двигаться дальше. Проект, неслучайно совпавший с названием известной книги Марка Вайля, обобщившей в начале двухтысячных опыт 25-летнего существования независимого театра, ни в коем случае не является реставрацией, реанимацией прежних спектаклей. Предложенные современному зрителю театральные импровизации несут заряд творческой энергии нового поколения режиссеров и актеров «Ильхома», их собственное видение и новые акценты в связи с изменившимся временем и новыми условиями существования.

Первая декабрьская сессия проекта (он предполагает весеннюю и летнюю сессии – всего 9 импровизаций) состоялась 15, 17 и 19 декабря 2020 года. Она переносит современного зрителя на 45 лет назад, в 70-80 годы прошлого века. Тогда, буквально погрузившись в драматургию Новой волны, запрещенную для постановок в государственных театрах Советского Союза, театр предложил серию спектаклей, один из которых – «Сцены у фонтана» С. Злотникова – представлен в декабрьских вечерах. Каждое название из

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

выбранных театром импровизаций – это определенная веха в рождении нового театра: пьеса «Играем Стриндберга» швейцарского драматурга Ф. Дюрренматта, открывшая проект, – одна из первых (закрытых) постановок театра (1976), «Утиная охота» А. Вампилова – первый репертуарный спектакль, придавший ему статус репертуарного стационарного частного театра (1978), спектакль «Сцены у фонтана» С. Злотникова – скандальный участник первых гастролей «Ильхома» в Москве и Ленинграде (1982). В аспекте целей, смыслов ретропроекта заданный выбор пьес и определенная последовательность импровизаций не случайны. Безусловно, неискушенный зритель, проведя в театре три вечера подряд, заметит прежде всего их явную несхожесть, индивидуальную неповторимость, а опытный театрал, напротив, обратит внимание на общность, на единство и сложит спектакли в развернутую трехактную драму с собственными формально-содержательными закономерностями: на жанрово-стилистическом уровне трехчастная цикличность (абсурдистский Стриндберг – реалистический Вампилов – абсурдистский «Фонтан» Злотникова), а на содержательно-концептуальном уровне скрепляющая единая мировоззренческая позиция: мир неблагоприятен, нуждается в совершенствовании как в буржуазной, так и в социалистической действительности. Он вывернут наизнанку, в нем нет сострадания, сопереживания, милосердия, это мир зла, равнодушия, душевной черствости. Неслучайно психолог Густав Гилберт, работавший с нацистскими преступниками после Нюрнберга в 1945 г.¹, сказал: «Я думаю, что зло – это отсутствие эмпатии, т.е. неспособность чувствовать боль другого». Такой мир обречен, и он взорван, уничтожен в финале последней импровизации С. Злотникова, когда нарастающее неблагополучие, превращенное в уродливую фантазмагорию и достигнувшее своего апогея, кульминации, сметает, стирает, словно ластиком, очистительной струей из неожиданно забившего старого фонтана, напомнив схожий эффект в фильмах А. Тарковского.

Первая импровизация декабрьских вечеров – по пьесе Ф. Дюрренматта «Играем Стриндберга» (реж. Максим Фадеев). Она обращена к теме брака, семьи и фиксирует процесс распада важнейших институтов буржуазного общества. Тема далеко не новая в мировом искусстве, блестяще раскрытая в шедеврах великой реалистической прозы М. Салтыкова-Шедрина, Л. Толстого, Д. Голсуорси, Т. Манна, А. Мартена дю Гара, Э. Базена, которые вывели семейный роман на социальный и философский уровень, создав образ буржуазного миропорядка, охваченного глубоким кризисом ценностей и норм жизни. Драматург Ф. Дюрренматт, с одной стороны, следует великой художественной традиции, а с другой – превращает буржуазную трагедию брака в комедию о буржуазной трагедии брака, используя для этого абсурдистскую стилистику (Беккет, Ионеско), доводя ее до гротескно-сатирической крайности. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Блистательное трио молодых актеров (Р. Мусакулов, К. Безматерных, Я. Добрынин), как по нотам, разыгрывает знакомую схему буржуазного брака, который держится на деньгах (муж – кошелек), на расчете (жена, мечтающая о более высоком положении в обществе, мстительная прелюбодейка). Этот

¹ Напомню, в ноябре 2020 мир отметил скорбную дату 75-летия Нюрнбергского трибунала.

брак – борьба, ристалище, где супруги ненавидят друг друга без причины, просто потому что женаты, желают смерти партнеру, своим детям, садисты, привязанные друг к другу цепями. Такова картинка, складывающаяся в голове у зрителя по прошествии спектакля, благодаря размышлениям последующей аналитической работе зрителя. Живой художественный процесс – абсолютно импровизационная, неустойчивая, пульсирующая субстанция, ребус, шифр из многочисленных несочетаемостей и странных превращений, начиная с реквизита на сцене (электрический орган, железная кровать, абажур, барабан), до особой пластической выразительности каждого из персонажей, платья, тембра голоса: семейные трусы – френч (муж), купальник – наглухо застегнутое на все пуговицы платье старой девы, писклявый голос девочки – надтреснутый, по-старушечьи дребезжащий (жена), сладкоголосый, как патока, томно-приторный,двигающийся точно сомнамбула, любовник с заячьими ушами, он же элегантный, собранный и беспощадный судья, с появлением которого в удушливо-тесный частный мирок семьи проникает тема большого мира, большого бизнеса, коррупции, подкупа, денег. Совершенно неожиданно талантливое перевоплощение актера Р. Мусакулова, сыгравшего персонаж, полностью противоположный его рефлекслирующему молодому герою из спектакля «Завтра». На сцене «Стриндберга» актер прямо на глазах превращается в настоящего держиморду, Скалозуба, Синюю Бороду, гипертрофированного мизантропа, то деревянно-разухабистого, то семеняше-пританцовывающего старика. Такой пластический рисунок в сочетании с возрастным «прирастанием» тембра голоса создает эффект абсолютной подлинности немолодого, пожившего человека.

Странный, интригующий «Стриндберг», талантливо демонстрирующий процесс распада «семьи, опоры государства», да еще в столь ярких сатирически-гротескных красках 1976 года выпуска, когда состоялся первый закрытый показ пьесы Ф. Дюрренматта, был обречен и исчез уже после нескольких просмотров (подобное брежневская эпоха в силу идеологических устоев никак не приветствовала). Сегодня пришли другие времена, соответственно и новая оптика, сквозь призму которой пристальное всматривание в несчастье одной семьи приходится как нельзя вовремя: как полезные «уроки жизни в критических обстоятельствах». Условия пандемии и локдауна аналогичны стриндбергскому острову, когда замурованные в своих квартирах семьи скорее распадаются, чем укрепляются. Спектакль по Дюрренматту звучит сегодня как своеобразное «предупреждение», касаясь самых «болевых точек» существования человека и человечества. В условиях краха системы моральных принципов и насаждения альтернативных норм, в том числе в традиционных гендерных отношениях, которые уничтожают общепринятые институты брака и семьи, борьба за семью и брак оказывается весьма актуальной для «заигравшегося» человечества.

Если от «Стриндберга» 1976 года не осталось воспоминаний даже в знаменитой книге Марка Вайля, то «Утиная охота» А. Вампилова (1978) и «Сцены у фонтана» С. Злотникова (1981) были обласканы вниманием многочисленных критиков тех лет, есть воспоминания о них и самого М. Вайля. Декабрьские импровизации (реж. Борис Гафуров и реж. Марина Турпишева) – не слепки с прошлых постановок, скорее предварительные эскизы возможных будущих спектаклей, несущие отпечаток нашего времени, иногда

изменяющего «оптику» восприятия частных, а порой и общих, значимых для понимания аспектов. К примеру, похоронный венок и муляж кошки (два символа смерти), полученные героем «Утиной охоты» в подарок на новоселье, молодому зрителю, вскормленному изощренными сюрпризами-розыгрышами интернет-пространства и телешоу, могут вполне показаться невинной шуткой. Реквизит, элегантная одежда (особенно у героинь-женщин), строгое, аскетически-лаконичное сценическое пространство, напоминающее статистически-стандартный офис, почти склоняют к современному «прочтению». Гораздо сложнее обстоит дело, когда пересмотр касается главных, базовых, ценностных представлений. Так, брежневская эпоха семидесятых, в которую погружены зрители второго и третьего вечеров, справедливо названная «эпохой застоя», таила в себе разрушительные силы (об этом пьесы А. Вампилова и С. Злотникова), они обусловили ее падение – с точки зрения девяностых – двухтысячных. А сегодняшняя пандемия, когда миллионы граждан потеряли работу, семью, растеряны и обречены, заставляет многих воспринимать их с ностальгией как лучшее время в семидесятилетней летописи страны победившего социализма и мечтать о новом, усовершенствованном, социализме.

А. Вампилов и С. Злотников показывают оборотную сторону той ушедшей действительности. Герой «Утиной охоты», некто Зиллов (актер В. Юдин), незаурядный человек, растрачивающий жизнь впустую, этакий прыгунчик, похожий на стрекозу из басни Крылова, который оглянуться не успел – все потерял. Обаятельный, легкий, он живет без напряжения, напрягая других (жену, любовниц, сослуживцев, друзей), на поводу собственных желаний, по наитию, перебирая, пробует, идет дальше, оставляя за собой пустыню, в итоге опустошив и собственную жизнь. Одиночество, опустошение, ... самострел – таков финал трагического представления, построенного на полутонах, такова рутинная жизнь – это болото, трясина, в которой увяз герой. Третья импровизация по С. Злотникову – все те же 70-е, эпоху застоя, преподносит совсем в другом ракурсе и живописует ее «жирными» красками, воссоздавая взъерошенный, вздыбленный «человеческий муравейник», отчаянно вопиющий о теплоте и участии. Это сцены у фонтана, в котором барахтаются странные персонажи: эстеты и электромонтеры, бабиши и юные девы, мужья и жены, зрелые люди и молодая поросль, несчастные, несвободные, пьяницы, драчуны, садисты. В удушливом пространстве замкнутого круга-фонтана борются они за свое место под солнцем, напоминая притчевых лягушек в банке со сметаной, пытаются вырваться из жизненного ненастья, получая многочисленные тумачи, физические и душевные травмы, порождая метафору – образ дубины, которая метелит налево и направо, перемалывает все живое и неживое, что попадает на ее пути. И только очистительный финал, как глоток чистого воздуха, сметает удушливый мир... и дарит надежду на спасение и подлинную человеческую жизнь. А нам, зрителям, ее дарят замечательные актеры «Ильхома», мастера сцены – заслуженная артистка Ольга Володина, Глеб Голендер, Алексей Писцов, молодые, но уже заявившие о себе Абдулазиз Ходжаев, Клара Нафикова, Рафаэль Бабаджанов и начинающий Петр Кирюхин.

А. Н. САМОЙЛОВИЧ О КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА

Гузаль ЭГАМБЕРДИЕВА

Александр Николаевич Самойлович родился 17 декабря 1880 года в Нижнем Новгороде в семье учителя. Окончив Нижегородский дворянский институт, поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и окончил его с отличием в 1903 году. В 1902 году предпринял свою первую научную поездку в Туркмению. В 1915 году защитил магистерскую диссертацию. А. Н. Самойлович написал свыше 100 трудов по истории узбекского языка, литературы, этнографии. В 1908 году ученый приехал в Хиву и занялся сбором произведений устного народного творчества, изучением письменной литературы, делая публикации в центральных изданиях России.

После 1917 года А. Н. Самойлович работал на факультете восточных языков Петербургского университета в звании профессора турецко-татарской словесности. В 1922 году был избран ректором ПИЖВЯ¹, а с 1934 года был директором института востоковедения АН СССР.

Побывав в находившихся в те времена во владении Хивинского ханства городах Куня-Ургенч, Порсу, Иланли, Актепе, Хива и других густонаселенных местностях, он записал множество легенд, сказок и песен, тщательно перевел их на русский язык, собрал множество ценных материалов о культурной жизни и литературной среде Хивинского ханства, которые затем опубликовал в русских издательствах, снабдив их соответствующими комментариями.

О своем пребывании в Хиве ученый писал: «...под руководством любимца хана, одного из лучших современных хивинских поэтов (он же врач) Ахмед Табиба, ознакомился с ханскими книгохранилищами и придворной литографией. <...> занимался в обеих ханских библиотеках в Арке и Таза баге, обращая главное внимание на рукописи, написанные по-турецки,

Гузаль ЭГАМБЕРДИЕВА. Родилась в 1976 г. в Хорезмской области. Окончила филологическое отделение факультета мировых языков Ургенчского госуниверситета. Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков факультета зарубежной филологии НУУз. Автор более 40 научных статей.

¹ Петроградский институт живых восточных языков.

дважды посетил ханскую литографию, приютившуюся на лето в садовом павильоне Таза бага. В Тазабагском кабинете его светлости я просматривал новые списки с разных рукописей и печатных изданий. По распоряжению хана мне вручили несколько ханских изданий, в том числе еще неоконченное последнее собрание 3200 газелей 32 современных хивинских поэтов.

Редактирует это издание Ахмед Табиб. В Таза баге я посетил лучшего в Хиве придворного каллиграфа, резчика печатей, отливателя пушек и часового мастера Худайберген дивана»¹.

Написанное свидетельствует о том, какой широкий спектр вопросов интересовал ученого, как тщательно изучал он культурную и литературную жизнь этого края. Ученый-востоковед отмечает, что слушал хивинских музыкантов, в частности, игру на тамбуре в сопровождении буламана Матьякуба-тамбурчи.

Посетив город Порсу, который считался центром Северной дастанной школы Хорезма, А. Н. Самойлович с гордостью сообщает: «Будучи в Порсу я слушал самого знаменитого в ханстве 58-летнего Суяв-бахши»².

Ученый записал множество сведений об эпосе «Гороглы» от Суяв-бахши, собрал материалы о знаменитых Аташ-бахши, Нурджан-бахши и Эшбай-бахши. Работа А. Н. Самойловича «Легенда о Коркуде и Керр-оглы» связана с этой поездкой.

По свидетельству ученого, у него были 4 рукописных варианта произведения Абулгазы Бахадурхана «Шаджараи турк» («Родословное древо тюрков»), среди которых самым совершенным был экземпляр, принадлежавший Ходжали-мудде, в котором говорилось о том, что у Коркуда было двое сыновей от дочери шаха Кинака Хилалы. Второго сына звали Равшаном, к нему однажды во сне явился пророк Али и завещал силой убеждения, личным примером и даже с помощью оружия распространять исламскую веру. В то время в Иране правил Араб Рейхан. По велению верховного божества Тангри фортуна отвернулась от Араба Рейхана, а Равшану улыбнулась удача.

Приведенные в данной легенде образы Равшана, Араба Рейхана, Хилалы (в эпосе «Биби-Хилал») имеют аналоги в эпосе «Гороглы», на основании чего можно предположить, что данная легенда легла в основу эпоса «Гороглы».

В Хиве А. Н. Самойлович записал отрывок из песни «Хорезм-наме» о завоевании Хорезма, который опубликовал в русском переводе в 1910 году в Санкт-Петербурге.³

Комментируя эти отрывки, А. Н. Самойлович пишет: «Несколько хивинских поэтов и поэтесс излили, по рассказам, свои патриотические чувства в стихах <...> Мне посчастливилось раздобыть только два отрывка стихотворения-песни «Хорезм-намэ» <...> Оба отрывка относятся к началу стихотворения и показывают, что это произведение неизвестного

1 Самойлович А. Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 году. / Известие Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении. – СПб., 1909, № 9, с. 21-22.

2 Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 году. / Известие Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении. – СПб., 1909, № 9, с. 21-22.

3 Два отрывка из «Хорезмнаме». ЗВОРАО, Т. XIX, – СПб., 1910.

<...> народного поэта, переходя из уст в уста, успело уже разбиться на варианты. Отрывки записаны для меня двумя хивинцами по памяти».

Хотя произведение неполное, не представляет особой трудности понять его смысл: всенародная скорбь и страдание по поводу завоевания Хорезма. А. Н. Самойлович в своем предисловии излагает гипотезу о существовании недошедших строк, в которых выражается горький упрек всем мусульманам, не поддержавшим вовремя друг друга. Это предположение ученого не лишено определенного смысла, поскольку в конце второго отрывка есть строки: «Кабы единоголосны были все мусульмане...», подтверждающие гипотезу А. Н. Самойловича. Данные стихотворные отрывки освещают многие «белые пятна» в истории Хорезма. Что же касается самого перевода, то следует отметить, что А. Н. Самойлович не ставил целью создать художественный перевод, текст передан дословно.

Ученый-востоковед сумел адекватно передать значение слов и общий смысл отрывков. Однако в отдельных фразах и сочетаниях допущены некоторые неточности. Например, начальные мисры первой строфы связаны структурным параллелизмом: образы весны и осени. Весна олицетворяет период независимости, а осень – период колониального гнета. Поскольку А. Н. Самойлович перевел эти мисры дословно, главный смысл остался нераскрытым.

Значение первой строфы второго отрывка тоже передано весьма абстрактно. По восточному обычаю чин, звание предоставлялись человеку согласно его происхождению. Люди из рода рабов высоких должностей не занимали. По этой причине здесь слово «раб» дано не в значении «низкого происхождения», а в значении «зависимый, несвободный». При переводе это обстоятельство осталось незамеченным.

БАСНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ «ИСКРОВЦЕВ» (вторая половина XIX века)

Го Тяньюй

Басня в справочной литературе определяется как «короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» (Лит. энци. словарь 1987: 47). По самой своей природе басня нацелена на прямое поучение, прославление какого-то хорошего качества и посрамление порока. Возникла она как серьезный дидактический жанр, но ко второй половине XIX века приобрела черты комические и сатирические, так как в основе басенного рассказа – «всегда бестолковое происшествие, которое от противного предполагает некую нравственную истину». В сатирической басне поучение менее явно, а назидательность нивелируется юмористическим характером ситуации. Однако «по формальным признакам басня – один из самых консервативных литературных жанров»: подчеркнуто неправдоподобный сюжет, мораль как обязательный элемент и т. п., однако авторы басен выходят за традиционные рамки, находят оригинальные сюжеты, выбирают новые объекты для сатирического высмеивания, варьируют обязательные элементы басенной формы.

Достаточно известно в литературоведении басенное творчество И. А. Крылова, в произведениях которого данный жанр приобрел законченный, отточенный вид и стал популярным сатирическим жанром. Малоизвестно и малоисследованно басенное творчество поэтов-«искровцев», сатирические произведения которых печатались в популярном во II половине XIX в. журнале «Искра» (1859-1873 гг.).

Басня достойна похвалы за краткость, иносказательность, нравоучительность, обличительный характер и т. д. Однако в исследовательской и критической литературе встречаются иногда и негативные мнения о басне. Известны, к примеру, неодобрительные высказывания писателя и критика К. С. Аксакова, который писал, что «басня вообще есть самое жалкое явление литературное... Этот двойственный характер анекдота и сентенции, часто вовсе не нравственный, совершенно противоречащий художественной целостности, это переодевание в звериные и всякие образы своей мысли, этот хмельной маскарад, столько унижающий свободную душу человека, – все это придает басне не художественный и не совсем живой характер, а характер рабский

Го Тяньюй (Guo Tianyu). Родился в 1989 г. в Китае (Хэйлунцзянь), окончил магистратуру при Ташкентском педагогическом университете им. Низами, учится в докторантуре при УзГУМЯ. Живет в Ташкенте. Автор 9 научных статей.

(Аксаков 1995). Жесткая оценка К. С. Аксакова позволяет по-другому взглянуть на басню и увидеть в жанре новые черты. Как видим, он квалифицирует как отрицательные именно те особенности литературного произведения, которые выдвигались М. М. Бахтиным в качестве его неоспоримых достоинств, – глубокую связь с народной смеховой культурой, с эстетикой карнавала. Однако К. С. Аксакову было необходимо разнести басню в пух и прах для того, чтобы обозначить ее вклад в систему русской литературы: «Но она в нашей литературе нашла важное значение, как некогда мысль раба, не смеющая высказаться явно, бежала в басню и там нашла себе убежище». К. С. Аксаков подчеркивает, что басня закрепилась в русской литературе не случайно, что жесткость цензуры, запреты на свободное высказывание своих мыслей, существовавшие в российском государстве практически на всех этапах его развития, требовали от мастеров слова поиска оригинальных способов представления на страницах печати своих мыслей и взглядов, и басня явилась важным сатирическим орудием, способствующим иносказанию.

В XIX в. к жанру басни обращались В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, А. М. Жемчужников, при этом каждый из сатириков по-своему дополнял этот жанр.

В. С. Курочкин со свойственной ему любовью к пародии создает басню пародийного содержания, например, «Быль» (1859) с подзаголовком «Правдивая басня». Это, во-первых, по словам автора, «Вольное переложение в стихи прозаической “Были” г-на Миллер-Красовского» (автора книги «Основные законы воспитания», в которой проповедуется строгое религиозное воспитание, основанное на полном подчинении детей и допускающее физические наказания «для блага воспитанников»), а во-вторых, – «Подражание басням и сказкам поэта Бориса Федорова» (одного из авторов многочисленных детских произведений, в которых основными положительными качествами детей объявлялись послушание, приспособленчество, угодливость и т. п.). Басня В. Курочкина посвящена педагогической тематике, направлена против псевдопедагогики, основная цель которой – сломать непокорный молодой характер воспитуемого, сделать всех детей одинаковыми, даже в мелочах и, главное, воспитать их легко управляемыми.

Басня выстроена нетрадиционно. Аллегорическое начало в ней ослабленно за счет того, что героями являются не животные, а люди – обычная, «средняя» семья, в которой секут детей и удивляются, почему в итоге в них «все росли ужасные пороки – / И своеволие и лень». Для усмирения детей нанят учитель, «в котором долгий опыт / Умел бы обуздать / Греховной воли ропот». Главный же «страшный грех», который приходится мудрому учителю выбивать из наиболее непокорного мальчика Пети, – то, что Петя не хочет вместе со всеми «пить кофий». Таким образом, от традиционной басни в данном произведении остался только прием преуменьшения основания для физического наказания. Тем самым автор подчеркивает его бессмысленность. Басней в полном смысле это произведение собственно и нельзя назвать, это скорее пародия. Еще один элемент пародии здесь – воспроизведение в стихотворении безграмотной манеры письма г-на Миллер-Красовского. Сама форма басни – результат пародирования творчества «поэта Бориса Федорова», так как эта форма была широко распространена именно в назидательной детской литературе невысокого качества, одним из авторов которой был Федоров.

Ничем не прикрытая назидательность, обязательная аллегорическая форма, сама цель – внушить детям верноподданнические настроения,

покорность, скорее всего, делали басню неприемлемой для В. С. Курочкина. Приведенный пример, по сути, представляет собой пародию на басню как жанр, а вместе с нею – на всю детскую литературу того времени, в которой произведения авторов типа Бориса Федорова изучались более активно, чем сказки А. С. Пушкина, и целью которой было не всестороннее развитие личности ребенка, а искоренение неудобных воспитателям, родителям и представителям власти качеств: самостоятельности суждений, свободы мысли, стремления к независимости, критического восприятия действительности.

Басни Д. Д. Минаева более близки к классическому пониманию жанра. К примеру, басня «Добрый пес» (1865 и 1867) построена на аллегории, ее герой – собака. Пес был привязан «к тяжелой конуре» и просил хозяина отпустить его, но, когда тот внял просьбе:

*На шаг не отходил
От конуры и на цепь вновь просился,
Как будто с ней спокойствия лишился.*

Классическое построение басни нарушает только ее мораль. Этот обязательный элемент присутствует, но построен необычно:

*Так ты, газета «Голос»... но едва ль
Здесь нужно пояснять мою мораль.*

Д. Минаев предлагает читателю самому полно сформулировать мораль этой басни, надеясь, что читатель способен ее осмыслить. Для басни, как дидактического жанра, это предложение неожиданно, ведь обычно автор басни старательно внушает готовую мораль. Здесь же предлагается мыслить самостоятельно. В стихотворении описана актуальная на момент его написания ситуация. Ее можно было отнести и к освобождению крестьян, многие из которых, как показали прошедшие после реформы годы, тяготились полученной свободой и не хотели пользоваться своими новыми возможностями. Однако автор относит эту ситуацию к газете «Голос», выходявшей с 1863 года и ставившей целью «умеренный правительственный либерализм». В ней обосновывалась, защищалась, пропагандировалась и претворялась в жизнь программа правительственного либерального лагеря. Читателю предлагалось поразмыслить не над простой проблемой привязанности крестьян к помещикам и их нежелании свободы, а над сложной – соотношением идеи умеренных буржуазных реформ с идеей истинной свободы. Кстати, эта «опасная» прогрессивная идея послужила, наверное, причиной того, что басня «Добрый пес» не была опубликована сразу после написания.

Д. Минаев обращался к жанру басни не часто. В «Современной басне» (1882) автор опирается на классический сюжет о вороне и лисице. Ворона выступает в тексте как «хищница», которой «где-то бог / Послал с начинкой вкусною пирог...». Узнав, что «пирог казенный», читатель начинает понимать, что ворона – олицетворение чиновника-казнокрада. Лиса в басне – «известная юристка и софистка» – предлагает вороне защищать ее в суде, «когда вперед заплатишь мне немалый / За это куш». История заканчивается вполне традиционно:

*Попала скоро хищница в острог
И о таком «пассаже»
Скорбела день и ночь, совсем лишившись сна,
Лиса же
Осталась в барышах одна.*

Мораль басни направлена не против хитроумной лисы, обманувшей казнокрада-чиновника, а против чиновника:

*Как вора ни зови – шакалом иль вороной,
Узнают все однако, кто вор оный.*

Басня построена более традиционно, чем «Добрый пес», неожиданна лишь адресация порицания. Сатирика возмущает мздоимство и казнокрадство, широко распространенные в системе государственного управления на всех уровнях. Подчеркивают его негодование слова басни:

*Ворона знала, странствуя по суше
И по воде,
Что раздавать такие куши
Приходится везде...*

Неожиданность морали, направленной не против лисы, обманувшей наивную ворону, призвана привлечь внимание читателя, удивить, заставить задуматься. Нарушает канон басни и отсутствие положительного героя: обычно в басне два героя, один из которых заслуживает порицания, другой – похвалы или защиты, здесь же негативные действия совершают оба персонажа.

А. М. Жемчужников написал достаточно много басен, но не от своего имени. Образ Козьмы Пруtkова прекрасно сочетался с требованиями басни как жанра: /«Стан и голос» (1851), «Червяк и попадьа» (1853), «Звезда и брюхо» (1854), «Чиновник и курица» (1855), «Помешик и садовник» (1855), «Помешик и трава» (1855)/.

Басни Козьмы Пруtkова – особое явление в реализации данного жанра в русской литературе. Сама маска – Козьма Пруtkов – «остроумная глупость» как черта этой литературной личности обусловила новую интерпретацию басни.

Основной чертой басен Козьмы Пруtkова, написанных А. М. Жемчужниковым, является нарочитая серьезность. Козьма знает, что басня – это дидактический жанр, и с готовностью поучает с ее помощью окружающих. Он не просто говорит в басне, он вешает, несет истину в последней инстанции, старается доказать свою «мудрость». Козьма не понимает, что басня – сатирический жанр, для него это жанр дидактический: он учит, поучает, наставляет.

Басня «Червяк и попадьа» выглядит как настоящая издевка над жанром и над поклонниками Козьмы Пруtkова. Кажется, что автор выбрал самый неподходящий и незначительный объект рассмотрения, низкий, недостойный: «Однажды к попадье заполз червяк за шею». Эта чисто бытовая ситуация начинает развиваться: попадьа просит лакея достать червяка:

*Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» – «Я червяка давлю».*

И совсем неожиданно выглядит мораль (никак не выделенная в тексте, слитая с основной частью):

*Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею.*

Чему призвана научить эта басня? Какой мудрый смысл она содержит? Вряд ли это известно даже автору. Однако тон, которым Козьма дает наставление, очень серьезен, и именно эта серьезность, создающая контраст с пустяковостью ситуации, формирует комический эффект. Подобные произведения – часть пародийной маски Козьмы – маски человека недалекого, но считающего себя очень умным. В образе Козьмы Пруtkова пародируются те малообразованные обыватели, которые считают себя очень мудрыми и готовы всех и вся поучать, при этом любят и гордятся собой.

Исследователи отмечают, что «формально произведения Козьмы Пруtkова остаются в границах жанра басни, тем не менее в них множество нарушений жанровых норм»: излишняя краткость или, длительность басни; отсутствие героя-животного, наделенного голосом, и т. п. В басне «Стан и голос» само название указывает на еще одно нарушение канона: героями являются не животные, а стан (фигура) и голос. Сюжет прост: «какой-то становой, собой довольно тучный», послушав дивное пение горлицы, предполагает, что голос – прекрасное качество, которое очень ему пригoдилось бы. Но горлица думает иначе:

*А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».*

Мы видим здесь метафорическое обыгрывание омонимов – стан как фигура и стан как занимаемый пост, на этом каламбуре и построена басня. Мораль, которая предваряет стихотворение, не помогает понять, какой «глубокий» смысл заложен в сопоставлении стана и голоса:

*Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.*

Читатель осмысливает мораль в силу своего понимания, но однозначно то, что «прославляется» умение человека занять высокий пост, как высшая ценность обывателя – искусство устроиться в жизни, принижается значимость всех остальных ценностей. Из каждой басни читатель узнает что-то новое о Козьме Пруtkове, его жизненных ценностях и начинает воспринимать эту литературную маску как реальную личность.

А. М. Жемчужников старается найти для басен Козьмы Пруtkова самых странных, самых неожиданных героев, что подчеркивают стандартные названия стихотворений. К примеру, в басне «Звезда и брюхо» брюхо гуляет в постный день по саду и ждет звезду, чтобы накормила его. Звезда же играет в прятки и даже падает в болото, лишь бы ее не увидело брюхо. Сюжет не предполагает какого-то однозначного толкования и явной морали, в большом по объему тексте морали автор подробно (хотя и весьма путано) объясняет, что смысл басни в превознесении службы исполнительности и старательности.

Высокое положение, согласно этой морали, позволяет нарушать общепринятые правила:

*Сам, будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?*

Средством создания комического эффекта здесь становится каламбур, основанный на обыгрывании двух значений слова звезда – небесное тело и государственная награда, например, орден святого Станислава.

В басне автор актуализирует такое качество Козьмы Пруtkова, как чиновничье почитание, такую ценность в его аксиологической картине мира, как служебная карьера, . Точно обозначается и цель карьеры государственного чиновника: не служба Отечеству и его гражданам, а получение привилегий для себя, позволяющих «в день постный, в день скоромный» быть сытым.

Чаще всего герои басен А. М. Жемчужникова – люди, что нарушают канон аллегоричности и использования образов животных, носителей определенного качества человека. Животные, если и фигурируют, то призваны скорее соблюсти внешний канон жанра, значимой роли в развитии сюжета не играют. Один из излюбленных героев басен Козьмы Пруtkова – помещик. В басне «Помещик и садовник» герой-помещик дает указание садовнику:

*Ефим!
Блюда особенно ты за растением сим;
Пусть хорошенько прозябает.*

Сюжет построен на каламбуре: садовник неправильно понял слово прозябает и заморозил растение. Данная басня интересна полным несоответствием морали содержанию произведения:

*Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит «прозябает».*

Это мораль дана от лица помещика, самодовольного, кичащегося своим положением, достатком, считающего, что весь мир для него, он достоин лучшего, а крепостные – только фон, вещи, обеспечивающие его безбедное существование.

Помещик, настоящий бездельник, «вязал набрюшники родным». Высмеивается праздность и внешний вид помещиков, обладающих большим «брюхом».

В басне «Помещик и трава» А. М. Жемчужников изображает другого помещика – молодого, деятельного, либерального, выставляющего напоказ дружеские отношения с крестьянами:

*Друзья, меж нами связь –
Залог утечи;
Пойдемте же мои осматривать поля!*

В данной басне тоже использован прием каламбура. Узнав, что ему принадлежит «timoфеева трава», помещик искренне возмутился:

*Корысть мне недоступна;
Чужого не ишу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!*

Обыгрывается наименование травы тимофеевки и пародируются излишне пламенные выступления либералов за права крестьян. Никчемность повода к возмущению у помещика контрастирует с его многословием.

Действительно, помещики накануне реформ 1861 года разделились на два лагеря: представитель первого – традиционный бездельник – изображен в басне «Помещик и садовник», представитель второго – либеральный пустозвон – в басне «Помещик и трава». А.М. Жемчужников показывает, что второй тип, при всем внешне выгодном отличии от первого, мало отличается. Пустые слова не меняют ситуацию, не делают крестьян более свободными и образованными, не облегчают их жизнь и труд. Сатирик высмеивает класс помещиков, архаичный, не соответствующий требованиям России второй половины XIX века.

Гипертрофированная назидательность басни Козьмы Пруткова носит пародийный характер. А. М. Жемчужников понимает, что басня как назидательный жанр во второй половине XIX века изжила себя и годится только для шуточного использования, например, от лица Козьмы Пруткова.

В его басне «Чиновник и курица» – еще один пример отступления А. М. Жемчужникова от канона жанра и попытка снизить назидательность басни. Читателю предлагается самому извлечь мораль из рассказанного сюжета:

*Разумный человек коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.*

Создается впечатление, что поэту хочется расширить рамки басни, вывести ее на новый уровень. Читатель сам должен понять идею произведения, а не ждать от автора готового решения. Сюжет басни довольно прост: чиновник спешит на службу, боясь опоздать, и встречает курицу, которая никуда не спешит и предлагает чиновнику то же самое. Здесь обыгрывается слово нестись:

*Завидовать тебе не стану я никак:
Несусь я точно так!
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!*

Какова же мораль этой басни? Думается, ключевой является фраза «Несусь я точно так!», то есть сатирик показывает бессмысленность бурной деятельности чиновников, за хлопотами и суетой которых скрывается пустота и бесполезность.

В целом жанр басни во второй половине XIX века теряет актуальность. Авторам не хватает в басне простора для свободного высказывания своего мнения, их связывают строгие каноны жанра. При этом преемственность басенной традиции проявляется в прекрасном знании ее сатириками и применении в случае необходимости, а новаторство заключается в рождении новых пародийных форм, нарушений классических канонов, новой формулировке морали и пр.

АНТИУТОПИЯ И ПАНДЕМИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Татьяна АВДОНИНА

Тесная взаимосвязь реальной жизни и художественного творчества общеизвестна. При отражении действительности происходит ее сознательная трансформация в условные формы искусства при «невольном» перенесении отдельных фактов и элементов реальности в произведение. Литература XXI века во многом связана с громадным миром мегаполиса, в котором у человека, благодаря технократической цивилизации, происходит подмена реальной жизни виртуальной, потому что большую часть своего времени он проводит с телефоном или компьютером, что притупляет естественные человеческие чувства, делает их искусственными и безответственными. Отсюда происходит коренное изменение понятий добра и зла, а лейтмотивом художественного творчества становится экзистенциальное, вселенское одиночество.

В пространстве нарастания негативных тенденций большое распространение приобретают романы-антиутопии, которые разоблачают несостоятельность административно-бюрократической модели общества. В таких фантастических произведениях может передаваться в жанре магического реализма, герои чаще всего представляют собой условные типажи, аллегорические маски, – вот почему эту прозу нельзя считать объективно реалистической, но автор целой системой иносказаний выражает свое отношение к власти. Эти проблемы становятся чрезвычайно актуальными в период глобальных кризисных ситуаций, степень распространения которых охватывает большую часть человечества и затрагивает все структурообразующие элементы общества. В 2020 году вирусная инфекция привела все страны к опасному неустойчивому состоянию и четкому пониманию того, что решить проблему известными, привычными способами невозможно. Это реальное событие привело к обострению восприятия ранее написанных художественных произведений, в которых апокалипсическая картина мира выстраивается как результат вирусной эпидемии, а текст антиутопии воспринимается как пророческое предсказание современной пандемии.

Татьяна АВДОНИНА родилась в Ташкенте в 1952 году. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала в Гулистанском педагогическом университете и ТГПУ имени Низами. Автор многочисленных статей по проблемам современного литературоведения.

Роман Артёма Горехова «Игра в открытую»¹ печатался частями в интернетовском самиздате в 2016 и имел первоначальное название «Вирус»². На фоне современной коронавирусной инфекции напрашивается постоянное сопоставление деталей вымышленного романа с конкретными обстоятельствами эпидемии наших дней (локализация, масочный режим, высокая смертность у людей с хроническими заболеваниями). Автор сразу вводит нас в атмосферу современной технократической цивилизации, где повышенная информативность и виртуальный способ общения приводят к духовному равнодушию. Сетевые сообщения требуют эффекта фразы, формальная игра словами лишена внимания к конкретному человеку, привычные вещи подаются в неординарных комбинациях, в результате чего происходит постоянное варьирование смысловых модификаций. В этот искусственный мир инсталлирующий вторгается конкретное природное явление – вирус, который вначале воспринимается на уровне забавных масок «с принтом улыбающихся губ или усов»³ – стремления к визуальным эффектам с непременным фотографированием и размещением в интернете.

Смертельный вирус показал могущество и власть природы, необходимость подчиняться ее жестким законам, перед которыми все одинаково равны. Он приводит к идее детерминированности (причинной обусловленности всех явлений) человеческого существования, жестокой и неизбежной. Эта детерминированность имеет всеприродный характер, и человек как часть всеобщей жизни не имеет возможности выйти из-под власти законов природы. Трагедия героев в том, что смерть не вытекает из их деятельности, ею не предусматривается, она не входит в их расчеты. Тогда как от вируса болели и умирали все, улицы опустели, «изоляция больных не помогала остановить эпидемию» и поверхностный фактор интернета уже воспринимался как спасение – он «создавал иллюзию общения» с еще живыми людьми, а постепенно уменьшающееся количество лайков стало скорбным показателем числа умирающих.

Апокалипсическая картина нарисована автором достаточно прямолинейно с последовательным исчезновением всех признаков цивилизации, без электричества перестал существовать и ее главный компонент – интернет. «Теперь можно было жить иначе: выходить из дома, гулять по городу, гонять на любых машинах, бродить по темным выставочным залам и кинотеатрам... но все это потеряло смысл... Нет паспортов, дипломов колледжей. Мы теперь никто. Мир рухнул со всеми его устоями, и наши жизни потеряли смысл». Характерно, что сквозным лейтмотивом еще до эпидемии является фраза: «Мне все до лампочки!». Это фактически и реализуется в опустевшем городе. Условные виртуальные друзья существовали только в плоскости монитора, у них не принято было спрашивать о здоровье, а серьезная информация вызывала однозначную реакцию: «Меня это не касается». Разрушив привычный мир, вирус доказал обратное.

В хаосе общечеловеческой трагедии автор делает акцент на идеях анархизма, освобождающих личность от всех разновидностей власти: это и абсолютная свобода личности, и анархистский террор, и религиозный

1 Горехов А. Игра в открытую. Фантастический роман // Звезда Востока. – 2020. – №5, №6.

2 https://fictionbook.ru/author/artiom_andreevich_gorohov/virus/read_online.html

3 Цитаты из журнального варианта романа А. Горехова.

мистицизм. Философская составляющая романа не является его сильной стороной, потому что жить всеобщей любовью, без границ и понятий собственности после разрушения государства оказалось невозможным, но и принять создание новой цивилизации, построенной на военной силе, главные герои отказались. Название романа – «Игра в открытую» – связано с прямым признанием диктатора в том, что власть искусственно формирует негативные обстоятельства, чтобы продемонстрировать собственную силу, и убедить народ в необходимости властных структур. Вирус в данном случае стал средством «обуздания чересчур умного населения», но и он выходит из-под их контроля. Вопрос о дальнейшем пути развития остается в произведении открытым.

Той же проблеме посвящен роман Ивана Зорина «Время сомнамбул»¹, написанный в 2017 году и опубликованный уже после его смерти (умер писатель в марте 2020 года). В контексте обозначенных проблем это произведение с более сложной картиной мира, многозначной метафоричностью, соединением реальности и ирреальности. Действие происходит в небольшом городе на Крайнем Севере, в котором распространилась не совсем обычная болезнь – лунатизм. Источник болезни неизвестен, способы лечения остаются загадкой, способ заражения – контактный, скорость инфицирования – высокая, но дети и подростки не подвержены заболеванию, в то время как обычный лунатизм свойственен именно им. Весь роман представляет собой постепенно разворачивающуюся цепочку событий в борьбе с этой инфекцией – от наблюдений за единичными фактами, первоначального нежелания признать серьезность происходящего до формирования общечеловеческой катастрофы с серьезными трагическими последствиями.

Инфекция в романе носит условный характер и является аллегорическим выражением механистичности и невыразительности жизни человека – сомнамбулизм сохраняет ежедневно повторяющиеся привычные инстинкты, но приводит к слабоумию и разрушению человеческой личности как таковой, о чем свидетельствуют потеря памяти и восприятие себя в третьем лице. Врач, заболевший лунатизмом, пока еще в трезвом уме, осознавал привычный ход вещей: еще мог надеть штаны и застегнуть ремень. А ожидаемое ослабление памяти и невозможность философски осознавать жизнь уже наблюдались и до болезни: разве не стал он равнодушным в этой северной дыре, разве не свыкся он с бессмысленностью своей жизни и не перестал задавать себе вопрос, почему до сих пор не застрелился? В конце концов он соглашается с точкой зрения учителя на эту странную эпидемию: «природа устроила мудро, допустив тысячи возможных вариантов существования, и жить можно по-всякому... разве требуется отличать сон от яви, чтобы исполнять повседневные обязанности? Все доведено до автоматизма. Работа, однообразная, как и все работы на свете, дом, в котором единственное средство от скуки – телевизор. Такую жизнь может вполне вести и лунатик». Думается, что в этих словах и выражено авторское трагическое осознание жизни человеческого общества.

Социальная сторона всего происходящего связана с властью и теми организационными мерами, которые она предпринимала в отношении

¹ Зорин И. Время сомнамбул. //Дружба народов. – 2020. - № 5. (Электронный ресурс). – URL: <https://magazines.gorky.media>

больных людей. Во-первых, их сразу обозначили не поименно, а скопом, называя отвлеченным понятием «они», или «изолированные», а потом и индивидуально пронумеровали. Во-вторых, была рекомендована в приказном порядке строгая изоляция от общества в особом лагере, которая осуществлялась «крепкими парнями в черной форме... под руководством своего начальника-майора, толстяка с красным одутловатым лицом». Все делалось жестко: с отключением интернета, электронной почты и средств междугородней связи. Любое упоминание о сомнамбулах не допускалось, а возникающие вопросы родственников о состоянии больного считались бестактными. Лагерь представлял собой «черную дыру» с характерными признаками: неприятный запах и полное отсутствие санитарии. Если в начале эпидемии умирали от вируса, а умерших сжигали, скрывая их смерть от родственников, то впоследствии их стали отстреливать при малейшем подозрении на сопротивление.

В романе четко обозначена бесчеловечность отношения городских властей как к больным людям, так и к здоровым жителям. Главным для чиновников всегда являлся закон отчетности перед вышестоящим начальством: привлекли солдат, оградил лагерь, ограничили передвижение по городу, в критический момент изъяли личный транспорт, приказали даже стрелять – и все это предпринималось как бы ради спасения людей. Больные превращались в оборванных, голодных и одичавших нелюдей, которых врачи сторонились, а жители города существовали в страшной панике перед непонятным вирусом: «Они ждали, сами не зная чего, но непременно ужасного, неотвратно надвигавшегося, – апокалипсиса, не меньше». Очень современно звучит в романе усмешка одного из солдат, которому приказано соблюдать дистанцию не менее 10 метров: «Вирусы передаются воздушно-капельным путем. И никак иначе. Может, нам еще химзащиту надеть вдобавок к противогазам? Чтобы выглядеть как средневековые врачи в зачумленных городах – в носатых масках и долгополых балахонах?»

В эту картину апокалипсического мира ассоциативно вписываются некоторые традиционные классические герои и обстоятельства. Во-первых, образ священника, который связывает лунатизм с божьей карой за грехи человечества. Эта идея подогревается непонятным происхождением вируса и тем страхом смерти, который всегда выводит на веру в Бога. В экстремальных ситуациях одни молятся за спасение, другие упрекают божественные силы за подобные допущения. Священнику в романе возражает учитель, который произносит традиционную фразу, характерную для всех сомневающих: «Если бог всемогущ, то как допустил эпидемию? И почему не прекратит ее? Не может? Тогда какой же он всемогущий? Либо – либо, закон исключенного третьего». В этой связи вспоминается роман А. Камю «Чума», в котором доктор рассуждает на подобную тему: «Раз порядок вещей определяется смертью, может быть, для господ бога вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращая взоры к небесам, где царит молчание»¹. Эти мысли – реакция неравнодушных людей на человеческое страдание. Священник был единственным, кто намеренно попал в лагерь «зачумленных» с целью помочь нуждающимся, но его воля

¹ Камю А. Избранное. (Чума). – М.: 1990. – С. 208.

оказалась сломленной гнетущими обстоятельствами лагеря – пропала жалость к больным, остался только страх за себя. Однако окончательные выводы, которые он делает, говорят о чистоте его помыслов: «...хотел перед Богом выслужиться, мол, вот какой я герой, ничего не побоюсь, все сделаю в Его славу. А Богу служить надо, а не выслуживаться, он ведь и сам все видит». Священник безропотно принимает огромную ношу, возложенную на него Богом: нести ответственность за тех, кто попал в беду, быть «пастырем, зрячим, поводырем среди слепцов». Новое общество может быть построено только тогда, когда люди будут жить не на принципах наживы и золотого тельца, а на «сваях добродетели и человечности». Теряя в тяжелых жизненных условиях уже четкое осознание веры или окончательного безверия, он сумел сохранить чувство любви к ближнему, только с любовью он «жил в полной мере сегодняшним днем».

В романе дается философское осознание происходящих событий, которое неизменно возникает в переломные, кризисные моменты. Эта линия связана с образом учителя. Он с самого начала проповедовал лояльное отношение к сомнамбулам и высказывал идею природного происхождения «дробного сна», или жизни с отключенным сознанием, возникающей под воздействием каких-то определенных обстоятельств (птица-фрегат в длительных перелетах, волки на бегу и даже солдаты во время войны). Его размышления о данной болезни вели к широким философским обобщениям, опирающимся на учение Будды, который считал, что «большинство людей проводит жизнь во сне, делая все по инерции, автоматически». Учитель предлагает – прежде, чем искать выход, надо разобраться в сути вопроса. Большинство людей живет в повторяющемся заданном алгоритме, выработанной годами привычке, что соответствует сну наяву, а это приводит к отказу принимать самостоятельные решения, разумно оценивать происходящее. В результате возникает «стремление к покою, в сущности, к небытию», сомнамбулы «доводят наше желание до логического конца... Да, в каком-то смысле весь мир состоит из сомнамбул, к этому выводу я и подвожу». Иными словами, и здоровыми и больными людьми руководят врожденные или приобретенные навыки, которые обостряются во время эпидемии, заставляя иначе взглянуть на прошлое и настоящее.

Образ мэра города – характерный пример всей чиновничьей системы, для которой индивидуальные личности теряются в общем потоке наиболее важной отчетности перед начальством. Но в катастрофичности происходящего мэр смог увидеть глаза отдельных людей, охваченных страхом, «безумные, страдальческие, шальные, испуганные, сочащиеся отчаянием, глаза, ищущие надежду, обреченные вскоре превратиться в стеклянные, как у сомнамбул». Он стал частью брошенного города и, уже как его часть, осознал, что «каждый в любой момент может оказаться ненужным... в обычной жизни по большому счету никто никому не нужен, в ней ни у кого нет друзей, кроме собственной тени». Вирус показал, насколько искусственным оказался порядок и прочность социальной структуры, где все держится «бог знает на чем» и рушится как картонный домик.

Проснувшееся чувство ответственности мэра перед людьми противопоставляется позиции губернатора, который по мере распространения вируса просто уничтожал город, не разбирая больных и здоровых, приказывая

стрелять во всех, пересекающих ограничительную черту («даже в муху, даже в комара»), пафосно обосновывая свою жесткость спасением остального края. Его главное преступление заключается в пассивном наблюдении за содомской трагедией и в ожидании гибели пожиравших друг друга сомнамбул. В этом аду у больных людей обнажились тайные глубины их подсознания, не стесненные ни страхом смерти, ни нормами человеческого поведения. Это был полный разгул неразборчивого насилия и каннибализма, вызванного попыткой агрессивных лиц управлять бессознательным стадом в борьбе за пищу. Преступный эксперимент (использовать заторможенное состояние людей в своих интересах) закончился полным провалом: сомнамбулы предпочли мир действия, в них проснулся зверь, которого возбуждал вид крови, для них не существовало своих или чужих, «пожирать ближнего» стало физической потребностью.

Страшный апофеоз происходящего не приводит ответственных лиц к аналитическому рассмотрению причин и следствий трагедии, человек от власти всегда остается сторонником сокрытия «черных мыслей». Единственной заслугой губернатора уже после исчезновения вируса стало верно сформулированное обобщение: «Разве то, что мы построили, все эти переполненные города не скопление одиноких лунатиков и разве наша цивилизация не цивилизация сомнамбул?» Но чиновник взял верх над здравомыслящим человеком, и все снимки, все доказательства произошедшего были уничтожены, а вместе с ними уничтожена возможность обретения смысла. Автор остается верен себе, когда говорит об общесистемном кризисе и невозможности преодолеть его, по крайней мере, в настоящем времени.

Рассмотренные романы-антиутопии являются попыткой «осмыслить бытие», найти внутреннюю взаимосвязь между трагедией сегодняшнего дня и ошибками в социальной структуре общества. Значительная часть вопросов, заданных героями этих произведений, формулирует основные базисные ценности, на которых держится государственная машина. Экстремальные обстоятельства эпидемии явились лакмусовой бумажкой, обострившей негативные элементы. Требуется тщательный анализ составных частей общественных институтов и их корректировка в интересах всего человечества.

КОНФЛИКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ДЖУМПЫ ЛАХИРИ

Наргиза АЛИМОВА

Художественное произведение представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, полная смысловая и эстетическая значимость которых обнаруживается только при условии рассмотрения поэтического высказывания как неразрывного единства формы и содержания.

Поэтический мир художественного произведения во всей его полноте – с пространственно-временными параметрами, героями, стихиями природы и общественными явлениями, действиями, высказываниями и переживаниями персонажей, авторским сознанием и пр. – существует не как беспорядочное нагромождение составляющих элементов, а как стройное, художественно целесообразное пространство, в котором можно и должно выделить некий организующий стержень.

Таким универсальным стержнем принято считать коллизию или конфликт. Конфликт – это основа «художественной формы произведения, развития его сюжета. Конфликт и его разрешение зависят от концепции произведения»¹. Оба функционирующих в литературоведении термина происходят от латинских синонимов «collisio, conflictus (столкновение, противоречие). Разница в их значении и назначении малоощутима и трактуется разными исследователями по-разному»². Специфическим содержанием конфликта является борьба между прекрасным, возвышенным и безобразным, низменным.

Одни считают первое понятие более широким, поглощающим второе, имеющее открытый, откровенно антагонистический и, следовательно, эстетически менее специфический характер, а потому используемое для обозначения реальных социокультурных противоречий, отразившихся в художественном произведении; другие – наоборот.

Известный американский теоретик Л. Козер под конфликтом

Наргиза АЛИМОВА. Родилась в 1969 году в Ташкенте. Окончила факультет русского языка и литературы Республиканского педагогического института русского языка и литературы. И. о. доцент кафедры русского литературоведения факультета зарубежной филологии НУУз им. Мирзо Улугбека. Автор учебников, учебных пособий по истории мировой литературы, имеет 60 научных публикаций.

¹ Краткая литературная энциклопедия в 9 т. Т. 3. – М., 1996, с. 656-658.

² Буртовая Е.В. Конфликтология. Учебное пособие. – М., 2002, с. 45.

понимает «...борьбу за ценности и притязания на определенный статус, власть и ресурсы, в которой целями противника являются нейтрализация, нанесение ущерба или устранения соперника...»¹.

Это определение раскрывает конфликт в большей степени и с литературоведческой, и с психологической, и с социологической точек зрения, ибо его сущностью, по мнению автора, выступает столкновение ценностей и интересов различных социальных групп.

Другой исследователь Л. Г. Здравомыслов определяет конфликт как «важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе. Это явное или скрытое состояние противоборства расходящихся интересов, целей и тенденций развития, прямое и косвенное столкновение различных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому цельному единству»².

Схватка между персонажами литературно-художественного произведения или между персонажами и средой, героем и обстоятельствами, противоречие внутри сознания героев – есть конфликт. Характером конфликта определяется своеобразие эстетического содержания произведения. Термин «конфликт» в литературоведении значительно потеснил и в чем-то заменил термин «коллизия», который Г. Э. Лессинг и Г. Ф. Гегель использовали в качестве обозначения различных острых столкновений идеологического и социально-бытового характера, прежде всего свойственных драме. Столкновение и борьба, обуславливающие развитие сюжета в художественном произведении, предполагают наличие конфликта. Борьба может происходить и внутри сознания персонажа. Конфликт организует сюжет произведения: «неудовлетворенность героев, желание получить что-либо или избежать чего-либо заставляют их совершать те или иные поступки. В каждом произведении складывается своя, порой многоуровневая, система конфликтов, что делает сюжет более сложным»³.

В современном литературоведении теории конфликта посвящен ряд работ (В. Я. Пропп, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, Вл. А. Луков и др.). В широком смысле под конфликтом можно понимать «ту систему противоречий, которая организует художественное произведение в определенное единство, ту борьбу образов, социальных характеров, идей, которая разворачивается в каждом произведении, – в эпических и драматических широко и полно, в лирических – в первичных формах».

Любое произведение зиждется на конфликте в большей или меньшей степени его проявления. Конфликт есть «противоречие, образующее сюжет, формирующее систему образов, концепцию мира, человека и искусства, особенности жанра, выражающееся в композиции, накладывающее отпечаток на речь и способы описания героев, могущее определять специфическое воздействие произведения на человека – катарсис»⁴.

Конфликт в литературном произведении разрешается благодаря сюжету. Выделяют два вида сюжетного конфликта: локальный – преходящий сюжет, разрешение которого находится в рамках конкретного сюжета. Локальный, преходящий, сюжет является так называемым традиционным,

1 Козер Л. А. Конфликт в мире литературы. – М., 2009, с. 67.

2 Здравомыслов Л. Г. Конфликт и общество. – М., 2004, с. 89.

3 Зингерман Б. Б. Современный английский театр. – М., 1994, с. 235.

4 Михальская Н. Н. История английской литературы, М., 2007, с. 243.

архетипическим сюжетом (поскольку он восходит к исторически ранней словесности); устойчивое конфликтное положение (состояние) – это такой вид конфликта, который не имеет разрешения в рамках конкретного сюжета. Существуют разные виды конфликтов: «открытые и скрытые, внешние и внутренние, острые и затяжные, разрешимые и неразрешимые. Литературоведы выделяют конфликты, основывающиеся на развитии сюжетного действия: военные, межнациональные, религиозные (межконфессиональные), семейные, которые образуют сферу социальных конфликтов»¹.

Конфликт может быть перенесен в чувственную сферу и может определять психологическую, философскую, идеологическую жанровые генерализации. Тамарченко Н. Д. в книге «Теоретическая поэтика: понятия и определения» дает следующее определение данного понятия: «Конфликт – это соприкосновение противоположных стремлений, выявление противоречия, которое является двигателем развития действия и противодействия в драматическом или эпическом произведении, внешняя борьба, спор, чаще однако внутреннее столкновение противоположных оценок и сил: долг и склонность, воля и задача, также два различных долга или две разных склонности; образует центр тяжести всякой драмы, свидетельство дуалистически понятого мира и заканчивается как трагический Конфликт вместе с крушением или гибелью героя»².

Одно из ярких и неординарных явлений современной американской литературы – творчество молодой писательницы бенгальского происхождения Джумпы Лахири – пример мастерского использования конфликта. Ее произведения просто и ненавязчиво рассказывают о соединении пар и семей, об иммиграции, смерти и отчужденности. Большинство героев произведений Лахири – это выходцы из среднего класса, как и ее родители-академики из Род-Айленда, которые ее воспитали. «Читатели могут прочитать историю своей семьи в ее семейных историях», – пишет Робин Дессер, издатель Лахири из Knopf, который подписал с ней миллионный контракт на две книги. «Это эмоциональный рассказ, который раскрывается слой за слоем, но без всяких фокусов». Она даже сравнивает повествование Лахири с манерой Толстого: «Когда вы читаете абзац о том, как Наташа надевает туфли, вы точно знаете кто она. То же я чувствую, читая Лахири».

Уже дебютный сборник рассказов Джумпы Лахири (литературный псевдоним Ниланьяны Судесны) «Толкователь болезней» (1999) получил несколько премий, включая Пулитцеровскую. Роман «Тёзка» (2003) удерживался несколько недель в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс», экранизирован в 2007 Мирой Наир. В 2008 году Джумпа Лахири издала новый сборник малой прозы «Непривычная земля», который сразу привлек к себе внимание критиков. В сборник входят восемь рассказов, посвященных проблемам существования в чуждой культурной среде. Герои Лахири – чаще всего семьи иммигрантов из Индии, которые оказываются оторванными и от родины, и от своего нового дома; семьи, в которых граница культур зачастую проходит между отцами и детьми, мужьями и женами. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Митико Какутани в рецензии на эту книгу пишет, что индийцы в Америке изолированы из-за языкового барьера и незнания местных обычаев,

¹ Богуславский А. А. Конфликт // Словарь литературоведческих терминов. – М., 1995, с. 452.

² Тамарченко Н. Д. Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2. – М., 2010, с. 23-28.

а их дети часто становятся чужими для всех, принадлежа как индийской, так и американской культуре, они ни одну из них не могут назвать родной. Взаимоотношения поколений и полов в ситуации культурного пограничья – главная тема рассказов Дж. Лахири, в которых, по мнению американской прессы, писательница демонстрирует не только знание того, как живут ее герои, но и особенный талант описывать жизнь самых обычных людей, что является одной из причин популярности прозы Лахири, переведенной на бенгали, немецкий, французский, испанский, португальский, болгарский языки. С 2005 она избрана вице-президентом Американского ПЕН-центра.

Поэтика конфликта в прозе американской писательницы представлена как соприкосновение противоположных стремлений и выявление противоречий. В центре внимания автора человек и его окружение. Значительное место в текстах занимают реалии повседневной городской жизни и подробности быта. Количество их по мере погружения читателя в мир Лахири постоянно возрастает, заполняя все его пространство, постепенно вытесняя оттуда человека. Герой Лахири наталкивается на вещи, путается среди них и наконец окончательно теряет над ними контроль. Они портятся, исчезают, уступают место новым, все прибывающим в пространство нашей потребительской жизни. Этот поток внешних материальных форм захватывает человека и отдаляет его от собственной внутренней сути. Искушенный обитатель мегаполиса, знающий мир, в котором он живет, совершенно не склонен им восторгаться, видя в нем смертельную опасность для своей души.

Цивилизация, которую образует совокупность вещей, признана оберегать нас от непредсказуемой природы. Но в результате она сама оказывается источником опасности. Обретя власть над человеком и пытаясь им управлять, цивилизация становится агрессивной и враждебной по отношению к человеку.

Персонажи Лахири в большинстве своем не сопротивляются цивилизации. Напротив, они принимают обстоятельства, в которых оказываются, как неизбежное, пытаются понять мир вещей, утвердиться в нем, стать его неотъемлемой составляющей. Счастье они мыслят как достижение внешнего материального благополучия, как накопление вещей. Их идеал обретает форму пресловутой американской мечты. Но, к сожалению, она оказывается недоступной. Герои Лахири никогда не добиваются успеха, это неудачники. А быть неудачником в новом свете считается позорным. Лузеров здесь сторонятся, им сочувствуют лишь на словах, но в глубине души презируют. Неспособность сделать карьеру, накопить, достичь материального благополучия, стать частью социума потребления, включиться в поток вещей – это для среднего американца поражение, жизненное фиаско. Обозвать американца лузером – значит нанести ему смертельное оскорбление. Однако Дж. Лахири предпочитает писать именно о них. Более того, она представляет современный мир сквозь призму их сознания и делает социальное поражение тематическим и конфликтным центром, куда стягиваются силовые линии её текстов.

Так, в центре романа Дж. Лахири «Тезка» (2003) история американского парня из семьи бенгальских иммигрантов. В силу стечения обстоятельств родители назвали его Гоголем. Дело в том, что по бенгальской традиции новорожденному даются два имени – хорошее, которое проставляется в официальных документах и которым человек пользуется за пределами

родного дома, и домашнее – для семьи и близких друзей. Традиция также требует, чтобы выбор «хорошего» имени был предоставлен старейшему члену семьи. И когда у американского профессора-бенгальца должен был родиться сын, весть об этом была послана семейному матриарху – бабушке – в Калькутту. Бабушкино письмо почта потеряла. Тем временем подошло время родов. Срочно запросили Калькутту, но тут как раз бабушка заболела и умерла. Без имени ребенка нельзя было забрать из роддома, и отчаявшийся отец брякнул имя своего любимого писателя: Гоголь. Получив такое необычное имя в столь неординарной ситуации, главный герой вступает в мир. На протяжении всего романа он попадает в разные ситуации и перипетии, и его человеческая природа сопротивляется, в ней пробуждается устойчивое, вечное начало, вступающее в конфликт с материально изменчивым миром. Отсюда и социальное поражение. Перспектива стать неудачником с самого рождения (благодаря имени), прекратить существование в качестве социальной единицы (потеря работы), в качестве вещи и объекта, открывает другую перспективу – возможность быть свободным. Герой возвращается к природному, подлинному и остается наедине с собой. Автор создает не индивидуальный характер, а скорее, «образ психологического состояния»¹.

Персонаж сводится к внутреннему конфликту. События в романе сменяют друг друга, но этот конфликт всегда остается неразрешенным. В результате мир Лахири оказывается пограничным, промежуточным пространством, предлагающим нам неразрешимую загадку. Подобный конфликт характерен и для сборника рассказов «Толкователь болезней» (1999). Лаконичный стиль и неповторимый психологизм американской писательницы рисует внутренний мир героев проникновенно, сочувственно и одновременно с тонким юмором. Заурядный мир обретает глубокий смысл и вызывает трепетное сопереживание. Здесь переплетены эмоциональная, психологическая и социальная составляющие, в контексте которых рассматривается личность героя, ищущего себя через другую культуру и жизненные обстоятельства, опасаящегося духовной смерти, которую сулит общество потребления, где можно легко превратиться в вещь среди вещей. Суэта и скорость индустриального пространства «нового мира», в котором они оказались волею судеб, противопоставлены тихому и размеренному миру, где все понятно и очевидно, а жизнь измеряется совершенно другими категориями.

¹ Балдицын П. Как живут некоторые американцы. – Л., 1983, с. 365.